

не могла на него глядеть. Потому что все, что я решила, было написано в моих глазах, а мне не хотелось, чтобы меня сейчас начали в чем-то переубеждать. Я даже старалась об этом особенно не думать. Только невольно переплела пальцы крестиком. На всякий случай.

Меня схватили в охапку, и уже через секунду я была около своего подъезда.

Дверь. Лестница. Сквозняк из разбитого окна. Знакомый двенадцатый этаж. Пять ступенек, ведущих к закрытой двери на чердак.

— Прими душ и поешь. Я буду ждать тебя в комнате.

Он взял мои руки (его собственные опять были в перчатках), развернул ладонями вверх, сложив их ковшиком. Царапины, оставленные мне березой, затянулись кровавыми корочками. Макс медленно опустил в ладони лицо. Ранкам стало прохладно и хорошо, пульсирующая боль потихоньку ушла.

— Прости меня, я не успел, — прошептал он мгновенно затянувшимся ссадинам. — Хотел кое-что узнать и... Но теперь точно все закончилось.

— Ты знаешь, что происходит? — Мне оставалось беседовать с макушкой, лицо Макс все еще не поднимал. Макс опустил мои руки, убедился, что все ранки зажили, усмехнулся, глянув мне в лицо.

— Извини, но родители сегодняшней вечер проведут у телевизора. — Он потянулся к карману своей куртки. — Там сегодня интересный сериал. Никак не оторваться.

На длинном черном пальце звякнули ключи.

— У меня теперь всегда будет запасная связка, чтобы ты без проблем попадала домой.

Я никак не могла заставить себя начать говорить. А ведь хотелось объяснить, почему мы с Пашкой обнимались, рассказать, из какой переделки Колосов меня вытащил, пожаловаться на Катрин...

Из кармана джинсов я вытащила остатки мобильного. Губы сами расползлись в улыбке — вот сейчас Макс опустит лицо, и сотовый, лежащий у меня в ладошке, через мгновение окажется собранным.

Делать он так, конечно, не стал. Просто забрал у меня развалившуюся трубку.

— Я. Тебя. Жду. На кухне, — повторил любимый и толкнул дверь в мою квартиру, уже успев открыть замок. Он всегда все успевает. Теперь, надеюсь, я тоже успею. Еще в парке у меня родилась идея, как сделать так, чтобы Смотрители забыли о моем существовании. Только думать об этом я боюсь, чтобы Макс не догадался и не помешал мне.

Из комнаты родителей и правда слышались звуки работающего телевизора. Все в порядке. Иногда они действительно любят вместе посмотреть фильм.

Прежде чем мы с Максом разошлись в коридоре, я задержала его за руку.

— Скажи, а куда Лео спрятал свое оружие, когда отправился в путешествие к прерафаэлитам?

— В мастерской оставил.

Макс говорил ровно. Мой вопрос его не

удивил. Это меня потом удивит то, что он сделает. Ведь Макс уже догадался о моем решении. Зря я пряталась и не поднимала глаза. Он все понял.

Макс осторожно поцеловал меня в щеку и повернул в сторону ванной.

Вопрос, где я буду ночевать, решен. В мастерской.

Очень странное было ощущение — вновь чувствовать себя здоровой. словно на месяц меня лишили возможности ходить, а тут вдруг сказали: «Иди!» Такое однажды было — две недели я пролежала в кровати. Мне нельзя было вставать. И все эти две недели я смотрела в окно, мечтая подойти к нему. Все две недели за окном была осень — шел дождь и падали листья. Когда же я наконец встала, на улице лежал снег. Мы с зимой сделали шаг навстречу друг другу. Мне было легко. Наверное, с тех пор я люблю зиму.

Сейчас мне тоже было удивительно не чувствовать своего тела. Нигде ничего не болело, не тянуло в сон. И даже помороженные ноги чувствовали себя прилично, прогулка по парку босиком и без верхней одежды не давала о себе знать.

Я открыла кран. Хлынула обжигающе горячая вода. Она сильными струями била по коже, возвращая мне ощущение жизни.

Все было решено, и назад дороги нет. Я нужна Смотрителям, ради чего они даже готовы убить Антона, а заодно Катрин и вообще всех, кто вокруг меня появляется. Их надо остановить, иначе эта гонка друг за другом ничем хорошим не кончится. Теперь Смотрители знают,

что у Катрин ничего не получилось, что моя связь с Антоном прервалась. И настала их очередь делать ход. Только бы мои прыжки через острые предметы не убили Антона. Рыжий веселый программист мне искренне нравился, так же как нравилась в свое время Ирина. И раз уж меня во все это замешали, я все и исправлю.

Конечно, я недооценила Олега. На деле он оказался не таким увальнем, как мне виделось поначалу. За улыбкой Гагарина пряталось многое. И может быть, когда-нибудь я в этом разберусь. Интересно, кто со мной придет разговаривать? Александр или Борис? Я не сомневалась, что Олег примчится ко мне в город со своей компанией. Если уже не примчался. Я набрала Олега, и звонок прошел. Катрин не дала мне ничего сказать, но на его мобильном отразилось, что я звонила. И пропала. А потом в дело вступил Мельник. Представляю, какая у них там началась паника. А значит, они с минуты на минуту появятся здесь. И мне останется только ждать и запасаться приметам. К этой встрече мне надо быть подготовленной.

Я стала с остервенением тереть свое тело губкой, словно оно было виновато, что все так произошло, что оно вместо того, чтобы решать проблемы, желало другого. Покоя. Того самого, о котором сейчас мне будет говорить Макс. Но я не хочу покоя, по крайней мере сейчас. Надо решить проблему, потом будем отдыхать. А для этого, всего на один день, нужно сделать так, чтобы Макс перестал ходить за мной по пятам. Но я не знаю как. Запакует меня сейчас Макс в

чемодан и увезет без лишних споров. А в том, что он захочет уехать, я не сомневалась.

Запросили пощады пятки — распаренные ранки напитались водой и начали болеть. Ну да, босиком по колючим палкам в лесу я ходить не умею. Я закуталась в халат и на мысочках выскользнула в коридор.

— Как ты готовишь кофе? — Макс стоял на кухне, в руках (ага, перчатки он снял) у него была банка. Он с сомнением в нее заглядывал, словно в его представлении кофейный порошок должен быть другого цвета. Например, зеленого.

— Берешь банку, заливаешь кипятком и не размешиваешь, — пошутила я.

— Что, прямо туда? — решил уточнить Макс.

— Вам кофе в постель или в чашечку? — усмехнулась я, выхватывая у него банку. — Давай сама сделаю.

— Почему ты так ходишь? — Макс, как всегда, был очень внимателен.

Я тут же опустилась на пятки, зашипела и вновь встала на мыски, пробормотав:

— За грехи поставлена. — Нервы начинали сдавать.

Макс отобрал у меня банку, силой усадил на табурет, поднял к себе на колено мою правую ногу. От чувства неловкости я готова была провалиться сквозь пол.

— Ты очень быстро бегаешь, ботинки за тобой не поспевают. — Он ничего не делал, просто держал мою ступню в своих руках.

— Мне не дали обуться. — Я смотрела на его тонкие белые руки, на чуть синеватые ногти, на

хрустально-идеальные пальцы, и к переносице стали подкатывать слезы, словно я прощалась с любимым. Мне не хотелось с ним расставаться. Я только-только начала понимать, что такое любовь. Я только-только поверила, что и у меня может быть счастье. И я хочу его сохранить. Один день! Я смогу сделать так, чтобы все было хорошо.

Макс опустил мою правую ногу, потянул к себе левую.

— Я встречался с Катрин. Как только она появилась в городе, начал следить за ней.

— Не уследил, — проворчала я.

— Не в том дело. Помнишь, я говорил, что почувствовал другого вампира в Москве? Там была она.

— Не понимаю, почему вы боитесь Смотрителей, если они никого не убивают, — дернула я плечом. Надо было говорить как-то мягче, но у меня не получалось. Я нервничала, потому что должна была куда-то отослать на завтра Макса, но ничего, кроме ссоры, не придумывалось. Ни при каких других условиях он меня одну не оставит.

— Ее не убили, потому что у них была другая цель. Смотрители поставили ей условие.

— Украсть меня? — догадалась наконец я. — И закопать в лесу?

— Не так, — в голосе Макса появилось что-то вроде усталости. — Катрин не могла поступить иначе. Сейчас она у них как будто на поводке. Ты ведь не знаешь, что такое, когда вампира сдают Смотрителям? — Я отрицательно за-

мотала головой. — Достаточно одного волоска, чтобы любой охотник мог построить хороший аркан, и вампир обречен. Чаше всего после этого погибают. Но Катрин им еще нужна.

— Эдгар передал волосок Катрин кому-то из Смотрителей? — Момент передачи волоска представлялся слабо.

— Наверное, у него не было другого выхода. Катрин необходимо было наказать.

— Но задание она не выполнила! — напонила я.

— Ей помогли его не выполнить. Кто-то помешал. Мне показалось, что сам лес тебя не выпустил.

— Не лес, а колдун! Его нашел Пашка. Они вдвоем вытащили меня оттуда.

— Я тебе сейчас приготовлю настоящий кофе.

Вторая моя нога вернулась на пол. Ступням было горячо, словно я только что пробежалась по снегу. Кровь быстро бежала по всему телу, и я впервые спокойно встала на полную стопу. Надо будет Максиму сшить белую повязку с красным крестом, пускай все знают, что он незаменимый человек, и ни в коем случае не пытаются его убить.

Макс принялся, безошибочно шагнул к ящику, где у мамы лежали пакетики с зеленым чаем. Оттуда, к великому моему удивлению, он извлек серебристую упаковку с кофейными зернами. Так-так, значит, мама втихаря пьет кофе, а мне запрещает? Старая ручная кофемолка у нас уже какой месяц стояла без движения. Макс насыпал в ладонь горсть зерен. Потрясающее

сочетание — белая рука и масляно-коричневые кофейные ядра. Через секунду кофе был смолот, засыпан в турку (оказывается, и она у нас имеется!), та поставлена на огонь.

— Маша, — Макс стоял над плитой, глядел на пламя. — Ты мне потом обязательно все расскажешь. Ты же знаешь, я не умею читать мысли. Но я тебя очень прошу — прежде чем что-нибудь сделать, подумай.

Чтобы спрятать смущение, я полезла в холодильник. Где-то там обитает сыр... Кофе без сыра я не пью. Я уже потянулась к куску, завернутому в целлофан, когда услышала:

— Возьми другой. Этот не очень свежий.

— А вроде недавно куплен, — пожалала я плечами, беря уже начатый и даже как будто слегка заветренный кусочек. — Скажи, тебя можно обмануть?

— Меня очень легко обмануть, — негромко произнес Макс, забыв о турке. — Поэтому не надо.

Я успела поймать убегающий кофе. Запах у него был волшебный. Конечно, с растворимой бурдой не сравнить. Осталось только чашку найти с рыбками...

— Смотрители уже здесь. — Макс стоял около плиты как приклеенный. — И на сей раз на одной крысе не выберешься. Нам надо уехать.

— Когда еще они до нас дойдут! — Я перелила кофе из турки в чашку.

— Олег приходил в мастерскую, я чувствовал его запах. Он и сейчас во дворе.

Я обхватила чашку двумя руками. Теперь за-

пах кофе всегда будет рождать у меня воспоминание об этом разговоре. Ох, лучше бы его не было, потому что я знаю, чем он закончится. Но ведь еще можно все остановить. Встать, обнять Макса и попросить замолчать. С ним так приятно молчать, он самый лучший молчун на свете! Но я не могла его остановить, поэтому Макс продолжал говорить. Он должен был сказать это до конца. Чтобы потом уйти. На один день.

— Если мы хотим быть вместе, нам надо уехать. — Голос у него был просительный. — Неважно куда, хоть за город. Здесь мы постоянно скованы старыми связями. Если уедем, все будет по-другому.

Я мелкими глотками пила терпкий напиток. Мне было страшно. Страшно от того, на что я решалась, от того, что хотела остаться одна. А я ведь уже привыкла, что мы с Максом вместе.

— Конечно, ты привязана к тому, что тебя окружает, я знаю, но пришла пора сделать выбор, — настаивал Макс.

— А как же все те, кто здесь останется? — прошептала я. Мне показалось, что в каждом моем слове чувствуется запах кофе. — Ты в курсе, что Маркелова в тебя влюблена и готова скормить тебе свою Белку, лишь бы ты обратил на нее внимание?

— Я не умею подавать руку слабому, когда вижу, что ничего сделать для него не могу. — Голос Макса зазвенел. — Маша, я люблю тебя. Нам надо уехать. Родителей и школу я возьму на себя. Помнишь, как ты уговаривала меня послушаться? Сейчас я прошу тебя о том же.

— Но ты ведь не послушался. — Я упрямо тянула кофе, хотя мне и без него было очень жарко. Хотелось сбросить теплый мамин халат. Всегда говорила, что халаты вещь страшно неудобная.

— Смотрители сюда уже приехали, и я не хочу, чтобы ты снова участвовала в их действе. Получается замкнутый круг, неужели не видишь? Раз за разом проходить через одно и то же — мастерская, Смотрители, разбитое окно... Они зациклили это событие, я тебе рассказывал.

— Да, события последних двух месяцев повторялись с завидной регулярностью.

— Где вероятность, что, уехав, мы не попадем в новую закономерность?

Макс поднял на меня глаза. Мой вопрос его взбесил, если к вампиру применимо такое слово.

— Я не прячусь, не подглядываю из-за угла, не бормочу, не отвожу глаза, не поддаюсь, не подгоняю, не подкупаю. Все эти глаголы множат потери, с ними нельзя жить. Нельзя стоять рядом и ничего не делать. Auf halbem Wege stehenbleiben¹. Нельзя любить вполсилы или прыгать вполпрыжка. Такого действия даже не существует. Ты ведь живая! Ты должна это чувствовать. От жизни надо брать, а не подбирать. В отношениях не бывает многоточий. Там только запятые, потому что даже смерть их не прерывает.

Я чувствовала себя на уроке русского языка, как будто передо мной ставят задачу внести за-

¹ Останавливаться на полпути (нем.).

пятую в простую фразу «казнить нельзя помиловать».

— Ты бежишь? — Я искала лазейку в его правильных словах.

— Я хочу уехать.

Мгновение его слова не доходили до моего сознания. Они были так просты, и вроде бы все было так понятно. И вдруг как вспыхнуло: «Я». Не «мы». Но и я сама только что сказала ему «ты», не «мы». И вдруг стало страшно от этой внезапно пробежавшей между нами границы.

— Это ничего не решит, — пробормотала я, пряча глаза в чашку. Кофе осталось на доньшке, оно смешивалось с густым осадком, превращаясь в коричневую маслянистую массу. Зрелище было завораживающее. Хотелось смотреть и смотреть, как после взбалтывания коричневые крупинки оседают на белых стенках чашки.

— Маша, здесь нечего решать. Это бесполезно. Здесь надо оставить все так, как есть, и уезжать. Это единственный выход. Вспомни все тот же маскарад! Это тоже была попытка решить проблему, но стало только хуже. Остановись. Остановись пока не поздно!

Я смотрела на его невозможно красивое родное лицо, и мне хотелось с ним соглашаться. Такой сильный, такой уверенный. Да, да, мы уедем, бросим город, родителей, бросим всех, пускай сами выкарабкиваются из той каши, что заварили. Но тут же во мне просыпалась и другая убежденность — незавершенные дела приводят к еще большим трагедиям. Разговор со Смотрителем должен состояться. И прийти на него я

должна одна. Боец я, в конце концов, или не боец? Я справлюсь! Макс не должен не только рядом быть, но и знать об этой встрече, потому что не пустит, встанет за спиной. И тогда уже всё, нам останется только бежать всю оставшуюся жизнь.

— Маша, я не стану разбираться, кто и почему тебе помог, но я не собираюсь больше подвергать тебя испытанию.

— Мне помог Пашка.

— Я не буду стоять у тебя на пути, если что-то изменилось.

Колосов? Он хочет сказать, что в благодарность за свое спасение я предпочту Пашку? Да как он даже предположить мог такое?

— Макс, что ты говоришь!

— Я все понимаю. — Макс склонил голову, не желая смотреть на меня. — Мне ничего не стоит сделать так, чтобы ты была со мной. Наши уговаривают превратить тебя в вампира. Но я не стану их слушать, хотя порой мне бывает тяжело сдерживаться. Тебе ведь важно все то, что вокруг происходит, ты хочешь видеть, чувствовать, пропускать через себя. Но ты не можешь всегда на все реагировать. Я за тобой просто не успеваю.

— Давай мы не будем сейчас об этом говорить? Просто давай переживем эту ночь, а завтра ты сходишь по всем своим необходимым делам... И не будешь мне мешать разбираться с моими делами. — Мне было тяжело дышать. Машинально я выложила из блюда сыр и опрокинула в него чашку с остатками кофе. Положила сверху ладонь. Синие рыбки, оказавшись

кверху пузом, с удивлением задвигали плавниками.

— Мы должны об этом говорить, — с нажимом произнес Макс. — Иначе мы обречены друг другу врать.

Я медленно подняла чашку. Такого рисунка даже я увидеть не ожидала. Коричневая жижа сползла по стенке, образовав на блюде темный круг. По центру его крест-накрест пересекали две линии, нижняя четверть образовывала нечто, похожее на сердечко. Скрещенные шпаги, сердце... А в самой чашке была ровная чернота. Мое прошлое было черно, а будущее обещало вечный бой.

— Пашка больше меня не любит. Теперь он не станет нам мешать.

Зачем я это говорю? Надо молчать!

— Он вообще не должен был появиться. Что за двойная игра? Почему постоянно остаются недоговоренности?

Я отодвинула от себя и чашку и блюдо. Кровь снова бросилась к щекам. Лучше бы я болела, спокойно могла бы слушать Макса.

— А тебе не кажется, что ты много от меня хочешь?

— Я хочу уехать.

— Мы останемся. Пока по крайней мере.

— Мы уедем!

— Не надо мне приказывать! — Мне хотелось врезать по столу, разбить кулаки в кровь, наорать на него, но я сдержалась, и от этого вдруг резко заболела голова. Ярость новогодней хлопушкой взорвалась внутри меня, и я поняла:

как никто не в силах удержать лавину, так и меня сейчас тоже никто не остановит.

— Хватит мной командовать! Я буду делать, что считаю нужным!

— Делай. Но в другом месте. — Голос Макса такой же спокойный, такой же размеренный. — И я тебе помогу. Однако в любом другом городе России. А лучше за границей. Ты была в Германии?

Нет, я не была в Германии и когда-нибудь с удовольствием туда поеду. Но это будет потом. После завтрашней встречи. Один на один, без Макса.

— Нам нельзя уезжать! — как заклинание твердила я. Ну, услышь же меня... Не спорь, просто поверь, что так надо...

— Маша, пока ты будешь сидеть тут, это никогда не закончится. Неужели тебе не надоело?

— Что «это»?

Я подумала, что Макс опять говорит о моих отношениях с Пашкой. Но он положил на стол зазвонивший мобильный. Даже не мобильный, а смартфон. Небольшая плоская коробочка. Я такие только по телевизору в рекламе видела.

— Что «это»? — повторила я свой же вопрос, хотя ответ уже знала, потому что на экране аппарата высвечивалось знакомое слово «Олег». Мне звонили. Новый телефон Макс принес вместо моего разбитого.

— Прекрати! — склонился надо мной Макс. — Я тебе даю слово: они нас не найдут.

— Не надо мне никаких слов! — Хотелось

взять трубку и ответить. Мне необходимо было поговорить с Олегом. Но без Макса.

Мобильный успокоился.

— Маша, есть ситуации, когда ничего нельзя сделать. Смотрители будут испытывать тебя, пока не сломаешься. Человеческий предел найти легко.

— Не дави на меня! — Я сжала голову руками. Разговор стал невыносимым, я не могла больше терпеть.

Макс сдернул меня со стула, прижал к себе. Я вдохнула такой родной, такой знакомый запах, и ярость с новой силой зашевелилась у меня в душе. Я должна сделать по-своему! Обязана! Когда все закончится, он сам поймет, что по-другому нельзя. Я уперлась руками в его грудь.

— Не трогай меня! Не прикасайся! Ты трус! Обыкновенный трус! Ничего не можешь сделать и бежишь, хотя отлично знаешь — Катрин не остановится! И пока звенит чертов телефон, все будет повторяться!

Я потянулась, чтобы грохнуть вновь зазвонивший смартфон об стенку. Синие рыбки разинули удивленные рты и исчезли за краем стола. Чашка звякнула, разбиваясь. Брызнула во все стороны оставшаяся кофейная гуща. Макс тут же разжал объятия, и я упала на пол, больно ударившись коленями.

Моя любимая чашка! Запоздало вспомнила, что чашка уже другая, та, действительно любимая, разбилась еще утром, и над этой можно не горевать. Досада на саму себя подогрела раздражение.

— Мы все исправим. — Он был рядом. Прозрачно-голубые глаза, мягкие добрые руки, убедительный голос.

— Ничего ты не исправишь!

Голос мой сорвался на визг. Я оттолкнула его. Он опрокинулся назад, на секунду коснулся пальцами пола, и вот уже стоит около стены.

— Ты остаешься?

Пожалуйста, хоть как-нибудь покажи, что тебя волнует происходящее! Взглядом дай понять, что разбираешься в ситуации лучше меня, что просто дашь мне один день на то, чтобы я завершила все свои дела...

Но он молчал, не шевелился.

— Можешь убираться! — Я понимала, что подписываю себе смертный приговор, но уже не могла остановиться.

— Ладно, я уйду, — легко согласился Макс.

— Стой! — вскочила я.

Но кухня уже была пуста. «Боже мой! Что я наделала!» — заметалась испуганная мысль. Я обхватила голову руками. Принявшееся было отбивать тревогу сердце тут же успокоилось. Я медленно опустилась на табуретку.

Да, да, все правильно, так и должно было случиться. Это хорошо, что он сейчас ушел. Мне надо всего на денек остаться одной. Я найду саблю, встречусь со Смотрителями и потребую, чтобы они оставили нас в покое. Нельзя подпускать к ним Макса. А потом... Потом мы встретимся. Я все-все ему объясню. И он простит. Да что там прощать! Он ведь даже не обиделся. Просто ушел проветриться. Я приду к нему в мас-

терскую, или где-нибудь еще его встречу. Мы теперь с ним навсегда вместе. Нам невозможно не встретиться...

Запах кофе стал невыносим, и я распахнула окно.

«Дура! — вопило сознание. — Беги за ним! Извинись! Скажи, что была расстроена, что не сдержалась! Что тебе нужен всего один день!»

Я сжала кулаки, заставляя заткнуться любой голос, пытающийся мне что-то сейчас сказать.

Морозный воздух был неприятно холоден, вокруг уличного градусника образовался иней. Было красиво — белые крупинки льда сковали стеклянную колбу, сделали красный столбик призрачным, загадочным. Жизнь после смерти — это иней. Иней теперь — это я. Хотела продолжить, что теперь вся моя жизнь — смерть, но силой воли, той самой, что остается после счастья, немедленно запретила себе об этом думать. Только звенящий противный комарик остался сидеть внутри, но я решила пока не обращать на него внимания. К тому же мне опять звонили. Мелодия у смартфона была неприятная. Что-то из классики — Моцарт, Григ? Какую музыку любит Макс? Я уже чувствовала, как на меня валом катит паника, и тут же нажала на кнопку приема.

— Алло! — бодро проговорила я. Но голос дрожал. Мне приходилось приказывать самой себе успокоиться, собраться. Однако злое отчаяние, поднимавшееся из глубины, перекрывало собой все, меня начало трясти. — Здравствуйте, Олег! Как ваши дела?

На том конце провода повисла пауза. То ли

Олег не ожидал, что я отвечу, то ли не ожидал, что я буду настолько бодра.

— Спасибо, Маша, у меня все хорошо. — Собеседник словно через интерком говорил, параллельно с его голосом звучало странное эхо. — А как твои дела?

— О, вы не поверите, но я выздоровела! — Меня уже вовсю трясло, от чего голос слегка дрожал.

— Какая приятная неожиданность. — А Олег, оказывается, тоже умеет показывать зубы — его ответ никак нельзя было назвать дружелюбным. — Чем же ты лечилась?

Я глубоко вдохнула, прогоняя нервную дрожь.

— Обливалась по утрам и вечерам холодной водой, бегала босиком, — съязвила я. — А как там Антон?

— Ему... лучше. — Повисла пауза. — Маша, нам надо встретиться.

— Еще как надо! — Мне хотелось кричать, но я себя сдерживала. — Завтра, ближе к вечеру вам подойдет? Мне надо подготовиться. И знаете еще что. Мне бы хотелось, чтобы пришел Борис.

Олег молчал. Никогда не думала, что тишина в телефоне бывает такой тяжелой.

— Маша, мы можем, прежде чем что-то произойдет, поговорить?

— Олег, вы прекрасно знаете, что нам не о чем разговаривать.

— Маша, я боюсь, ты все видишь в неправильном свете. — Его голос вдруг резко приблизился, стал вкрадчивым. Но меня такими штучками уже нельзя купить.

— Олег, как все же здоровье Антона?

— Если Макс еще раз появится в Москве, пусть он заглянет к нам. Нечего ему под окнами бегать. Он же не думает, что его визиты остаются незамеченными? — вынул свой козырь Смотритель.

Я мысленно перебрала карты на своих руках. «Полковник, почему не сыграл ваш козырной туз? — Расклад-с»... Тузов у меня не было. Зато имелся джокер. Веселый такой, с бубенчиками на колпаке.

— Что вы теперь сделаете с Катрин? — спросила я. — Убьете? Или снова подошлете ее ко мне?

— Маша, приходи на встречу с Максом. Или уговори его пустить меня в мастерскую. Нам надо встретиться.

— Вам мало Грегора? — заорала я. — Хотите всех собрать?

— Это здесь уже ни при чем. Кое-что изменилось.

— Поэтому вы издеваетесь над Антоном? — Мой маленький джокер достоинством в «шестерку», вырос до валета.

— Ничего с твоим Максом не случится! — прикрикнул на меня Олег. — Нам нужна его помощь!

— Врать нехорошо! — выпалила я не раз уже повторенную сегодня фразу.

— Да, я понимаю, ты пережила много неприятных моментов. Мы тоже не всегда были правы. Но времена меняются.

— С чего вдруг? — Я глянула в окно. Сумерки. Мое самое нелюбимое время суток.

— Ты же Смотритель! Ты должна нас понимать!

— Ничего я не должна. Вот встретимся завтра и поговорим.

— А если я пообещаю, что с Максом ничего не произойдет, ты позовешь его завтра на встречу с нами?

— Нет!

Молчание.

— А если я скажу, что Грегор жив? Мы отпустим его, если я смогу встретиться с Максом.

Мне захотелось бросить трубку. Сердце колошматилось в груди, перед глазами ходили круги.

— Вы все врете! — Голос мой стал хриплым, неузнаваемым. — Оставьте нас в покое, или я не обещаю, что все закончится мирно!

— Я тебе ни разу не соврал. — Олег еще пытался сохранять спокойствие, но голос у него зазвенел. — Согласись, каждый раз выходило так, как я говорил.

— Вампиров в мире множество. Съездите в Африку, там, говорят, вокруг пирамид целый выводок. Пекин, опять же, очень интересное место. Оставьте мой город в покое.

Я почти успокоилась. В голове мелькнула мысль: «Не отстанете, трехлитровыми банками с заговоренной водой закидаю». И тут же поняла: какая глупость. Джокер в моей колоде из валета упал до восьмерки.

— И уговорите сумасшедшую Катрин боль-

ше меня не трогать. Еще одной прогулки по парку босиком я не переживу.

— Мы немного опоздали.

Что они от нее хотели? Чтобы она принесла меня на нейтральную территорию? Или прямо к ним в Москву? Мельник начал свой обряд, который ее сбил, иначе я не оказалась бы так близко от дома. У красавицы сдали нервы. Бывает. Особенно у вампиров. Интересно, что бы сделали со мной Смотрители?

— До встречи! — быстро произнесла я, пока мой джокер не превратился в бесполезную картонку. — Завтра. Вечером. Найдите меня сами.

Я собралась дать отбой, уже отвела трубку от уха, но все равно услышала последние слова Олега:

— Маша, я тебя очень прошу, не делай глупостей. Если хочешь, мы можем сейчас встретиться, и я тебе все объясню!

— Не надо.

На экране побежала строчка «Вызов завершен. Время разговора 5:02». О! А мне явно сопутствует удача: в сумме «семь». Надо как-то подкормить удачу, чтобы она от меня завтра не сбежала.

— Как у тебя здесь вкусно пахнет кофе. — В кухню вошла мама. — А мы с отцом какую-то ерунду смотрели, я задремала.

Воздействие Макса закончилось, родители снова стали сами собой. А значит...

Не думай! Не смей!

Я сжала зубы, наклонилась за осколками чашки.

— Ты гадала? — мама смотрела на странный узор, оставшийся в блюде.

Есть такое незатейливое занятие — гадание на ромашке. Рвешь лепестки у цветка и приговариваешь: «Любит, не любит, плюнет, поцелует, улыбнется, вздохнет, за руку возьмет...». На каком листочке остановишься, так к тебе загаданный человек и относится. Интересно, что у меня сейчас выпало бы на Макса? Плюнет или вздохнет? Жалко, что в ноябре не цветут полевые ромашки.

Глава IX

МЕЧ В КАМНЕ

Один шутник как-то подсчитал, что на всю жизнь нам отпущено всего-навсего полмиллиона часов. Двадцать четыре тысячи дней. С кем бы поделиться оставшимся богатством?

Наверное, так же себя чувствовали люди, идущие на дуэль. Или думать о смерти — плохая примета?

Я прошлась по комнате, огляделась и стала медленно выкладывать на кровать все вещи, что считались у меня счастливыми. Перстенок с бирюзой... Он был светел, без царапинок. Значит, Макс в порядке. Крестик с гранатовыми камешками... Я смотрела на него и заставляла себя верить, что все еще будет хорошо. В свете лампы гранаты сияли тусклым, как будто умершим светом. Но я знала, что они живы. Стоит к ним прикоснуться солнечному свету, как они прорастут из своей глубины кровавыми цветками.

Бордовый гранат (цвет страсти и любви) исполняет заветные мечты, он талисман для людей, чья профессия связана с риском.

С риском? Макс знал?

Или это случайный подарок? На ладошке крестик нагрелся, и камни стали оживать. А еще гранат помогает от потери памяти, бережет от измены.

Макс заранее знал, что все так получится? Или боялся, что я изменю ему, уйдя к Пашке? Нет, дорогой, я могу быть только с тобой. Мы теперь крепко связаны. Навсегда.

Мы с Максом забавная пара. Наперегонки пытаемся помочь, каждый раз мешая друг другу.

Глубоким дыханием я попыталась прогнать подкатившие слезы. Не думать! Не сейчас! Завтра! Я все исправлю!

Вгляделась в набухающие кровью камни. Конечно, Макс вернется. Один день — и все будет как раньше. Нет, будет лучше. Гораздо лучше. Мы уедем, вдвоем. Как он хотел.

Я сжала крестик в кулаке, закрыла глаза. Тихо. Как же тихо вокруг. Город словно умер. Без вампиров он стал неживым.

Что у меня в плане дальше? С книжных полок сняла камешек с дырочкой, куриный божок и пятирублевую монету — я ее всегда клала под пятку на экзамен (помогало, по крайней мере тройков у меня не было). Не густо. Взяла книгу «Дворянство пушкинской поры. Приметы и суеверия». Для полного комплекта мне бы не мешало иметь три подсвечника, белую косынку и привести с собой на встречу двенадцать человек из

группы поддержки. Вместе со мной нас было бы тринадцать — для моих противников верная смерть. Они бы увидели и в панике убежали. Я усмехнулась. Да, с фантазией у меня все хорошо.

А еще мне нужен заговоренный меч, который сам по себе помогает в бою. Эскалибур¹, Дюрендаль², Жуаёз³, подошел бы мне и Грейс-вандир⁴, на крайний случай не отказалась бы я и от меча-кладенца⁵. Но ничего такого мне предложено не будет. Остается надеяться на Колосова. Зал для фехтования — место, где мы с ним познакомились. На тренировках сабли, конечно, ненастоящие, на соревнованиях тоже. Зато в сейфе у тренера есть отличный клинок. Я его держала. Тяжесть стали в руке впечатляет. Надежды на то, что Пашка сломает кодовый замок и раздобудет саблю, мало. Но она все же есть.

Я еще не очень понимала, что хочу той саблей сделать. Но бегать и прятаться больше нельзя. Можно попробовать в честном поединке решить и мою судьбу, и судьбу Катрин, а заодно и Антона. Перед Куликовским сражением на поле вышли два богатыря — Челубей и Пересвет. Челубей упал первым, татары дрогнули... Макс прав, я не могу все время бороться со Смотрите-

¹ Меч короля Артура. Считалось, что его ножны останавливали кровотечение.

² Меч Роланда в «Песни о Роланде».

³ Меч Карла Великого.

⁴ Меч принца Корвина в цикле Роджера Желязны «Хроники Амбера».

⁵ Меч Святогора и Ильи Муромца в русском фольклоре.

лями, в конце концов они меня доконают. Второго аркана мне не пережить. Пока удача на моей стороне, пока Макс и мне удастся выкручиваться. Верный способ защиты — нападение, и теперь я собиралась напасть.

Не в том смысле, что я, размахивая саблей, побегу крушить своих врагов. Мне просто хотелось иметь в руках какое-нибудь оружие, хоть что-то, чтобы, в крайнем случае, было чем защититься. Воткну в землю, перепрыгну, обернусь лисой и убегу в чащу дремучую, непролазную. Не найдут. Да вообще, мало ли для чего может понадобиться сабля девушке, одной гуляющей по лесу!

На кухне пропиликал смартфон. Пришла эсэмэска от Пашки:

«Жива?»

Какое готическое приветствие! Маркелова обрыдалась бы от восторга. А я ведь Макса даже не поблагодарила за подарок. На его месте я бы тоже обиделась... Но не стоит об этом сейчас. Перед боем только хорошие мысли — закон любой победы.

«Не забудь про оружие», — напомнила я Пашке.

Сегодня пятница, завтра суббота. Тренировка уже закончилась, но, будем надеяться, Колосов придумает, как проникнуть в спортзал.

Я снова прошлась по комнате, грея в руке непривычно плоскую коробочку коммуникатора.

А может, в том смысл любви и есть — не жалеть для любимого ничего? И даже такой мелочи, как жизнь. Ведь именно за это меня и любит

Макс. Не за неземную красоту, не за умение виртуозно вышивать крестиком, не за талант выкуривать в день по три пачки. Поточнее можно будет у него спросить чуть позже. Жаль, что за два месяца, что мы вместе, нам так и не удалось научиться договариваться. Говорить скрестив пальцы у нас хорошо получается, а вот объяснить, чего мы друг от друга хотим, — нет.

Я снова прислушалась к притихшему городу. Никого. Город без Макса похож на выжатую половую тряпку. Такой город не для жизни, для существования. Он мне даже стал на мгновение скучен. Но Макс вернется, и все снова встанет на свои места. А пока нужно обезопасить себя от незваных гостей. В первую очередь закрыть и заштопать окно. Эту ночь я должна прожить спокойно и проснуться в своей кровати. Что со мной может случиться? Из лучшего — Макс вернется, а значит, завтрашний день надо будет распланировать так, чтобы вечером оказаться одной. Из худшего — заявится разъяренная Катрин, и мне придется от нее отмахиваться тяжелыми предметами.

Я вытащила из стола булавки, забралась на подоконник, воткнула их в углы рамы, мысленно строя между собой и миром за окном стеклянную стену. Теперь кто бы ни попытался ко мне проникнуть, он обречен постоянно врезаться в эту преграду.

Совсем плохо будет, если ко мне придет Маринка, маленькая вампирша, питающая некие иллюзии в адрес Макса и потому ненавидящая меня. Кстати, что-то давно она не появлялась. Сегодняшняя ночь для ее визита очень удобна.

Я покопалась в ящике стола, вытащила кусок белого мела. Люблю писать на доске — мне нравится, когда мел крошится в руке, оставляя после себя широкий след. У меня есть грифельная доска, иногда я на ней рисую. Давно, правда, не рисовала. Надо повторить. После. Когда вернусь.

С мелом в руке я походила по комнате, прикидывая, как лучше все сделать. Хорошо, что я живу одна. Начни я вытанцовывать такие танцы в одной комнате с родителями, меня бы посчитали за сумасшедшую и кто-нибудь уже накручивал на телефоне «03». А так можно порезвиться в свое удовольствие.

Когда-то давно, недели две назад (то время и правда мне казалось другой жизнью), Олег уверял меня, что в моей власти моделировать реальность. Не так, конечно, чтобы среди пустыни вдруг раскинулась река или прямо передо мной из воздуха возник торт с семнадцатью свечками. Но четко сформулированное желание сбывалось. Не бог весть какой секрет Полишинеля — правильно сформулированные желания сбываются у каждого. У меня, во всяком случае, всегда. Например, так случилось, когда под руку вовремя подвернулась Белка — мне нужно было как-то расстроить аркан, построенный Антоном, и крыска мне как раз помогла. Так было, когда среди Леркиных тетрадей появился дневник. Мне хотелось его прочитать, и у меня были на то все шансы. Сейчас мне нужны спокойная ночь и оружие. Желание про Макса я загадаю завтра вечером.

«Кто через черту перешагнет, тот дальше не

пройдет!» Присказка была самостийная, но должна подействовать. По крайней мере я так хотела.

Мелом провела черту перед дверью, под окном и вокруг кровати. Даже за нее забралась и нашла в углу месяц назад пропавшую любимую ручку и закатившуюся катушку розовых ниток. Что-то я такое зашивала... Уже не помню. Богатый улов.

Оглядела комнату. С зашторенными окнами она стала выглядеть по-другому. Более уютной, что ли, домашней. Может, зря я упиралась, не давая маме закрывать окно? Надо будет потом об этом подумать.

Между прочим, тоже метод — напланировать дел «на потом». Что будет завтра, я запретила себе думать.

Легла в кровать, прихватила с собой белого мишку с красным шарфиком — будет мне защитником. А теперь спать...

Я была уверена, что не усну. Столько всего произошло! Давно у меня не было таких суматошных дней. Но даже несмотря на то, что вчера я проспала чуть ли не сутки, сейчас вырубилась, только донеся голову до подушки.

И снова в мой сон ворвалась крыса. Она уселась около кровати, сверкнула в мою сторону недовольными глазками-бусинками. Крыса и крыса, подумаешь! Но мне почему-то стало тревожно.

— Уходи!

Крыса дернула мордочкой и побежала под стол. Я спустила ноги на пол, заглянула в черно-

ту угла под кроватью. Можно сыграть в Алису в Стране Чудес — прыгнуть в дыру и оказаться в ином мире. Сердце шоркнулось в груди. Я оглянулась. За спиной стоял Макс.

— Знаешь, кто такие валькирии? — медленно спросил он.

Представилось нечто с крыльями и когтями, больше походившее на вампиров из фильмов.

— В скандинавской мифологии валькирия — дева, летающая над полем боя на крылатом коне. Она отнимает жизнь у воинов. Погибшие солдаты потом отправляются в небесный чертог, Валгаллу. У валькирий в руках щит и копье. Считается, что северное сияние — это свет, отраженный от доспехов валькирий.

— Красиво, наверное.

— Может быть, — пожал плечами Макс и прыгнул в черную дыру.

Я шагнула следом, но уперлась в невидимое препятствие. Над головой раздалось злобное карканье — хриплый раздраженный смех. Валькирия? Я отшатнулась от стола и окна. С неба на подоконник, пробив стекло, упало железное перо. Оно постояло секунду, возмущенно звеня, и с металлическим грохотом рухнуло на пол.

— Меч-кладенец, — прошамкал старушечий голос. — Но возьмет его в руки только достойный. Тот, кто отгадает три загадки.

«Бред», — отмахнулась я, ладонью стирая картинку. Передо мной снова сидела крыса. Зверек грыз сухарик.

Крыса, обряд... Что-то я упустила.

В окно постучали. Оборачиваться не хоте-

лось, потому что за стеклом явно носилась валькирия, прилетевшая за мной. Но мне было рано уходить в благословенную Валгаллу, у меня еще здесь имелись дела.

Я быстро накрыла крысу ладонью. Зверек вырвался, цапнул меня за руку и убежал. Я испугалась, что сейчас увижу кровь, но на ладони лежал только знакомый крестик с гранатовыми камешками. Я зажала его в кулаке и проснулась.

В руке действительно что-то лежало. Я нервно подергивала пальцами, вспоминая и тут же забывая, что там такое. Оказалось — сотовый. Я с ним так и уснула. Сейчас он гудел, пытаюсь донести до моего сонного сознания что-то очень важное.

Полумрак в комнате. Дурацкий сон! Я никак не могла сообразить, где я и что такого важного сегодня должно произойти.

Пришла эсэмэска: «Ничего сделать не смог. Все закрыто».

Колосов. Помчался за саблей с утра пораньше. Я глянула на телефон. Одиннадцать ноль пять. Ничего себе я поспала! Состояние такое, как будто меня сонным зельем напоили — голова тяжелая, тело отказывается просыпаться..

Я с трудом оторвалась от горячей подушки, прислушалась. Во внешнем мире все было тихо — мама уже наверняка ушла на тренировку, папы тоже слышно не было. Во внутреннем мире без изменения — тишина. Макса поблизости нет. И вообще никого нет. Шевельнувшееся было сознание попыталось забить тревогу, но я задвинула его ногой за угол. Не время. Не сейчас.

Босыми ногами прошла по ламинату коридора. Как хорошо, как прохладно. Голова еще была набита ватой. Она еще оттягивала момент, когда надо будет принимать какое-то решение. Свет в ванной показался мне несколько тусклым. Лампочка, что ли, перегорает?

Я посмотрела на себя и в первую секунду не узнала. Долго вглядывалась, будто знакомясь с собой заново. Нет, все в порядке, мне показалось. Только чуть больше обозначились скулы. И взгляд настороженный. Ничего, сейчас выпью кофе, и это пройдет. Что бледная, понятно, — привет от двухнедельной болезни. Зато похудела. И волосы в слабом свете как-то особенно блестят.

Я вцепилась в край раковины.

Пока все хорошо.

Холодная вода заставила лучше думать. Оружие все равно надо где-то найти. И раз поблизости никого нет, то очень даже хорошо, самое время заглянуть в мастерскую.

От запаха кофе меня замутило. В памяти всплыл вчерашний день: «Мы все исправим. — Ничего ты не исправишь!» Я завинтила крышку банки и отодвинула ее подальше. Еще говорят, зеленый чай неплохо по утрам бодрит. Но идея о чае меня не очень вдохновила. Я достала из холодильника два апельсина и сделала себе сок. Запах апельсина Макс больше понравится, чем запах кофе.

Дыхание перехватило, я задохнулась, удержалась за столешницу и стала с яростью пить сок.

Не сейчас! Вечером, когда все закончится, я

позову Макса, и он придет. Тогда мы сможем сделать так, как хочет он. Уехать. Куда угодно, хоть за город.

А еще у меня была мысль, что я его встречу в мастерской. Конечно, он там, просто спит, видимо.

Чушь редкостная, но пока она меня успокаивала.

«Все правильно, мне нужно в мастерскую, — убеждала я сама себя, одеваясь. — Макс сказал, что Лео оставил свое любимое оружие там. Но стойки с оружием я не видела. Наверное, он ее задвинул подальше от любопытных глаз или спрятал в камине. Лео над своим оружием трясется. И если меня не прибьют Смотрители, то достанет Лео. Ладно, ничего не будет. Верну клинок обратно. Никто не заметит».

Джинсы, блузка, волосы собрать в хвост, деньги в карман, проездной на автобус (вдруг мне понадобится ехать куда-нибудь?), обереги не забыть... Мел тоже пригодится... Ботинки, куртка, шапочка — на улице не май месяц.

Лестничная площадка, лифт, первый этаж. Пусто. Словно специально кто увел всех. Я постояла около двери в мастерскую. Тихо.

Слишком тихо.

Подняла руку, чтобы постучать. Больно ударив по пальцам, закачался на дужках висячий замок.

Висячий замок? Никогда такого не было. Дверь мастерской закрыта?

В панике я отступила назад.

«Ошиблась! Ошиблась!» — ликовало созна-

ние, и мне захотелось отмотать историю своей жизни назад, вернуться на кухню, погрузиться в одурманивающий запах кофе и все-все рассказать Макс. Что я с ним не собиралась ссориться, что я просто побоялась ему все рассказать, испугалась, что он меня не пустит. Что не хотела брать его с собой на встречу со Смотрителями, потому что не верю им: Зачем его лишний раз подвергать опасности?

Я со злостью дернула замок, отошла к почтовым ящикам.

Спокойно! Все еще можно исправить. Вот прямо сейчас его позову... Нет. Вечером. Я ведь уже решила.

Сунула свой ключ в замочную скважину, открыла почтовый ящик. Суббота, ничего не должно быть. Ящик и правда был пуст. Я на всякий случай провела рукой по железной стенке. Шаркнул по неровностям перстенок с бирюзой. Пальцы уперлись во что-то холодное.

Ключи?

Секунду я тупо рассматривала вынутую из ящика связку. Чья-то шутка? Кто-то ошибся?

Да нет, наши ключи, вот от домофона, от коридора, верхний от двери и нижний.

Я снова задохнулась, сжала связку в кулаке. Макс вернул мне свои дубликаты. «Чтобы ты всегда могла попасть к себе домой!»... А теперь, значит, что? Домой мне попадать не надо?

Глаза наполнились слезами, я зажмурилась, часто задышала.

Только появись! Я тебе такое устрою!

Шагнула к двери мастерской, рванула ее на

себя. Что умеют делать вампиры? Бегать быстрее ветра, хорошо слышать, хорошо видеть. Старые вампиры способны превращаться в кого-нибудь. Еще они могут убеждать человека в том, что ему нужно. А вот гвозди забивать они не умеют. И где среди ночи взять такого умеющего человека, Макс не придумал. Поэтому сделал все сам.

Лучше бы он играл на пианино, честное слово, меньше было бы жертв и разрушений. Я рванула створку сильнее, выворачивая одну из петель висячего замка. Дверь жалобно крикнула. Ничего, в следующий раз поставит сейфовую защиту с бронированной обшивкой...

Дверь последний раз ахнула, ручка чуть не осталась у меня в кулаке. По мастерской прокатился шепот возмущения, воздух качнулся и замер. Очень хорошо. Я поправила упавшую на лицо прядь, перевела дух. Никого.

Почему-то я ожидала, что мастерская окажется пустой. Совсем пустой — ни мебели, ни знакомых занавесок. Но все было на месте: стол с тяжелыми стульями, камин, кровать, шкура медведя, ящик (я так ни разу и не спросила, что там). И везде была какая-то стерильная чистота, словно здесь собирались сделать сложную операцию, — ни пылинки. Или даже так: будто убрали малейшие следы присутствия. Здесь никого не было и быть не могло.

Не задумываясь, я провела рукой по стене. И только когда пальцами нащупала выключатель и утопила кнопку, вспомнила — электричества нет. Но свет вспыхнул. На мгновение мне

показалось, что я слышу музыку, мелькают фигуры в карнавальных масках...

Но видение тут же исчезло. В мастерской стояла тишина.

Обманщик! Или он сбегал и напоследок оплатил счета?

Я прошла мимо вешалки, мимо зеркала, стояла около стола.

Ушел и все забрал с собой. Можно ничего не искать. Но на всякий случай я заглянула за вешалку, покопалась в углях камина, перевернула подушки на кровати. Передвигая синтезатор, случайно нажала на клавишу. Инструмент молчал. Раздался только сухой вздох. Он наждаком прошелся по душе, и я чуть не заплакала.

Медведь оскалил в мою сторону пасть.

Я открыла ящик (сундук, чемодан — как он может в оригинале называться?). Там лежали плащи и маски. Те самые, что мы когда-то использовали на карнавале. Можно было догадаться сразу, что ни в каком театре Макс их не брал. А даже если и брал, то не возвращал. Белая маска с длинным носом нагло уставилась на меня, так что мне захотелось щелкнуть по ней. Уже после всех событий я прочитала в книжке, что такую маску надевали врачи, спасаясь от чумы, — в длинный нос клали ароматические и лечебные травы, предохранявшие от заразы. После того нашего маскарада я много чего прочитала по теме.

В сердцах с грохотом закрыла крышку, села сверху.

Все предусмотрел! Ничего не упустил!

Обвела взглядом мастерскую. Нет, я не могу

быть такой предсказуемой. Иначе почему тогда все говорят, что женская логика не поддается объяснению? Или для того, чтобы ее понять, надо прожить сто пятьдесят лет?

Ладно, Грейсвандир мне не полагается. Помнится, он был страшно болтлив, обойдемся без него. Но хотя бы меч-кладенец вполне могли подкинуть.

Белые стены, лампочки, встроенные в белый потолок, голубые бархатные шторы, длинный коричневый стол... Нарушить логику? Например, признать свое поражение?

— Сдаюсь! — крикнула я белому потолку. — Больше не буду с тобой спорить. Ты, как всегда, прав!

Тишина. От этой гробовой тишины стало немного не по себе.

«Неувязочка, барыня»...

Внутри меня зрела паника, но я не позволила ей вырваться наружу. Встала посередине комнаты.

— Макс! Выходи! Я больше не играю!

И почему мы с ним так до сих пор и не договорились о способах связи? Он меня может найти, а я его нет.

Дышать стало тяжело, я суетливо одернула свитер, поправила манжеты на рукавах, похлопала себя по бокам.

Тише, тише, сейчас все решим...

Это все из-за медведя, да, из-за медведя. Что зверь так на меня смотрит? Я отбежала в сторону, присела на краешек кровати.

— Никогда, никогда, никогда, никогда не

буду с тобой спорить, — прошептала я, сжимая кулаки.

Никакого движения.

А если попробовать по-другому? Что там предлагал Колосов?

— Сивка-бурка, вещая каурка, встань передо мной, как лист перед травой! — быстро отбарабанила я, чувствуя себя неуютно. Ну, полный бред. Никакого результата он, конечно же, не принес.

По полу словно потянуло сквозняком. Я сбросила ботинки, забралась подальше на кровать. Что там Макс говорил про это место? Что оно заиклено на неприятности? Если однажды здесь уже что-то произошло, то и дальше жди беды. Пожар, убийство — что может быть хуже? Наводнение? Я покосилась на потолок. Полуподвалы обычно всегда затапливает. Заползла на середину кровати, подтянула к себе подушку. Макс не даст мне утонуть. Как только я начну изображать из себя «Титаник», он примчится меня спасать. Не хотелось только проверять вероятность того, что он не примчится. В древности был такой веселый обычай ловить предполагаемых ведьм и топить их. Настоящие ведьмы не тонули. А если женщина тонула, значит, ведьмой не была. Вот такая неувязочка с проверкой выходила. Я не всплыву уж точно.

Забилась в самый угол кровати, натянула на себя одеяло.

Мы с мастерской должны вместе хорошо смотреться — она притягивает неприятности, и меня сильно везучей не назовешь. Но, с другой

стороны, чему быть, того не миновать, и если Макс вернется, то придет сюда.

Я мысленно очертила вокруг себя линию, коснулась крестика на груди, сжала кулачок, чтобы почувствовать на пальце перстенок с бирюзой.

Будем ждать. Впереди у меня целый день. Мне нужно оружие! Я очень хочу раздобыть оружие. Желательно саблю. Мысленно я представила клинок из тренерской, с маленькой рукоятью, с темляком. Вспомнила, как свистит разрезаемый клинком воздух. Оружие! Мне надо!

Все, желание сформулировано и отправлено по просторам Вселенной. Осталось немного подождать.

Ровный свет лампочек рождает ощущение бесконечности. Я обнялась с подушкой, сползла в горизонтальное положение. Окружающие предметы настороженно уставились на меня: щерился зубами-клавишами синтезатор, таращились спинками стулья, катил в мою сторону глянцевое презрение стол, выплевывал черную ненависть камин. Я поджала ноги, уткнулась носом в колени. Пускай немного потерпят меня, это ненадолго. На всякий случай сбегала и выключила свет. Все тут меня и без света хорошо видят, а вот мне смотреть не очень хотелось.

Не знаю, сколько времени я просидела без движения, но потом почудилось, будто слышу какой-то звук. Маленькие осторожные лапки ступали по паркету, цокали коготки. Не кошка. У кошки когти прячутся, она умеет ходить бесшумно. И не собака, она не умеет так семенить. У этого зверя шаг был небольшой.

Проводник?

Я приподнялась. Некстати вспомнился сон. При чем здесь валькирии? Я никогда не интересовалась скандинавской мифологией. Так, знала что-то из «Песни о Нибелунгах» и «Старшей Эдды». Особенно меня радовали «Нибелунги» со своими brutальными девушками, одни их имена чего стоили — Брюнхильда и Кримхильда. Интересно, кто из них двоих сейчас ко мне идет? Или все-таки валькирия?

Поначалу мне и правда показалось, что в дверях вот-вот возникнет грозная воительница с рогатым шлемом на голове, в доспехах и с копьем. Мне уже чудилось, как храпит, бьет копытом ее конь, как плещут на спине его огромные крылья. Правда, я не могла себе представить — если у него крылья, то где сидит валькирия? Как она крепит седло? На крупе, что ли? И если перед ее лицом все время машут крыльями, то как она разит воинов? Она же обречена все время промахиваться либо рубить по крылу...

— Черт! — прошептала вошедшая, споткнувшись обо что-то в темноте. Образ грозной воительницы исчез, оставив вместо себя Лерку Маркелову, которая неуверенно прошептала: — Есть тут кто?

Крыса Белла по-хозяйски подошла к столу, задрала мордочку, принялась. Но сегодня пира не предвиделось.

— Максим?

От удивления я не сразу сообразила, что ответить. Маркелова в мастерской у Макса? В голове все спуталось.

Крыса побежала по столешнице, ища подходы к вероятному угощению. Коготки негромко цокали.

Маркелова повела рукой, раздался странный лязгающий звук.

Что она собралась здесь делать?

Хлоп, хлоп — Маркелова искала выключатель. Нашла.

Я крепче обнялась с подушкой.

Вспыхнул свет.

Лерка стояла передо мной с саблей в руке. Удивленно распахнутые глаза, рот открыт. Всегда бледное лицо от испуга стало серым, черная подводка подчеркивала красноту воспаленных от недосыпа глаз. Сабля дергалась — было видно, что держать ее Маркеловой неудобно. Для неопытной руки тяжеловата.

Валькирия, говорите? А вместо коня крыса?

— Ты чего тут делаешь? — грозно спросила Лерка. Сабля опустилась, острием царапнув паркет.

— Это ты чего тут делаешь? — приподнялась я на кровати. Отмахиваться подушкой от сабли? Неплохое сочетание.

— Я пришла... — начала Лерка, стремительно теряя свою уверенность.

— А Макса нет. — Я медленно спустила ноги на пол. — Ты чего с саблей-то? Головы рубить собралась?

— Нет, — замотала башкой Маркелова. — Мне надо было... — Она попятилась.

— Ух ты! — Я быстро посмотрела на Беллу — крыса обнюхивала ножку стула. Но если

здесь когда и пахло съестным, то очень-очень давно.

Киношный трюк удался на сто процентов: Лерка оглянулась следом за мной, и я, прыгнув вперед, ребром ладони ударила ей по запястью. Зазвенела упавшая сабля. Белка метнулась к камину. Маркелова взвыла, я подхватила саблю и забросила ее на кровать.

— Так чего ты пришла? — накинулась я на стонущую готку. — Что тебе здесь нужно?

Маркелова подняла на меня ненавидящие глаза.

— Где хочу, там и хожу! — выпалила Лерка, пытаясь от меня оттолкнуться.

— Влюбилась? — орала я в выкатившиеся от страха из орбит глаза. — Отбить его решила?

Так, так... Значит, маме моей внушить, что ей очень хочется посмотреть какую-то муть по телевизору, Макс у легко, а отвести глаза психованной Маркеловой — сил не хватает? Врунишка!

— Саблю где взяла? — встряхнула я Лерку. От тычка у нее мотнулась голова. Звонко клацнули зубы.

— Колосов принес.

Убью, гада! Закрыто у него все...

— Он сказал, что в присутствии Макса надо провести ритуал. Порезать руку, пролить кровь, тогда он навеки будет со мной. Ему так Мельник рассказал. Пашка вчера к нему ходил.

— А что-нибудь поменьше взять не могла? — отпихнула я от себя ослабевшую после моих криков Лерку. — Тоже мне, воители...

И тут я все поняла. Сабля нужна была не

Маркеловой, а Колосову. Маркелова ранит себя клинком, обезумевший от вида крови Макс, бросается к ней. В роли валькирии выступит Пашка — кинется спасти Лерку. Вот тут-то сабля ему и пригодится. Конечно, единственное оружие, которым он владеет. Нож тут никак не подошел бы. Что Пашка с ножом против Макса? А сабля — это уже солидно. Веский аргумент.

Я сгребла ставшую невероятно покорной Маркелову в охапку, пробежала, таща ее за собой, через мастерскую до двери, захлопнула створку, задвинула засов.

— Зачем? — пискнула Лерка.

— Сейчас будем чай пить, — прошептала я, щелкая выключателем.

— Что ты делаешь? — затрепыхалась сбитая с толку подруга. Она что, стала бояться темноты? Вот так готка!

— Тихо! — Я силой усадила ее на стул. — Как вы с Колосовым договорились?

— Никак, — икнула Маркелова, черные волосы упали на ее вспотевшее лицо. — Пашка принес саблю и сказал, что она — ритуальное оружие. Обещал, если что, быть рядом.

В дверь постучали. Пашка!

Я прижала палец к губам. Не знаю, что такого могло меня испугать в Колосове, но видеть его сейчас точно не хотелось. Придет, нахамит, еще меч-кладенец отберет.

— Открывайте! — Пашка с силой ударил в дверь.

Бесполезно ломать задвижку, закрепленную

рабочими, это вам не плохо прибитые к деревяшке ушки для всячего замочка вырывать.

— Что ты делаешь? — Боец из Маркеловой был никакой — она заранее была готова сдать-ся. — А Максим где?

— Во-первых, его зовут Макс. — Я вытряхнула подушку из наволочки, сунула в нее саблю. — Во-вторых, его нет. Ушел он. Понимаешь, на Алтае открыли сезон охоты на маралов. Он теперь там месяца на два зависнет. Так что ты опоздала. И Колосов опоздал.

Ломиться в мастерскую перестали. Донесся хлопок подъездной двери.

Мысленно я представила, как Пашка пробегает мимо знакомых кустов, заворачивает за угол, добирается до окна.

Звякнуло потревоженное стекло.

— Сиди тут! — Скомандовала я покорной Лерке. Быстро натянула ботинки, застегнула молнию на куртке, надвинула шапочку на глаза, сунула саблю под мышку. — Колосов придет, скажешь, что Макс вылетел в каминную трубу. Он тебе поверит. Пока!

И я побежала к двери. За спиной зазвенело разбитое стекло. Макс прав — это место просто обречено на постоянные разрушения.

От подъезда я повернула в сторону, противоположную той, куда выходили окна мастерской. Какое-то время бежала, чувствуя, как внутри меня каждая мышца напряжена от возбуждения и радости первой победы. Хотелось смеяться. Хотелось кричать. Теперь я была убеждена, что у меня все получится. И лишь отбежав на прилич-

ное расстояние, поняла, что трясет меня не только от радости. Изнутри меня начинает колотить знакомая дрожь. Но не такая, как при появлении Макса. Тогда мне хочется прыгать и орать от радости, сейчас же меня накрывала тяжелая, изнуряющая паника.

В кармане затрезвонил мобильный.

Если Колосов, скажу ему все, что думаю. И адрес, куда ему следует идти, по буквам продиктую.

Номер был незнаком, но я приняла вызов — Пашка мог звонить с какого угодно телефона.

— Allo! — пропел мягкий мужской голос. — Bonjour, mon garçon. Qu'est-ce que c'est cette nouvelle lubie? Qu'est-ce que tu fais encore! — Голос пошел по нарастающей, в нем появились знакомые раздраженные нотки. — Combien de fois j'ai te dis de tout cesser! Max, je ne vais plus resoudre tes problèmes...¹

Речь была плавная, певучая, бархатный голос очаровывал.

— 3-здравствуйте, — пробормотала я.

Повисла пауза, которая буквально придавила меня к земле.

— Маша... — Голос Лео сразу стал недовольным. — Что у вас там опять происходит?

— А вы разве пользуетесь сотовыми телефонами? — Я была настолько ошарашена открытием, что не могла промолчать. — Мне всегда ка-

¹ Алло! Добрый день, мой мальчик. Что за очередная блажь? Что ты опять там творишь? Сколько тебе раз говорить, чтобы ты прекращал все это! Макс, я не собираюсь больше решать твои проблемы... (фр.)

залось, что вы можете друг с другом ментально общаться.

Я так и видела, как Лео раздраженно морщится, как неестественными линиями искажаются красивые черты его лица. Сказать, что покровитель Макса меня недолюбливал, значит ничего не сказать.

— Что за ерунда! Я не фокусник, чтобы читать мысли на расстоянии. Макса, если я правильно понимаю, нет. И телефон свой он вам отдал. Великолепно! Приятно было пообщаться. До свидания.

Лео не собирался со мной разговаривать. Последние его слова прозвучали так, будто надо мной крышку гроба захлопнули.

Я посмотрела на медленно гаснущий экран аппарата в моей руке. С чего я взяла, что Макс за те пять минут, что я была в ванной, сбегал в магазин за телефоном для меня? Я, конечно, не сомневаюсь, что при желании он бы успел обернуться и за столь короткое время. Но он не стал этого делать. Просто вынул симку из моей трубки и вставил в свою. В смартфоне, вероятно, два разъема.

Выходит, Макс знал, что мне будет звонить Олег, и хотел его звонок показать. До кучи мог бы дожидаться звонка Колосова, и тогда бы Макс порвал меня на мелкие кусочки голыми руками.

Про Колосова догадаться нетрудно. А вот откуда Макс узнал про Олега?

Телефон снова ожил. Теперь Пашка мечтает сообщить мне массу важной информации. Я нажала кнопку приема и услышала:

— Гурьева, а ты в курсе, что за ношение холодного оружия в тюрьму сажают? — Голос Колосова был сух. Мой милый друг находился в ярости. В такие моменты оказаться рядом с ним опасно для здоровья. Надеюсь, Лерка отошла от него подальше.

— А ты в курсе, что за такие подставы, какую ты устроил, дают по шее? — заорала я в ответ. Бедная Маркелова, вечно ее используют.

— Ты где? — рявкнул Пашка. Наверняка от его крика подпрыгнул перепуганный стол в мастерской, а стулья затрясли изогнутыми ножками.

— В Караганде! — в тон ему ответила я и дала отбой. А потом с силой нажала на красную кнопку, заставляя телефон умереть.

Смартфон прощается с вами! До встречи с хозяином. Меч из камня может вынуть только настоящий король¹.

Глава X

ПЛОЩАДЬ КРУГА

Мне всегда было интересно, где герой сериала «Горец» держит свой длинный меч, когда отправляется на прогулку. Ведь бессмертный Дункан Маклауд из клана Маклаудов должен постоянно носить при себе оружие, чтобы отбиваться от врагов. И оно всегда при нем оказывается. Даже если горец вышел на утреннюю про-

¹ Только юный Артур смог извлечь меч, воткнутый в каменную глыбу, доказав тем самым свое право на трон.

бежку. Я отлично помню тот эпизод в фильме: герой в спортивном костюме бежит по набережной, таинственная музыка, появление врага, и вот у Дункана в руках меч. Откуда он его достал? Из ножен, которые так ловко запрятал, что не заметно? Я тоже хочу научиться так прятать.

Сейчас этот вопрос был для меня особенно актуален, потому что сабля жгла мне руку. Я очень надеялась, что, завернутая в наволочку, она смахивает на простую палку, но любому милиционеру наверняка будет понятно, что именно я несу. И даже если за всю жизнь я не встретила на улице ни одного стража порядка, то сейчас, по закону подлости, он должен попасться мне на пути. Ножны наверняка остались у Колосова. Чтобы не усложнять жизнь, Маркеловой он отдал саблю без них.

Я прижала клинок к груди, потом переложила под мышку, попыталась пропихнуть за пазуху. Но от всех перемещений лишь порвала наволочку — остро заточенное лезвие прошло через ткань как сквозь масло. Хорошее оружие нашел Колосов для Маркеловой — легкая кавказская сабля с широким коротким клинком и с небольшой кривизной, плоско-овальная рукоять с черенком, на головке львиная морда с разинутой пастью. Узнают, кто взял, — тренировки для Пашки закончатся. Начнется суровая правда жизни.

Парк встретил меня чириканьем синичек, заснеженной дорожкой, истоптанной голубями и радостным детским визгом. День уже пытался

превратиться в сумрачный вечер, но весело галдящие дети ему не позволяли.

В городе снег почти растаял, но здесь еще держался. Его даже хватило на пару снеговиков — неуклюжих и кособоких символов зимы. Картина получалась фантастичная. Под названием — «Всюду жизнь». Не помню, кто написал, там заключенные через решетку кормят голубей. Девятнадцатый век. Сейчас, в двадцать первом, я с саблей в обнимку шла на разборку со Смотрителями, которые замыслили что-то ужасное. А здесь бегают дети, пачкают варетки в грязном снегу. Во всем этом был запрятан какой-то простой смысл любви. Никому не нужны уступки и жертвы, выяснения отношений и боль. Надо просто жить, договариваясь друг с другом. Жить так же легко и ясно, как дети, которых через полчаса поведут есть творог и пить чай с вареньем.

Вот чего хотел от меня Макс — простоты, жизни без ненужных сложностей, к которым до такой степени я приросла. Без размахивания саблей. Надеюсь, он меня потом простит. Непременно простит.

Детская площадка осталась позади. Я медленно брела по парку, чувствуя, как ботинки набухают влагой — ноги потихоньку замерзали.

Пригорок, березка. Я постояла, держась за шершавый ствол.

Надо подготовиться. В тусклом свете клинок блеснул благородной сталью. Как приятно держать в руке хорошее оружие. Клинок со свистом разрезал воздух. Хорошо. Я давно не тре-

нировалась, но рука подвести не должна. Мышцы вряд ли забыли основные движения.

Я медленно прошла вдоль пригорка, ведя саблей по подтаявшему снегу. Заговоров никаких я не знала, кроме избитой фразы: «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет». Сухие былинки упали, скошенные острым лезвием. Я подобрала их, скрутила жгутом, поставила обережком около черты. Срезала еще один пучок, стала вертеть травяную куклу. Спину прожег чей-то взгляд. Я быстро оглянулась. Никого. Вспомнился Мельник — старик, способный бродить на расстоянии от своего тела, не очень мне нравился. Кто его знает, может, он помог Пашке из гуманистических соображений, а может, душу у него в уплату потребует.

Вторая кукла встала с другой стороны пригорка. Я подошла к березе, нашла на ней след от сучка и уперлась в него безымянным пальцем. Если так постоять, то все колдуны проявятся. Однако что-то не видно. А еще верный способ от всякой нечисти — смотреть ей прямо в глаза. Колдуны такой взгляд особенно не любят.

— Скажи, Маша, ты случайно не 29 февраля родилась?

Борис вышел ко мне из-за деревьев. Невысокий, худой, с резким узким лицом. Из всех Смотрителей я не любила его больше всех. Думаю, наша нелюбовь взаимна. Длинное черное пальто с поднятым воротником. Дункан Маклауд был бы в восторге: в такой одежде есть куда спрятать меч. А значит, Борис пришел не с пустыми руками.

— Чем вам не нравится этот день? — Я развернула саблю так, чтобы было понятно: клинок принесен сюда не ради антуража.

— В народе он посвящен святому Кассиану...

Руки Борис держал в карманах, говорил медленно, как будто специально тянул время. Так дикторы по радио растягивают слова, когда не знают, что говорить. Он кого-то ждал. Я мотнула головой, прогоняя неприятное ощущение тревоги.

— А так как выпадает он только на високосный год, который заранее считается неудачным, то и день, делающий целый год таковым, не сулит ничего хорошего, — тоном сказочника вещал Смотритель. — 29 февраля люди не работали — все начинания и дела пошли бы прахом. А еще Кассиан считается стражником ада. Ему подчиняются все ветры.

Как удачно! Я тоже в этот день никогда не работаю, все больше праздную. Да, с днем рождения Борис угадал.

— Как же вам тяжело живется, — развела я руками. — За что ни возмись, везде неприятности.

— Пока неприятности нам приносят только твои необдуманные действия. Вот что ты такое тут сделала? — Борис прошел мимо одной из моих куколок.

— Оберег. — Я глянула на нелепое создание. Ну да, без рук, без головы, но пока вроде держится, храбро защищает свою хозяйку. И мой воображаемый круг никто не спешит переступить.

— Колдовской прием. Называется «залом». —

Борис покачал головой. — Рвали с поля траву, перекручивали ее, произносили заговор, и урожай на том поле погибал.

Я покосилась на торчащие из снега оставшиеся былинки. До весны точно все погибло.

— Маша, ты нам очень мешаешь. — Борис пнул мою куколку. Она дернулась, но устояла. — Я не понимаю всяких сентиментальных установок на тему «жалко». Мы серьезные люди и занимаемся серьезными делами. Если начнем разводить лирику, то вампиры возьмут над нами верх.

— Не ругайте Олега, он не виноват.

Борис мрачно нахмурился, тяжело посмотрел на меня из-под густых бровей.

— Давай-ка я обрисую тебе ситуацию.

— Вы хотите связать меня по рукам и ногам и положить в темный подвал? — предвосхитила я его мрачный прогноз.

— Будь все столь просто, мы давно бы так и сделали. Надеюсь, ты не приписываешь свое везение только себе?

— Сомнительное везение. — Я чуть поклонилась, отведя саблю в сторону. Хотелось сказать гадость, но ничего достойного с ходу не придумалось.

— Конечно, было бы неплохо, если бы место Ирины заняла ты. Нам нужен человек, владеющий оружием. — Борис кивнул на клинок в моей руке.

Я улыбнулась. Предложение настолько бредовое, что даже не стоило о нем думать.

— Еще я должен сказать тебе спасибо. До недавнего прошлого мы о такой большой попу-

ляции вампиров ничего не знали. И Эдгар, конечно, впечатлил.

— Обращайтесь, — пожала я плечами, — могу еще что-нибудь поведать.

Борис покачал головой, прошел вдоль моей черты.

— От тебя нам больше ничего не нужно. Уж извини. Нам нужен Макс. — Смотритель нервно поддернул на руке перчатку.

— Он не придет.

— Олег предупредил. Что ты такого ухитрилась сказать вампиру, что он оставил тебя без своего покровительства?

— Я обхожусь без покровительства! — вспыхнула я.

— Удивительный ты человек. Неужели у вас и правда все так серьезно? Как тебе это удалось?

— Вам не понять. Смотрители не обладают способностью любить. Только ненавидеть, — вернула я ему брошенный когда-то мне мяч.

— Тебе, наверное, будет приятно знать, что Олег тебя защищает.

— Не очень.

Мне хотелось позлить Бориса. Но мои слова его не сильно заинтересовали. Он потирал одну руку о другую, неприятно поскрипывая кожей перчаток. Нервничал. Мне стало не по себе. Понятно, что драться со мной Борис не собирается. Он задумал что-то другое. А поэтому нервничает. Совсем так же, как при появлении вампира.

Кого же он ждет? Ради кого тянет время? Сколько можно говорить ни о чем!

— Неужели тебя не смущает, что Макс — нежить? Он мертв! Твой Макс — не человек!

— Зато человечнее многих. — Я пыталась сообразить, к чему он ведет.

— Но он мертв!

— Просто такая форма жизни. Другая. — Я покачала головой.

— Что ты с ним будешь делать? Пока ты молода, ваши отношения могут казаться веселой игрой. Но пройдет пять лет, десять, пятнадцать, ты повзрослеешь и поймешь, что ошиблась. Он со своей якобы человечностью останется прежним, а ты начнешь стареть. И какой выход? Стать такой, как он. Стать вампиром. А ведь это смерть! Страшная. Без покоя.

— Бессмертие не обязательно связано со смертью. У нас с Максом много планов.

При воспоминании о Максе больно защемило в душе. Захотелось бросить саблю, сесть на пригорок и уткнуться носом в колени. Но я только вскинула вверх подбородок. Ничего, мы еще посмотрим, чья возьмет.

Борис снова прошел взад-вперед вдоль моей линии.

— Маша, ты неисправимый романтик. — Смотритель поднял на меня глаза. И то ли оттого, что до сих пор он смотрел в сторону, то ли в его взгляде появилось что-то необычное, но я не выдержала и отвернулась. — Может быть, я когда-нибудь это пойму.

— Не поймете! Уходите!

«Тише, тише...» — словно услышала я родной голос и взяла себя в руки.

— Хорошо, — устало произнес Смотритель. — Я допускаю, что Макс по отношению к тебе ведет себя цивилизованно. Почему бы и нет? В цирке даже медведя учат ходить на задних лапах. Нам нужно встретиться с ним и узнать, как он такое проделывает, потому что, по нашим сведениям, вампиры в принципе не способны долго общаться с человеком.

— Подновите свои сведения — они устарели!

Что Борис хочет узнать? Почему так долго со мной разговаривает?

Ладонь вспотела, мне захотелось переложить саблю и вытереть руку, но отвлекаться я не стала. Собеседник вел себя подозрительно. И, похоже, почувствовал мое волнение.

— Кстати, ты знаешь, что бывает за ношение холодного оружия? — как бы между прочим бросил Борис, отворачиваясь.

Я быстро кивнула, оглядывая стоящие вокруг деревья. Как же я раньше этого не заметила? На голых кустах и ветках деревьев висели какие-то веревочки, пучки трав. Мне стало не по себе. Только что, почти у меня на глазах, был построен аркан, а я за своими приготовлениями ничего не заметила. Им действительно нужна не я, а Макс. Они хотят его поймать. И он им не достанется!

Я шагнула вперед. Мысок уперся в линию. Мне показалось, что она почернела. Я удобней перехватила саблю — от волнения чуть не уронила ее в снег.левой рукой нащупала в кармане счастливую пятирублевую монету. У каждого свое счастье. Мое всегда со мной. Я имею в виду Макса.

— Ты утверждаешь, что вампирам присущи

человеческие чувства. — Борис отходил, но продолжал говорить, взмахивая рукой над головой. Остановился около ближайшей елки. — У тебя есть возможность убедиться в обратном. Жизнь за жизнь. Ты пришла сюда с оружием, чтобы что-то нам доказать?

— Хочу, чтобы вы убрались отсюда навсегда. — Черт, говорю и сама себе не верю!

— Если у тебя возникнут проблемы с милицией, мы тебя вытаскивать не будем.

Борис стоял, и я увидела, как из-за его плеча выскользнула бесшумная фигура. Высокая, массивная, плечи и голова опущены. Мое сердце зашлось в бешеной чечетке. Конечно же, я его узнала!

— Условия те же: побеждает тот, чей воин остается на поле боя, — улыбнулся Борис. — Извини, сам я взять в руки оружие не могу. Олег против тебя не пойдет. Александр не занимается такой мелочовкой, у него есть дела поважнее.

Вампир шагнул вперед, я вгляделась в бледные черты лица Грегора. Он не изменился, только глаза его как будто выцвели, пожелтели.

— Моя мама тоже говорит, что ничего хорошего из наших отношений с Максом не получится. А сама делает все, чтобы именно так и произошло, — произнесла я негромко, поднимая саблю. — Вы поступаете нечестно! Вы нам даже шанса не даете!

— Взрослых иногда стоит слушаться, деточка.

Борис явно торжествовал победу. Во-первых, против вампира мне ни при каком раскладе

не устоять. А во-вторых, я не собираюсь драться с Грегором.

— Не говорите глупостей! — Я провела перед собой клинком, заставляя мышцы взбодриться — сдаваться было еще рано. — Вы действуете так, как надо. Вернее, считаете, что так надо. Придумали себе правила и живете по ним. Но ваши правила постоянно врут. И я по ним жить не буду! В их выполнении смерть!

— Правила — условность. Позови Макса, и все изменится.

— Изменится, когда вы отсюда уберетесь!

Борис ухмыльнулся. Странно. Что это все может значить?

— У твоего друга есть только один шанс выжить. — Борис кивнул в сторону Грегора. — Если он тебя убьет, то сможет отсюда уйти. Другого варианта у него нет.

Я снова обвела глазами парк. Если Грегор отступит, то попадет во власть аркана, и тогда — все. У него сейчас несколько квадратных метров свободы, и заключена она в моем круге, который я сделала, проведя саблей по жухлому снегу. Пи эр квадрат. Жизнь, заключенная в математическую формулу. А я все думала, зачем нас этому в школе учили? Чтобы сейчас вот поделить этот самый пи эр между двумя существами, человеком и вампиром. Если мне удастся продержать вампира в безопасности, не подставляя под аркан, то и для меня все может закончиться хорошо. Квадрат круга вытянет...

Закаркала в вышине ворона. Я резко насту-

пила на свою черту, нарушая круг. Увеличим площадь!

— Не знаешь, сколько времени? — Я шагнула к вампиру.

Грегор смотрел на меня непонимающе. Он тоже пока не знал, что делать. Интересно, как им удавалось столько времени его у себя продержат? И чем они его кормили?

Вампир рывком приблизился ко мне. Я отшатнулась, машинально вынося саблю вперед. Свистнул воздух. Я заметила движение слева и успела развернуться. Клинок задел распахнутую куртку. Я крутанулась, не давая приблизиться к себе.

— Позови Макса! — прошептал Грегор.

И он туда же...

— Время скажи! — крикнула я в пустоту перед собой.

Грегор на секунду застыл, поднял голову к небу.

— Около пяти. Он придет?

— Точнее! — Я выдернула свернутые былинки из снега, сжала их в руке.

Ледяные пальцы коснулись запястья.

— Остановись... — попросил Грегор. — Пять часов двадцать минут.

— Еще точнее!

Я бросила куколку на землю.

Сместившись в сторону, заставила Грегора обойти меня стороной. Над куколкой он споткнулся.

— Хорошо! — раздались хлопки из партера. Борис. Только он мог так себя вести.

В последний момент я перенаправила руку, и рубящий удар сверху прошел мимо. Обернувшись как раз вовремя, чтобы заметить абсолютно темные глаза вампира. От неожиданности я попятилась, нога застряла в снегу, и я упала на спину.

Грегор мгновенно навис надо мной. Я успела только швырнуть в него пятирублевую монету. Вампир от нее отмахнулся, как от надоедливой мухи. Был еще небольшой шанс, что перед своей смертью я услышу патетическую речь на тему женской глупости. Но Грегор не смотрел фильмов и не знал, что в кульминационный момент надо что-то сказать. У него было посеревшее лицо, проступившие на лбу и скулах вены, ничего не видящие глаза.

— Wo ist Max?¹ — заорал он мне в лицо.

Кажется, я успела поднять руку с саблей и отвернуться. И тут же увидела лошадь. Она, звякая трензелем, недовольно всхрапывала. Между ее ушами виднелось вытянутое от страха лицо молодого милиционера в серой куртке и форменной зимней шапке. Чуть сзади стояла вторая лошадь, в седле которой сидела не менее растерянная девушка.

Грегор выпрямился. Конь шарахнулся, мотнул головой, вырывая повод из руки милиционера. Парня тряхнуло в седле. Но вместо того чтобы держаться, он попытался поймать падающую с головы шапку. Следующий прыжок коня выбил его из седла. Мелькнули над темным кругом тяжелые армейские сапоги. Стоящий за

¹ Где Макс? (нем.)

ним конь с готовностью поднялся на дыбы. Перед моим лицом свистнули подкованные копыта. Я схватила лошадь за болтающийся повод. Ошалевшее животное, не ожидавшее нападения, взбрыкнуло, стряхнув сидевшую в седле девушку в милицейской форме в снег.

О том, что произошло дальше, я думала уже потом. Натянув повод, я взлетела в седло. Не успела найти стремяна, как конь попытался сбросить меня — с коротким вскриком взбрыкнул и тут же взвился на дыбы, заставив меня упасть ему на шею. Лука седла врезалась мне под ребра, на мгновение лишив способности дышать и видеть. А потом конь прыгнул вперед. Деревья с завязочками и веревочками были прямо передо мной. Казалось, я даже разглядела ту невидимую линию, что обозначала границу аркана.

Время... Главное захотеть! Да, да, захотеть! Очень сильно! Пускай сейчас будет на час меньше, когда всего этого безобразия здесь еще не было!

С такой мыслью я еще короче взяла повод и дала коню шенкеля. Скаун с места взвился вверх, перепрыгивая воображаемую линию. Для верности я повела рукой с саблей вниз, чуть не отмахнув коню ухо. Мне показалось, что я физически почувствовала, как рушится аркан, разваливается на куски, умирает. За моей спиной тяжело бухал копытами второй конь. Темный лес стремительно наступил, деревья приблизились. Я почувствовала, как лошадь подо мной подобралась, готовая выкинуть очередной фортель, и, жестче взяв повод, бросила взгляд через

плечо. Второй лошади не было. Я осталась одна. Лошадь несла меня сквозь лес, петляя между стволов, грудью налетая на кусты. Мне оставалось только уклоняться от летящих на меня веток. Один раз мое колено здорово приложилось о дерево. Низкая ветка зацепилась за капюшон куртки, чуть не сдернув меня с седла. Стало светлее, деревья расступились, выпуская нас на просеку. Разгоряченный скачкой конь завяз в глубоком сугробе, забился, собирая разъезжающиеся ноги, с галопа перешел на рысь.

Я почувствовала, как напряжено мое тело, как ноют мышцы, как врезалась в ладонь неудобно схваченная рукоять сабли. Ослабила повод, принаравливаясь к широкому шагу животного. Конь еще возбужденно фыркал, вздергивал головой, но уже готов был слушаться.

Где-то здесь должна быть дорога, мне надо на нее попасть. Мой Буцефал оставляет слишком много следов, и нас потом легко можно будет найти.

Конь дрожал, и я заставила его идти быстрее, чтобы скорее выгнать из него накопившийся адреналин, иначе впереди меня ждет еще не одно родео.

И только когда кусты передо мной расступились, открывая знакомую дорогу, до моего сознания пробилась давно уже засевшая в голове мысль: «Попала! По полной программе! К ношению холодного оружия еще и милиция. Какой букет!»

Мчащегося за мной вампира я сначала почувствовала — гулко застучала кровь в висках,

по спине пробежали мурашки, предугадывая несущийся сзади ужас. Грегор тенью мелькнул сбоку, ноги коснулось холодное дыхание.

«Хорошо, что я в джинсах, в юбке я бы так не усидела», — мелькнула мысль. Вырвавшийся следом смех я сдерживать не стала. Лошадь замерла, настороженно прятнув ушами.

— Чего встала? Идем! — Грегор приостановился и снова двинулся вперед. Белая кожа его лица матово светилась, он снова стал прежним. Видимо, спрашивать, куда делась вторая лошадь, не стоит.

— Почему ты не ушел? — Я тронула повод. Даже если мой конь и был с норовом, то сейчас показывать себя не стал — послушался сразу.

И тут Грегор замер. Как вкопанный. Застыл ледяной глыбой и тяжело посмотрел на меня.

Саблей плашмя я хлопнула коня по крупу, заставляя его двигаться дальше. Замершего вампира мой скакун обошел стороной. Хорошая лошадка, знает, чего бояться. Вернее — кого.

Надо сказать, что я была рада видеть Грегора. Чертовски рада. Он не должен был тогда, после той вечеринки, погибнуть. И правильно, что все так получилось. Еще надо сказать, что от встречи со Смотрителями я ожидала другого. Битвы Челубея и Пересвета не получилось, а значит, мы так и не решили, кто выиграл в этой партии.

— Я рада тебя видеть! — бросила я через плечо. Мы с конем ушли вперед, а Грегор и не думал шевелиться.

— Знаешь, о чем я думал все время? — У вампиров хороший голос. Им даже не надо напря-

гаться, чтобы их слышали на большом расстоянии.

«О хорошем бокале крови», — хмыкнула я про себя, но вслух ничего говорить не стала. Неизвестно еще, как отреагирует Грегор.

— Я думал, что убью тебя, как только найду! — прорычал тот, и не только я, даже лошадь подо мной вздрогнула.

— Сейчас у тебя все шансы воплотить свое желание! — Я коснулась бока коня коленом, и животное послушно развернулось, останавливаясь. — Начинай!

— Где Макс? Он должен был появиться, как только тебе начала угрожать опасность. Он не мог тебя оставить. Куда ты его дела?

Мне вдруг стало обидно. Все ищут Макса! А я, значит, никому не нужна?

— Расклад-с, — буркнула я, заставляя коня идти вперед.

Так вот почему все получилось так, как получилось. Неудача! Конная милиция появилась именно потому, что мне должна была сопутствовать неудача. Построенный аркан действовал не только на Грегора, но и на меня. Борис предупредил, что с оружием меня могут заметить. Вот и заметили. Но аркан на неудачу был перекрыт моим заговором на удачу. Именно поэтому появившиеся милиционеры, с одной стороны, все испортили, а с другой — спасли меня. Правда, теперь на моем счету не только ношение и применение холодного оружия. Сюда же надо добавить драку с милицией и угон гужевого транспорта. Хотя в целом можно считать, что мне по-

везло. И Грегору тоже. Если бы не я, он бы не выпутался из аркана. Смотрители не сентиментальны, и его точно бы убили.

— Что они с тобой делали?

— Проверяли, могут ли вампиры жить с людьми, — рыкнул Грегор. А у него есть чувство юмора.

— Проверили?

— Не могут.

— А я думала, на тебе проверяли эликсир обратного действия, искали состав для превращения вампира снова в человека.

Грегор покосился на меня. Лошадь фыркнула. Они не нравились друг другу.

— Как же ты там выдержал две недели?

— Все не так страшно, как ты думаешь. Они сейчас озабочены своими проблемами. Позови Макса. Если он им сумеет помочь, тогда все, Смотрители нас не тронут, мы успеем уйти.

— Я его не могу позвать, мы поссорились, — наконец призналась я.

— Черт! Только ты на такое способна!

— Да что произошло? — разозлилась я. Выходит, все не так, как я представляла. Случилось что-то, о чем я еще не знаю. Только бы Макс в это не был замешан!

Грегор не ответил.

Показался пруд. Нам навстречу шагнула ночь. Поверхность пруда потемнела, стала масляной — свет, звук, все проваливалось в трясину мрака. Вдалеке что-то тупо ухало, шаг коня снова стал напряженным. До сих пор мы все больше держались леса, но здесь, на открытом про-

странстве, прятаться уже было некуда. Дорожка чернела среди подтаявшего снега, конь жался к ее черноте, боясь ступить на неверный снег. Небо над нами было похоже на запылившийся асфальт.

Открытое пространство пересекли в молчании. Грегор шел, поглядывая себе под ноги. Мне показалось, будто он что-то бормотал, но слов я не слышала. Может быть, пел? Он же в прошлом музыкант.

Дорожка поднялась на пригорок и, отклонившись от пруда, стала карабкаться на холм к деревьям. Если мы так еще чуть-чуть прошагаем, то выйдем к трассе, ведущей из города.

Руки без перчаток стыли, держать саблю стало неудобно, и я сунула ее под мышку.

Грегор остановился на опушке, пригнувшись.

— Ладно, как бы там ни повернулось дальше, тебе надо знать. — Он подошел ко мне, взял дернувшегося коня под уздцы. — Помнишь, что произошло после маскарада во дворе?

— Ты попал в расставленный аркан, и Ирина тебя убила. — Получилась нелепица. Вот же он, Грегор, передо мной. — Потом Эдгар убил Ирину и ушел. Почему он не помог тебе?

От волнения у меня зачесались ладони. От чего-то мне все это очень не нравилось.

Грегор повернул лицо с опущенными веками к темному небу. Ночной свет мазнул по гладкой коже, задержался на острых скулах, на чуть приоткрытом рте.

— Он знал, что делал. Все было правильно. Она умерла. И я ей помог.

Грегор открыл глаза, в них появилось нечто странное.

Истекающая кровью Ирина... Рядом Грегор... Он не удержался и укусил ее?

Наверное, у меня было слишком удивленное лицо. Грегор шевельнул губами, улыбаясь.

— Смотрители не хотели, чтобы Ирина умерла окончательно. Она теперь вампир.

Мир вокруг меня покачнулся. Мне показалось, что я падаю.

— И теперь они не знают, что с ней делать.

— А что Ирина? — Слова Грегора не укладывались в моей голове.

— Хочет покончить с собой.

— Не может быть! — Я заерзала в седле, сабля начала выскальзывать у меня из-под локтя. — Что же ты там делал?

— Ей может помочь только Макс, — не ответив на мой вопрос, продолжал Грегор. — Он один знает секрет, как уживаться со Смотрителями.

Я сидела пораженная, не в силах шевелиться. Ну вот, несколько дней готовила себя к неожиданностям, а новость меня просто убила.

— Макса здесь нет, — пролепетала я, пытаюсь сообразить, где его теперь можно найти. — И он к ним не пойдет. Это ловушка.

Я во все глаза уставилась на Грегора. Обман! Вампир врет, чтобы спастись. Любой ценой.

— Я возвращаюсь в Мёдлинг. Если хочешь, могу взять тебя с собой.

— Спасибо. Я не уеду из города. — Я подоб-

рала повод, выпрямилась. На плечи навалилась усталость, захотелось закрыть глаза.

Грегор отвернулся, словно к чему-то прислушивался. Наконец медленно кивнул.

— Конечно.

Сабля сползла вниз, и мне пришлось придержать ее на колене, чтобы она не упала. Взгляд Грегора остановился на клинке.

— Зачем ты взяла с собой оружие?

— Думала, что Смотрители хотят заполучить меня и таким образом дотянуться до Макса. Честный поединок — решение вопроса высшим судом. Как на дуэли.

Грегор сначала посмотрел на меня, потом его взгляд сместился чуть в сторону, словно заметил что-то за моим плечом.

— Так и будет. — Грегор приподнялся, оказавшись неожиданно совсем близко. — Появится новое поколение Смотрителей, взаимодействующих с вампирами. Только я этого видеть не хочу. Мне ближе свобода. Поэтому я ухожу. А они сильные, своего добьются.

Мизинец под перстнем зачесался. Тревога толкнулась в груди.

— Ничего у них не получится, — прошептала я.

Грегор отпрянул в сторону. Прежде чем обернуться, я наклонилась, заставляя коня сделать несколько шагов вперед.

— Что же ты медлишь? — раздался возмущенный голос. — Мы же договорились!

Сабля соскользнула с колена и зазвенела на асфальте. Я перегнулась через седло, стараясь дотянуться до клинка. Это меня спасло.

Глава XI

«БОЛЬШИЕ ВОДЫ НЕ МОГУТ
ПОТУШИТЬ ЛЮБВИ...»

Катрин прыгнула вперед, но упавшая сабля ее отвлекла.

Темная поверхность пруда слегка волновалась. Вампирша прибежала сюда по воде? Ах, какой удар по Святому Писанию! Рыжие волосы воинственным ореолом развевались вокруг ее головы. Я слетела на землю, кувыркнулась к сабле. Лошадь взбрыкнула, заставляя Катрин отступить.

— Укуси ее! — визжала вампирша.

Я спряталась за лошадь, стараясь держать в поле зрения обоих вампиров. Животное продолжало отчаянно брыкаться, словно почувствовало приближение неминуемой смерти.

— Да угомонись ты! — Катрин стукнула коня по морде. Тот покачнулся, но устоял. От удивления я забыла обо всем. — Что мы все время ходим вокруг да около? Дело-то простое!

Меня вздернули в воздух. Ледяная рука сдавила куртку на груди. Я снова выронила саблю.

— Ты все испортишь! — лениво бросил Грегор, стоя в стороне.

Лицо Катрин перекосило от боли и ярости. Вампирша растопырила правую руку, где прямо на ладони я увидела стремительно проступающий ожог в виде креста.

— Он ее защитил! — взвыла она.

— Еще как! — воскликнула я, отбегая в сторону.

Мизинец на левой руке ломило от боли, и я с превеликим удовольствием размахнулась, чтобы ударить. Но Катрин все равно была быстрее. Ледяным захватом она остановила мой удар.

— Счастливые всегда счастливы одинаково, а вот несчастны все по-разному, — выпалила она. — Познай свое несчастье!

Она рванула меня к себе, и я задохнулась от накатившей паники. Резкий тычок отправил меня на землю. Упав, я сильно ударилась об асфальт затылком. В глазах потемнело, бежевые пятна носились передо мной взад-вперед, являя наглядный пример броуновского движения.

Снова взвыла Катрин. Я постаралась отползти в сторону, хотя не понимала, куда двигаюсь. Оглянулась.

Катрин на четвереньках стояла на земле и с яростью смотрела на что-то перед собой. До меня ей было всего ничего. И она попыталась меня достать, но чье-то быстрое движение отбросило ее назад. Катрин скатилась по обрыву к воде, раздался ее приглушенный вопль.

Широкими шагами к ней шел человек. И даже не шел — летел. Через секунду уже стоял там, где только что была вампирша, а сама она оказалась в воде.

— Assez?¹ — нежно пропел голос.

Я сжалась. Лео!

«Макс, где ты? Спасай!»

Я вскочила с одним желанием — убежать отсюда. Огляделась. Конь понуро стоял около де-

¹ Достаточно? (фр.)

рева. Я подобрала саблю и встала ближе к животному. Так, на пару, в ту самую Валгаллу мы и отправимся. Или с животными туда не пускают?

Катрин перестала плескаться и встала. Лео двинулся ко мне. Я вдохнула побольше воздуха и зачем-то закрыла глаза. Сердце колотилось в ребра, требуя выхода.

— Дайте сюда! — Мимолетное прикосновение, и сабля оказалась в руках вампира. От ужаса я готова была сползти на землю. Дрожавший за моей спиной конь шевельнулся, давая понять, что, если что, падать будем вместе.

Лео придирчиво изучил клинок, потрогал лезвие, поморщился.

— Неплохая вещь. — От его слов пахло холодом. — Однако за ней неправильно ухаживают. Через пару десятков лет превратится в рухлядь.

Воздух свистнул, рассекаемый стремительным клинком.

— Признаться, я боялся увидеть другое оружие, — он оглянулся. — Грегор, я рад, что так все закончилось. *Über alles andere reden wir später.* — Промельк движения в темноте. — *Wie die kleinen Kinder!*¹ — презрительно бросил Лео, поворачиваясь ко мне: — Что у вас с головой?

— Ударилась, — произнесла я и тут же почувствовала боль в затылке. Катрин здорово меня приложила.

— Вам сегодня везет. — Лео замер. Лицо его исказилось. — Что за манера каждый раз соби-

¹ Как дети! (нем.)

рать вокруг себя толпу? Сюда идут. Слышите, собаки лают?

Естественно, я ничего не слышала, но можно было не сомневаться, что приближается милиция, которая отправилась искать своих лошадей.

— Отдайте мне мобильный телефон. — Узкая длинная кисть, повернутая ладонью вверх. Пальцы чуть шевельнулись, подгоняя меня. — Я вам принес другой. Что застыли? — гаркнул вдруг Лео. — Чтобы я вас здесь больше не видел!

Я дернулась, собираясь сбежать, и только потом сообразила, что кричит он не мне, а Катрин с Грегором.

Почему голос Лео на меня так действует? Никакой другой не рождает в моей душе желания съежиться. Машинально я сунула руку в карман и достала смартфон. Через секунду вспыхнувшая светом коробочка исчезла в бежевом кармане — вампир успел включить аппарат.

— Надо уходить. — В голосе Лео появилось презрение. — Честно говоря, я решил, что вам удалось забрать один из моих клинков, чего мне очень не хотелось. Ну, идемте, идемте! — подогнал он меня.

Мои ноги с трудом вспоминали, для чего они приспособлены.

— Лео, — жалобно произнесла Катрин, — а как же...

— Я тебе ничем не могу помочь! — Он недовольно передернул плечами, еще раз посмотрел на саблю в своей руке. Я даже залюбовалась, с какой уверенностью, с каким изяществом он ее держит. — Не смотрите на меня так! — От вам-

пира ничто не ускользало, тем более мой восторженный взгляд. — Не женское это дело держать в руках оружие. Куда вас проводить?

Он жестко взял меня под локоть и повлек по дороге в обратную сторону. Я в панике сжалась, потому что даже мне стал слышен лай собак.

Шли мы быстро, по мне так почти бежали, по груди било что-то тяжелое. Я подняла руку.

— Красивый, — тут же заметил Лео.

— Подарок. — Мои умственные способности мгновенно схлопнулись. Макс... Где-то он сейчас...

— Идемте, идемте! — подогнал меня вампир. — Я уже начинаю жалеть, что вернулся. Но вы ухитряетесь создавать столько шума, что нигде в мире от вас не спрятаться.

— Где Макс? — Я шла, не чувствуя под собой ног.

— Ну что вы никак не можете друг с другом договориться? — вздохнул Лео.

Прямо навстречу нам из леса выскочили собаки. Следом бежали пятеро милиционеров, ехали двое конных, за ними широкими шагами шел Борис. Лео уверенно двигался вперед, словно ничего не видел. — Жив ваш Макс, не переживайте! Сидит сейчас где-нибудь, страдает.

— Страдает?

Ноги и так не несли меня вперед, а тут еще столько людей кругом, да еще странные заявления Лео... Я готова была снова остановиться. Лео наконец разглядел мое состояние и перестал тянуть за собой.

— Я уже говорил: Макс не совсем обыкно-

венный вампир. В нем живет тяга к справедливости. Ему было высказано недоверие, вот он и расстроился.

«Бедный! — вспыхнула мгновенная жалость. — Я не хотела!»

Одна из собак понюхала меня и ринулась дальше. Стоящая под деревом лошадь заржала, заметив соплеменников.

— Не бойтесь, вас никто не заметит, — поймал мой испуганный взгляд Лео. — Собаки и милиционеры очень легко поддаются внушению. А ваши милые друзья хотят видеть *вас*, а не нас вдвоем, поэтому *нас* они не видят.

— Держи ее! — пробухал мимо тяжелыми сапогами милиционер.

Борис прошел следом, с напряжением вглядываясь в темноту. Лео проводил их презрительным взглядом. Испуганная лошадь взбрыкнула и исчезла за деревьями. Возбужденные голоса удалялись.

— Вы — как камень преткновения или шка тулка Пандоры. Кто к вам ни прикоснется, у того начинаются неприятности. Я знаю, что любовь делает людей глупыми, но не до такой же степени!

На дорожку вышел Олег. Я во все глаза уставилась на него. То ли темнота виновата, то ли... Как он изменился!

Лео снова подхватил меня под локоть, и уже через мгновение мы выходили из парка. Я с трудом переводила дух. Если бы не постоянная тревога, заставлявшая следить за каждым движением и словами, я бы давно забыла, кто рядом со мной — Лео умел произвести впечатление, увлечь собой.

— Понимаете, просто это место...

— О, не надо мне нести всякий бред про память! — прервал мою речь Лео и немного сильнее сжал мой локоть, отчего я чуть не вскрикнула — его «немного» для меня оказалось болезненным. — Вы так и не сказали, зачем пришли сюда с саблей. Кого вы собрались рубить? Кстати, вы знаете...

— Знаю, — перебила я его, — о наказании за ношение холодного оружия я уже слышала. Только как же вы не понимаете, что в данной ситуации...

И вновь Лео не дал мне договорить.

— В данной ситуации надо было посидеть и подумать, а не бежать куда глаза глядят. Именно для того вам и дана голова.

— Я не виновата, что все так получилось. — Хотелось отвернуться от моего слишком холодного собеседника. А еще лучше отстать, уйти, раствориться в темноте. — Вы даже не догадываетесь, что произошло.

— О чем тут догадываться! — Мы давно уже покинули парк, Лео медленно шел дворами, безошибочно ведя меня к дому. — История не придумала ни одного нового сюжетного хода, все повторяется. Оригинальны не драматические коллизии, а поведение людей. Ваше меня всегда ставит в тупик. Я даже не рискну предсказать, что вы предпримете в следующую секунду.

— Буду искать Макса, — буркнула я, оскорбившись. Почему он со мной говорит как с маленьким ребенком? Если бы меня выслушали, я бы все могла объяснить.

— Интересно, как вы собираетесь его искать? — В каждом жесте, в каждом слове Лео сквозило презрение. — Заберетесь на крышу дома и крикнете его имя семи ветрам? Или разошлете во все части света гонцов в надежде, что года через два они начнут приносить вам известия?

— Почему через два? — Я обиделась окончательно, потому что не было у меня в голове таких глупых мыслей. Просто бродила бы по городу, прислушиваясь к себе. Или села на электричку и проехала бы до конца по всем направлениям. И в конце концов, года через два... Тьфу ты, откуда только этот срок появился?

— Потому что именно за два года человек сможет обогнуть земной шар по экватору, если будет идти пешком. Часов по десять каждый день без выходных.

Лео остановился. И только тогда я услышала знакомую мелодию — смартфон ожил.

— Не переживайте, — вдруг произнес вампир. — Я, пожалуй, присоединюсь к вам сегодня по части глупости. Он обманул нас обоих.

В руке его появился телефон. Поднеся трубку к уху, мой спутник тут же перешел на отрывистый немецкий.

— Ja, ich höre. Wenn du noch einmal so etwas tust... Wo hast du die Waffen versteckt, du Lump? Unter welchem Bett?¹

Лео медленно перевел взгляд на меня, слу-

¹ Я слушаю тебя. Если ты еще раз устроишь подобное... Куда ты дел оружие, мерзавец! Под какую кровать? (нем.)

шая ответ. Усмехнулся. От его усмешки я чуть голову в плечи не втянула, потому что не поняла ничего из того, что он сказал. И словно поняв мою растерянность, Лео заговорил по-русски.

— Кстати, твой фокус с телефоном удался. — Помолчал... — Да, я успел вовремя. Катрин и Грегор. Маша его спасла. Можешь сказать ей это сам. Да. В мастерской.

Закончив разговор, Лео медленно убрал трубку.

— Я думал, случилось что-то пострашнее вашей ссоры. Этот гаврош позвонил мне с вопросом, могу ли я вам одолжить на время одну из своих шпаг. А потом пропал. Я решил, что он и правда вам что-то отдал. Между прочим, если когда-нибудь вам захочется убить Макса, позовите меня, я с удовольствием стану свидетелем столь занимательной сцены. А сейчас я даже не знаю, что делать дальше. По закону жанра, а вы, как легко заметить, склонны к трагедиям, я должен просить вашей руки для своего подопечного. Или в вашем случае надо действовать как-то иначе?

В голове у меня навязчиво зазвучал марш Мендельсона, и я попятилась.

— А это обязательно? — испуганно переспросила я.

— Если вы спрашиваете меня, то я ответил бы — да. — Лео сделал приглашающий жест рукой, и мы двинулись дальше. — Но вы же хотите услышать другое, поэтому я скажу — нет. Живите как хотите, только не создавайте больше вокруг себя проблем. Вы, надеюсь, поняли, что хотела сделать Катрин?

Я остановилась. А что она хотела сделать? И только сейчас вспомнила — Грегор! Катрин успела о чем-то договориться с ним, пока они вместе были у Смотрителей. Там же еще Ирина... И все мечтают меня убить. А, сообразила: Катрин подсказала идею получше — сделать меня вампиром.

Лео шел вперед, ему не было дела до моих остановок.

— Я бы тоже так поступил. Причем давно. Но Макс такой упрямый... Надеюсь, в конце концов он сам придет к этому. Вы не сможете все время бегать и прикрывать друг друга.

Лео бросил на меня взгляд через плечо. В темноте бледное лицо почти сливалось с бежевым пальто, казалось, что со мной разговаривает призрак. Впрочем, так оно и было. Да еще страх давил на меня, мешал думать. Одновременно хотелось сделать нечто противоположное — либо убежать, либо замереть и не шевелиться.

Мы подошли к дому. Я оглянулась по сторонам, ожидая увидеть милицию.

— Чего вы теперь боитесь? — Я вновь остановилась, что Лео не понравилось.

— Драка с милиционерами, увод лошади и ношение холодного оружия, — напоминала я, стараясь не упустить ничего из списка моего повышенного везения.

— Еще не забудьте кражу со взломом.

— Я ничего не украла! — заторопилась я. Но тут вспомнила о Колосове. Он вполне мог что-нибудь утащить.

Кодовый замок входной двери запищал за

секунду до того, как Лео коснулся ручки. Створка распахнулась, и меня словно втянуло в подъезд — против Лео даже мои таланты Смотрителя не помогали.

— Скажите Максу, чтобы он поменял стекло и убрал это убожество. — Вампир ткнул пальцем в сбитый мною замок. Затем галантно распахнул передо мной дверь мастерской. — И не задерживайтесь в городе надолго. Я не предсказатель, но, думаю, что в понедельник вам стоит быть подальше отсюда. Вы сильно разозлили своих друзей, так что будьте осторожней. И последний совет. Я знаю, что случилось, однако лучше не вмешивайтесь. Что бы ни происходило сейчас в Москве — уезжайте, никого не слушая. Я очень рассчитываю на вашу благоразумность. На Макса надежды нет.

Подчиняясь его колдовскому голосу, я вошла в мастерскую. И даже не вошла — было такое ощущение, что меня внесли и посадили на кровать.

— О родителях не беспокойтесь, я поговорю с ними, они не заметят вашего отсутствия. Более того — будут убеждены, что сейчас каникулы. У вас в запасе две недели. Используйте их с толком.

Из разбитого окна тянуло холодом, было зябко, и меня вновь клонило ко сну.

— Человеку не место около вампира, — голосом сказочника вещал Лео. — Рядом с ним может быть только вампир. Поверьте, в этом качестве ваша жизнь станет гораздо спокойней.

А то уж очень на детский сад смахивает. Прощайте, приятного вам отдыха.

Секунда, и он стоял около входа.

— Да! — Лео обернулся, и мое сердце забилось в надежде, что он останется и все мне объяснит, а главное, скажет, что делать. — Ваша сабля... — Он положил клинок на пороге. — Посоветуйте хозяину обзавестись более достойным оружием.

Я так и видела, как в спортзале подхожу к нашей любимой Сергачевой, женщине резкой и категоричной, выкладываю перед ней саблю и заявляю, что оружие так себе, один мой знакомый вампир посоветовал его сменить. А Сергачева берет в руку саблю и делает из меня целой две половинки. И я лечу, счастливая и свободная, над городом, над моей улицей и домом. Внизу стоят все мои знакомые, машут мне руками, требуют, чтобы я к ним приземлилась. Но я делаю над ними лишний круг. Вижу Пашку, Маркелову, могучую троицу из моего класса. Вижу даже учительницу по русскому. Она стоит, зло глядя на меня, и что-то говорит. Мне кажется, слова ее важны, поэтому я спускаюсь чуть ниже. Она резко выбрасывает вверх руку, хватает меня за локоть и прямо в лицо произносит:

— Es klingelt!¹

Я пытаюсь отлететь от нее, но держит она меня крепко. Я замечаю, чувствую, что рука ее становится все белее и холоднее, и уже не оглядываюсь, потому что знаю, кого сейчас увижу.

¹ Звенит звонок (нем.).

Телефон настойчиво трезвонил, выдавая порцию неприятных сигналов, на секунду замолкая и начиная вновь надрываться. Сердце мое стучало, дышать было тяжело. Я пыталась понять, где нахожусь. Сознание, как истинный друг, вовремя спряталось, придавленное странным сном.

Я летала? Это может быть, только если...

Сон закончился. Я открыла глаза и увидела, что лежу на кровати в мастерской. Черт, из-за этих штор непонятно, что сейчас за окном. Лео своими разговорами усыпил меня! Я запуталась в покрывале. Тело, сжатое одеждой (я, конечно, не раздевалась), заныло. И тут же я увидела — за столом сидит неподвижная фигура.

Почему он не шевелится? Почему не подошел ко мне?

— Макс, прости меня! — Я с трудом высвободилась из покрывала, но на полу наступила на свои ботинки и чуть не упала. Фигура стремительно приблизилась. Меня обдало холодом, и я увидела над собой знакомые светлые глаза. Услышала голос:

— Здравствуй!

От одного его слова закружилась голова, и я прижалась к Максиму, ткнувшись лбом ему в грудь.

И тут же все разом нахлынуло на меня. Как же я по нему соскучилась! Как я могла прожить этот длинный день без него? Как я могла даже подумать, что смогу жить без его голоса, без его взгляда, без касания рук, без таких всегда правильных слов...

— Макс! — прошептала я, боясь поднять глаза. А вдруг он все еще обижается на меня?

Вдруг пришел сказать, что... — Прости меня, пожалуйста, прости! Тебя так долго не было! — быстро шептала я его медленно бьющемуся сердцу. — И у меня без тебя ничего-ничего не получилось.

— Маша! — Голос опустился сверху, обнял меня, и я сразу же подняла голову. На меня смотрело голубое небо. Оно улыбалось мне.

— Макс, пожалуйста, не уходи больше никогда! — Я хотела приподняться на цыпочки, чтобы поцеловать его, но он сам склонился ко мне.

Я только коснулась его губ, как вспомнила.

— Ой, а знаешь, там все плохо, — махнула рукой в сторону окна. — Там милиция и лошадь. А еще надо саблю вернуть.

Он улыбнулся.

— Это все уже не важно, — прошептал он. — Забудь. Не было ничего.

Макс ткнулся лицом мне в плечо, коснулся холодным носом ключицы, его рука скользнула по моей спине. Внутри меня собрался испуганный комок. Я хотела вдохнуть, но дышать становилось все тяжелее. Осторожные пальцы коснулись кожи, и вместо холода я почувствовала жар. Одежда стала мешать. От поцелуя закружилась голова. Захотелось сесть, лечь... Я выпрямилась, чувствуя, как испуганный комок растворяется, как восторг начинает рваться из груди.

И остались только глаза, прозрачные-прозрачные, все глядящие и глядящие на меня... в меня... вместе со мной... И уже было не страшно, исчезли глупые стеснения и неловкость.

Все было правильно. Было хорошо.

И я снова летела, летела прочь от города, от людей, которым постоянно что-то от нас нужно.

За спиной разговаривали, ненавязчиво, негромко, и оба голоса были приятны. Мне все хотелось обернуться, чтобы посмотреть, кто это, чтобы услышать, о чем говорят. Я шевельнулась, окончательно выпадая из сна.

Мастерская... Да, я уже поняла.

День... Нет, вряд ли. Кровать была загорожена ширмой, за ней виделся слабый свет. И доносились голоса. Слишком тихие, чтобы можно было что-то разобрать.

Шевельнулась, ощущая телом приятную прохладу — прежде чем вскакивать, не мешало бы одеться. Я застыла, прислушиваясь к себе. Ведь теперь все изменилось, все стало другим, и я должна это почувствовать. Но я не чувствовала ничего особенного. Только есть хотелось, что было странно и как-то стыдно. Я снова зашевелилась, прогоняя некстати забравшиеся в голову мысли.

Мое пробуждение было замечено — голоса смолкли.

Легкое движение воздуха, и около ширмы возник Макс. Его огромные глаза всматривались в меня, словно он пытался увидеть что-то ужасное.

— Как ты?

— Замечательно. — Я попыталась поправить разметавшиеся волосы. — Не можешь сидеть в одиночестве? — кивнула я в сторону его невидимого отсюда собеседника. Хорошо бы сейчас

побыть с Максом вдвоем, поговорили бы. Кто там мог так не вовремя прийти?

— Да, у нас гости. — Макс продолжал на меня смотреть, и под его внимательным взглядом я смутилась.

— Ты на мне увидел что-то необычное? — Я подтянула к себе одежду, стала неловко одеваться.

— Ты красивая, — донесся еле уловимый шепот, а Макс уже снова стоял около ширмы и улыбался.

Я сконфузилась окончательно и, путая пуговицы, начала застегивать кофту.

— Кто у тебя?

Макс протянул руку. Я заметила, что его пальцы слегка дрогнули. Подошла ближе и только сейчас заметила — черты лица моего любимого стали тоньше, всегда аккуратно причесанные волосы растрепаны, губы чуть припухли — прямо у меня на глазах он сбрасывал возраст, превращаясь в подростка. Я хорошо помнила одно такое превращение. Было это месяц назад, когда Макс впервые встретился с Олегом.

Я вылетела из-за ширмы, стремительно подошла к столу.

— Что вы здесь делаете?

Олег сидел спиной к камину. Перед ним стояла бутылка вина и один бокал. Он был наполовину пуст, густая красная жидкость оставила на его стеклянных боках прозрачно-красные разводы. Олег крутил в руке бокал, поэтому я в первую очередь обратила внимание на руку. Широкая кисть с сильным уверенным запястьем

ем была исполосована длинными глубокими царапинами. Ни кошка, ни собака так не царапают. На хмуром лице его тоже была ссадина и продолговатая рана. Как будто он неделю бродил по непролазной тайге, выбираясь из чащобы головой вперед.

— Добрый день, Маша. — Олег мельком глянул на меня и опустил глаза.

— Сядь, пожалуйста. — Макс поправил за моей спиной стул.

Олег снова поднял глаза, но теперь уставился на свой бокал. Я медленно села.

— Зачем вы пришли? — Я почувствовала неуместность своего счастья рядом с тяжелым молчанием Олега. Тихо спросила: — Все ведь закончилось хорошо?

— А? — Олег, казалось, впервые услышал меня. — Да, все нормально.

Макс остановился с противоположной стороны стола. Только сейчас я заметила, что стул там отодвинут — к Смотрителю он близко не подходил. Я во все глаза смотрела на любимого. Зачем он впустил сюда Олега? Сам говорил, что не хочет его видеть, не подпускал его к мастерской...

— Грегор объяснил мне, что происходит, — ответил на мой незаданный вопрос Макс. — Ты знаешь про Ирину?

Я медленно кивнула. Что-то такое было. Смотрители искали Макса, чтобы он им помог.

— Ты едешь в Москву? — Возглас у меня получился испуганным. Нет, конечно, он туда не поедет!

— Борис несколько расстроен, что ему ни-

как не удастся нормально с тобой встретиться. Он хотел извиниться за то, что произошло в парке. Я говорил, что так поступать не надо, что нельзя тебя подвергать опасности, но он считал, что все должно быть по-настоящему. Он специально пугал тебя, надеясь вызвать Максима. Мы не могли предвидеть вашей ссоры.

— Так, значит, милиция тоже ваших рук дело?

Я посмотрела на Макса. Тот сидел каменным изваянием и слушал Олега. Черт, я проснулась в таком хорошем настроении! Зачем было его портить?

— Милиционеры стали составляющей частью аркана. — Быстрый взгляд вверх и вниз. Бокал в руках Олега продолжал совершать свой дерганный танец. — С одной стороны, они добавили неприятностей, а с другой — помогли тебе. Если тебе будет приятно это услышать, то Борис был в ярости от такого расклада.

Мне не было приятно. Я сидела, оглушенная известием. Я попала в так ловко расписанную игру, что никак не могла понять, обижаться или нет.

Бокал в пальцах Олега чуть не опрокинулся, но он сумел его удержать. Он очень нервничал, постоянно проводил ладонью по столу. Ему наверняка сейчас хочется есть — при встрече с вампирами у него ведь, я знала, просыпается аппетит. Такая у него особенность.

— Вот, собственно говоря, и все, что я хотел сказать. — Олег отодвинул бокал. — Еще хотел убедиться, что с Машей все хорошо. И... — Он смотрел только на Макса. — Максим...

— Макс, — сухо поправил любимый, и я злорадно улыбнулась.

— Надеюсь, что...

— Маша, хочешь вина? — не дал ему договорить Макс, беря с каминной полки бокал. Он стоял рядом со Смотрителем, и Олег как-то странно втянул голову в плечи, словно Макс мог опустить бокал ему на макушку. — Знаешь, Лео, уходя, разрешил мне открыть эту бутылку в честь какого-нибудь значительного события. Сегодня я подумал, что такое событие случилось.

Я начала краснеть, но окончательно стусеваться Макс мне не дал.

— Мы уезжаем. — Он пододвинул ко мне вино и вновь посмотрел на Олега.

— Да, хороший повод, — согласился Смотритель.

Приятный напиток болезненным комком прошел в мое горло.

— Маша! — Макс присел на стол рядом со мной. — Олег предлагает перемирие и просит меня приехать в Москву помочь Ирине. Как ты считаешь, стоит ехать?

Я подняла на него глаза, вдохнула и замотала головой. У меня не было слов. Я знала только одно — в Москву ехать не надо.

— Но если у вас получится... — упавшим голосом начал Олег. — Мы оказались в неловкой ситуации...

— Эдгар всегда знает, что делает, — с достоинством произнес Макс.

— Эдгар? — Я начала терять нить разговора.

— Ход очевиден, — пожал плечами Макс. —

Эмоции Антона и Ирины легко читались. На них было просто сыграть. Чтобы остановить Смотрителей, всех убивать не понадобилось. Достаточно вывести из игры одну Ирину. Сам бы он не вытащил Грегора, а так подарил ему время и шанс на спасение. И Грегор этим шансом воспользовался.

— Я что-то не поняла. — Мне показалось, что вино слишком быстро ударило мне в голову. — Эдгар все знал заранее?

— А что тут знать? Антон несомненно хотел спасти Ирину, и Грегор был единственным вариантом ее спасения. После чего его убивать было бессмысленно.

— Жаль, что мы не так быстро во всем разобрались, — грустно улыбнулся Олег. — Борис надеется, что успеет создать сыворотку, которая вернет Ирину. Еще есть шанс ее спасти, обращение только произошло. Сама же она не принимает своего изменения. И хочет умереть.

Олег болезненно сморщился и поспешно придвинул к себе бокал. Пальцы его дрожали. Он с жадностью выпил и резко, словно испугавшись, что его накажут, поставил бокал обратно. Я внимательней вгляделась в его царапины. Что же у них там происходит?

— Но это означает, что... — начала я и замолчала. Потому что это означало катастрофу. Смотрители прячут у себя вампира... Один из них превращен в вампира... Если узнают другие Смотрители, их... уничтожат!

— Ты... ты поедешь в Москву? — напряженно прошептала я. А внутри меня все кричало:

нет, ты не должен ехать! Пускай Смотрители сами разбираются в том, что натворили!

— В Москве климат не очень хороший. — Макс спокойно смотрел на Олега. Кажется, он уже все решил.

— Ну что же... — Олег поднялся. — Подумайте. У Маши есть мой телефон. И если вы что-то решите... — Он еще немного постоял около стола, пальцами опираясь на столешницу.

— До свидания, — медленно произнес Макс, и я заметила, что лицо его стало прежним — спектакль заканчивался.

— Да, да, конечно. — Олег отступил, постоял немного, сделал еще пару шагов, обернулся, словно хотел что-то добавить. И ушел. Даже не посмотрев в мою сторону.

Дверь за ним закрылась. Звякнул навесной замок, болтавшийся с внешней стороны на одной дужке. Я перевела взгляд на пустой бокал. Мне казалось, я еще вижу, как его тонкую ножку держат чуть подрагивающие пальцы.

— Что ты будешь делать? — Вслед за Олегом ушло мое напряжение. — Ты ему веришь?

— Я разговаривал с Грегором. — Макс взял бокал Олега и посмотрел его на свет, словно отпечатки пальцев снимал. — Он передавал тебе привет, просил поблагодарить. Ты ведь его спасла.

Я отмахнулась от благодарности, потому что все это было не то. Главное — что решит сейчас Макс.

— Смотрители пытаются держать ее в квартире, обвешанной разными знаками, но она по-

ка неуправляема. Они считают, что я могу им помочь.

— А ты можешь?

— У меня нет никакого секрета. Надо смотреть на месте.

— Поедешь в Москву?

«Не надо! Это ничем хорошим не закончится!»

— Я бы съездил в Москву, потому что мне просто интересно посмотреть, что там происходит. — Макс потупился. — Я немного понимаю Ирину.

— А если тебя запрут рядом с ней и начнут проверять действие этой своей сыворотки? Я тебя не отпущу! Пускай ловят Катрин, она вправит Ирине мозги.

— Катрин со своими мозгами разобраться не может, куда ей чужими заниматься... Проблема только в том, чтобы не привлечь внимания других Смотрителей.

— Значит, ты поедешь? — Как же мне не хотелось услышать утвердительный ответ на этот вопрос.

— Если только с тобой. — Макс отставил бокал. — Без тебя я больше никуда. Все равно нам надо уехать. Проедем через Москву. А потом нас никто не найдет.

— А как же Катрин? Она не будет нам больше мешать?

— Нам никто больше не будет мешать. Даже Грегора я к тебе не пустил. Он рвался зайти, сказать спасибо. Ты же не против?

Я? Не против? Не против чего? Чтобы ко мне в гости приходили вампиры? Или чтобы Макс принимал за меня решения?

— А ты, значит, догадывался, что я буду делать? — Я снова отпила вина, наконец разобрав его вкус, чуть терпкий, глубокий, с мягким послевкусием. — Специально оставил телефон, чтобы Лео почувствовал неладное и примчался сюда? Что ж, он успел вовремя.

— Его отличительная черта, — согласился Макс. — Приходит-то он, может быть, заранее, а вот вмешивается в последний момент. На сей раз для него это было несложно. Он оторвался от изучения экспозиции Эрмитажа и сейчас, думаю, вернулся туда же.

— Забрал оружие?

— Нет, так и лежит под кроватью. Ты плохо искала.

Я сделала еще глоток. В голове приятно поплыло, по телу разлилось ленивое тепло. Ну и пусть вампиры просчитывают любую ситуацию на несколько шагов вперед! У меня есть свой, персональный просчитыватель, можно больше ни о чем не волноваться. Или все-таки что-то прошло мимо меня?

— Значит, все закончилось? — спросила я, прогоняя неприятное ощущение, словно я чего-то не заметила, о чем-то не спросила.

— Все только начинается.

— Кажется, так уже когда-то было, — проворчала я.

— *Ab ovo*¹, — развел руками Макс. — Нико-

¹ От яйца (лат.) — устойчивый фразеологический оборот, обозначающий «с самого начала».

гда не поздно еще раз начать все сначала. К тому же у нас это хорошо получается.

Я замерла. Сейчас он заговорит о том, что было, и я от смущения спрячусь под стол...

— Завтра. На любой поезд. Много вещей не бери.

— В какую сторону двинемся?

Я зажмурилась, попыталась сдержать расплзающиеся в улыбке губы, но не справилась. Улыбка упиралась в щеки, так что было даже немного больно. Не выдержала — взвизгнула и выскочила из-за стола. Макс тут же оказался рядом, и я повисла у него на шее. Он осторожно придержал меня за талию, и его глаза, всегда холодные, с кусочками льда, светились любовью.

— Не говори, не надо! — зашептала я. — Все равно куда, хоть на край света. Вместе с тобой ни у какого света не будет края. Мы будем идти и никогда не остановимся. Правда?

— Правда, — прошептал Макс в ответ, и я крепко-крепко прижалась к нему, растворяясь в том прекрасном мире, что меня сейчас окружал.

Глава XII

НЕ СМОТРИ В ГЛАЗА НЕЗНАКОМЦУ

Мне очень не хотелось расставаться с Максом, не хотелось возвращаться в свою квартиру, которая всего за один день стала чужой. Но выбора не было. Действительно, надо же собраться, хоть что-нибудь взять с собой, чтобы исчез-

нуть отсюда навсегда (две недели мне казались вечностью). Я не знала, что будут думать мои родители, не могла представить, что станут говорить в школе, да мне и не хотелось об этом думать. Я старательно гнала от себя все мысли о прошлом, потому что передо мной открывалось будущее. Но и о нем я боялась думать. Главное, что мы будем вместе, наконец-то настанет такое время, когда весь мир превратится в одного человека. В Макса. В его лицо, его глаза, его улыбку. Он возьмет меня за руку и поведет за собой. Не знаю и не хочу знать, что будет, какие города, какие места станут нашим домом. Хоть палатка... Правда, в палатке я еще ни разу не спала.

Мои брожения по собственной комнате были бесконечны. Незаметно для себя я обнималась с очередной кофтой и падала на кровать, не в силах на ногах переносить свое счастье.

На столе у меня стояла эмалированная кружка с фазанами. «Чашки ты постоянно бьешь, пей теперь из неразбиваемой посуды», — сказал мне Макс, отдавая напоследок кружку. Конечно, моих рыбок она заменить не могла, но ее мне подарил Макс, и этого было достаточно, чтобы, придя домой, первым делом налить в нее чай и, обжигая губы, пить, глядя в темное окно.

Темнота за окном была тихая, спокойная. В ней больше ничего не таилось, никто не прятался. Она просто была, потому что солнце ненадолго скрылось за горизонтом. Планета у нас такая, круглая, вот солнце и уходит за горизонт. Была бы плоской, солнце бы не заходило, а

так... Приходится несколько часов в день жить в темноте.

Я прислушалась к себе. Макс ушел, никаких других знаков тревоги не было. И я снова отправилась мерить комнату шагами. Что-то клала в сумку, что-то вынимала, оказывалась лежащей на кровати.

Из безостановочного сумасшествия меня вывел телефонный звонок. Мне теперь в каждом шорохе, в каждом звуке чудилось, что Макс подает мне знак — надо вставать, надо идти. Кто мне еще может звонить? Конечно, он!

Но это был не он — звонила секретарша из школы. Сказала, что мои документы готовы и завтра я могу за ними прийти. Поздравила с окончанием средней школы.

Я закончила школу? Макс же сказал, что пошел проветриться, подкрепиться перед дальней дорогой! Ну да, а заодно заглянул ко всем моим учителям и помог мне «досдать» все экзамены. Теперь я совершенно свободна. Мне теперь принадлежит весь мир!

Я снова бухнулась на кровать. А Макс все же врушка. Обещал же — по-честному.

До полуночи просидела около окна, прислушиваясь к происходящему. А потом уснула. Разворошенная сумка так и осталась стоять на полу.

Утром я долго лежала в кровати, мысленно отсчитывая школьные звонки. Вот первый урок начался. Закончился. Перемена. Уговорили, пойду на третий урок. «Один» неустойчивое число, «два» не сулит гармонии, а вот «три» в самый раз. Три богатыря, три поросенка, «три девицы

под окном пряли поздно вечерком», три царства — Золотое, Серебряное и Медное, «жил-был царь и было у него три сына», три мушкетера... Мне было с кого брать пример.

Сумку ногой задвинула под кровать — успею еще собраться. Настроение сегодняшнего дня было странным. Ни вчерашний восторг, ни позавчерашнее отчаяние не оставили во мне никаких следов. День казался тягуче-тягостным, словно поход в школу сулил мне приведение в исполнение смертного приговора. А что там такого? Ничего. Схожу, распишусь где надо, помашу своим бывшим одноклассникам ручкой и закрою за собой дверь.

Идти не хотелось. Под одеялом было так хорошо! Поэтому я тянула время, гадала, какую сторону света выберет для нашего путешествия Макс, прислушивалась к себе.

Мне тихо и лениво. Не хочется даже на ноги вставать. А если куда-то идти, так надо топать в ванную, переодеваться, пить чай (из кружки? нет уж, увольте!), собирать рюкзак (вспомнить бы, куда я его сунула). Я уставала от одной только мысли, как много всего мне предстоит сделать. Поэтому продолжала лежать, отсчитывая — звонок, второй урок начался, перемена кончилась.

Заканчивается одна жизнь, начинается другая. И теперь все будет совсем по-другому. Главное, мы с Максом будем вместе. Но что мы будем делать? Как будем проводить наши бесконечные дни? До сих пор в безостановочной беготне, в постоянном доказательстве, что мы можем и должны быть — как там по-немецки? — zusam-

men¹, на все остальное времени не оставалось. И вот теперь... Что впереди? Было немного страшно вато оставлять за спиной все привычное. С ностальгией я вспомнила бесконечные вечера в своей комнате. Буду ли я о них жалеть? Будет ли мне не хватать плановой размеренности школы?

И, уже не отдавая себе отчета, что происходит, я встала, отправилась в ванную. Долго изучала в зеркале свое лицо, лениво чистила зубы, долго тянула горький кофе, тщательно оделась и вышла на улицу.

Приятно подморозило. Я стояла во дворе и смотрела на затоптанный куст сирени. Его присыпало снегом, отчего он стал меньше. Привет, старый приятель! Будем надеяться, что пока меня не будет, тебя не уничтожат окончательно. Или мой великий антипод Малинина больше не стоит около тебя, не собирается каждое утро с силами, чтобы пойти в школу?

Детская площадка со скрипучими качелями, дорожка, проложенная трудолюбивыми путниками... Какое тут все маленькое и старое. И правда пора уезжать.

Здание школы тоже как будто присело и нахихлилось. Я еще немного постояла около крыльца, прислушиваясь. Тихо. Здравствуй, грозный оплот знаний! Как ты тут без меня? Не скучал? Куда там! У тебя столько дел, что вспоминать всех, кто от тебя уходит, некогда. Сейчас ты дремлешь, но пройдет минута, другая, и весь заскри-

¹ Вместе (нем.).

пишь и заохаеть распахнутыми дверями, пропоешь сотней ступенек, зазвенишь перилами, вздохнешь оконными рамами. Честное слово, жаль тебя оставлять! Но тебе-то не жаль, я точно знаю. Вот и я жалеть не буду.

Мне показалось, что эхо еще не прозвеневшего звонка уже прокатилось по коридорам. Надо было спешить. Мне захотелось уйти по-английски, ни с кем не прощаясь. Разве только Пашку еще раз увидеть. Просто посмотреть на него. Может быть, сказать... Нет, говорить я ему ничего не буду. Зачем тревожить человека? Пусть живет, как живет. У нас с ним теперь разные фехтовальные дорожки. Параллельные. Не пересекающиеся.

— А, Гурьева!

Секретарша смотрела на меня так, будто я каждый день прихожу в приемную и мы вместе пьем чай — ни удивления во взгляде, ни интереса. Можно подумать, что в этой школе через день выпускники сдают экзамены экстерном и приходят за документами.

Она взяла верхнюю папку, дернула завязки.

— Распишись в получении. В мае узнаешь расписание единого экзамена.

Бумажка следовала за бумажкой, где голубая птичка сообщала о том, что она готова улететь, как только на ее месте появится моя закорючка.

Интересно, если мы с Максом поженимся, мне придется менять фамилию? И на какую — на «Малер» или «Мишину»? Кстати, есть ли у Макса паспорт? Хотя откуда у вампира паспорту взяться...

— Не спи! — вывела меня из задумчивости секретарша. — Возьми вкладыш, зайди к директору, пускай распишется.

Хлопнула дверь приемной, и я вдруг услышала:

— Гурьева!

Все-таки есть некие законы, от которых не убежать, не спрятаться. Если ты не хочешь видеть человека, то непременно с ним столкнешься. Например, учительница по литературе Роза Петровна точно не входила в число людей, с кем я жаждала прощаться.

— Зашла бы в свой класс! Или так и уйдешь, ничего не сказав?

Да, я так бы и ушла. И даже не оглянулась бы. Но теперь мне придется топтать следом за вами и в который раз жалеть, что не послушалась своего внутреннего голоса, который советовал сегодня из дома вообще не выходить.

— Сходи, я сама подпишу вкладыш, — разрешила мне секретарша и, наконец, улыбнулась. Что-то Макс здесь перестарался. Это уже не гипноз, а полное оболванивание.

Я плелась за учительницей, пытаюсь представить лица своих одноклассников. Безрадостные будут у них лица. Опять же Маркелова. Нет, хорошо, что я уезжаю. Ну их всех! Пускай остаются в моем прекрасном прошлом. Там им самое место.

От долгого общения с бывшими друзьями меня спас звонок. Он сорвал всех с места и повлек в столовую на завтрак. Класс забурлил вокруг меня, как пена в закипевшем супе, и оста-

вил сухим остатком Лерку. На плече у нее сидела Белла, недовольно поводила мордочкой, искала, где бы что съесть.

— Уезжаешь? — Подведенные черным карандашом глаза Маркеловой выглядели зловеще.

— Скорее меня увозят, — уточнила я, старательно улыбаясь. Это была моя победа. И я могла немного позлорадствовать.

— Увозишь, — гнула свое Лерка. Белла чихнула ей в воротник и начала по-деловому умыться.

Я уставилась на Маркелову. Нет, просто хамство — так в открытую ревновать. Макс ей ничего не обещал, чтобы она изображала здесь трагедию брошенной.

— Не грусти, Маркелова, будет и на твоей улице праздник, — как можно жизнерадостней пообещала я.

Лерка хмыкнула. Не понравилась мне ее улыбка. Уж лучше бы зарыдала в голос или начала меня ругать.

— Ну и уезжай! — разрешила она. Прозвучало скорее так: «Кислорода на всех не хватает, а тут еще ты бродишь!» — Скатертью дорога. Поклон столице!

Почему она решила, что мы едем в Москву?

Я согласно кивнула, но из класса выйти не успела, потому что попала в плотное кольцо могучей троицы, моих главных недоброжелателей. Малинина сегодня была в легкой облегающей футболочке с короткими рукавами, открывающими ее красивые тонкие руки с трогательно торчащими косточками на локтях, в широких

черных брюках. Не по сезону, но в тему, ей очень шло. Репина и Павлова на ее фоне терялись и особого внимания не заслуживали. Я смахнула невидимую пылинку с рукава свитера, ладонями провела по бокам, глянула на свои старенькие джинсы. Сравнить не стала, ни к чему — одним обновки, другим... Впрочем, какая у меня выгода во всей этой истории, я еще не придумала. Слишком много устрашающих бонусов свалилось на меня вместе с появлением Макса.

— Ну, чего? — Стешка взяла меня под локоть.

— Все хорошо, — ответила я осторожно. С Малининой вообще надо держать ухо востро.

— Слушай, а они все уезжают или кто-то остается? — Стешка придвинулась ближе, намекая на некую интимность нашего разговора. Своим вопросом она меня ошарашила. Малинина о ком? О вампирах? Где же их хваленый гипноз, если все всё знают и никто ничего не забыл?

— Кто-то остается.

— А тот, высокий такой? Я что-то его потом нигде не встречала. Он уехал?

Стоп! Я заставила замолчать взметнувшиеся в моей голове мысли — и о способностях вампиров подчищать за собой следы, и об их умении очаровывать, и о том, зачем им вообще все это нужно. Особенно сейчас. Особенно Грегору.

— Он симпатичный, — продолжала мурлыкать Стешка.

Я вспомнила темный лес, гулкую поверхность пруда, бледное лицо Грегора над холкой коня, его большой белый лоб, глубокие темные

глаза, тонкую линию носа, крупные, решительно очерченные губы. Но вот лицо меняется, из спокойного превращается в злое, набухает на лбу вена, проступают жилки на скулах и щеках. Если Малининой нравится, пускай забирает!

— Ага, уехал. В Австрию. У него музыкальная группа, — вспомнила я историю Грегора.

— Он играет? — Стешка распахнула восторженные глаза.

— Да, только все больше на нервах. — Мне не хотелось вдаваться в подробности.

— Но он ведь друг твоего... ну, Максима. Да? Вы наверняка еще с ним встретитесь, — продолжала изображать из себя роковую оболстительницу Малинина. — Передавай от меня привет. И можешь оставить ему мой номер телефона. Скажи, что он мне понравился.

— Скажу. — Я попыталась вырваться из кольца захвата.

— А чем он еще занимается?

Малинина не хотела меня отпускать. Тоже мне, подружка выискалась! Век бы ее не видеть!

— Пьет кровь из ближних.

Стешка плотоядно улыбнулась. Тут они с Грегором точно бы совпали. По части выпивания последней крови Малинина у нас специалист.

— Ну, ты не пропадай! — выдала мне последнее напутствие Стешка. — Появляйся. Звони.

Я неопределенно махнула рукой. Пропадать я не собиралась, а вот с появлением будет несколько сложнее.

Школа бурлила, и я двигалась среди спешащего по делам народа, как маленькая потерянная

лодочка. Скорей бы отсюда уйти. В груди уже собирался комок тревоги. Что-то давно я не чувствовала Макса...

В приемной все бумаги были готовы. Я последний раз заменила галочку своей росписью, положила аттестат зрелости в рюкзак. Больше мне в оплату знаний делать было нечего, и я зашагала к выходу с твердым намерением не оглядываться и ни о чем не жалеть. Я бы таким строевым шагом и дотопала до своей квартиры, но сегодняшний день уже заявил о себе серией сюрпризов, поэтому не мог отпустить меня без очередного подарка.

Хотя можно было бы и не удивляться — я сама хотела видеть Колосова.

Пашка сидел на банкетке около раздевалки. Ссутулился. Что-то изучал у себя под ногами. Увидев его, я отчетливо поняла — не надо бы нам встречаться. Маленькая красная лампочка внутри меня подала сигнал тревоги. Вариантов было два — вернуться к приемной, дожидаться звонка, который заставит Колосова уйти, а потом спокойно отправиться домой; или попробовать пройти незамеченной, спрятавшись, например, за чирикающей парочкой восьмиклассниц. Но ни один из своих планов осуществить я не успела.

Колосов поднял голову. Я застыла. Можно еще попытаться прикинуться веником. Такое часто бывает — люди на тебя смотрят и не замечают.

Бывает, но не здесь и не сейчас. Взгляд недовольных темных глаз остановился на мне.

— Привет! — Пашка поднялся. — Я за тобой.
«А я от тебя», — мысленно парировала я.

— У меня здесь нож. — Колосов взял с банкетки полиэтиленовый пакет. — Надо Мельнику отдать. Я уже звонил, договорился, что мы придем.

Мне последнее время везет на людей, разгуливающих по улице с холодным оружием. То Маркелова в мастерскую завалилась с саблей, вот теперь Колосов с тесаком в пакете. Веселенькое время наступило.

Я еще раз окинула взглядом Пашку. Вроде все на месте — голова, руки, ноги. И решила: «Не пойду!»

— А мне аттестат дали. — Погладила рукой по боку рюкзака, где лежала синяя папочка с заветным вкладышем. — Отстрелялась.

— Маркелова рассказала, — знакомо поморщился Пашка.

Ах, Лерка! Вот куда она исчезла — помчалась предупреждать нашего общего приятеля.

— Идем? — Колосов кивнул в сторону выхода.

Я заколебалась. Идти очень не хотелось. Где же Макс? Куда он провалился? И что за игра между Маркеловой и Колосовым?

— Мне надо предупредить. — Я пошла к двери, хлопая себя по карманам в поисках сотового и тут же вспомнив, что номера Макса у меня нет.

— Не бойся, я тебя не съем. — Пашка мотнул головой, первым выходя на улицу.

Я задержалась. Что-то болезненно кольнуло в груди. Колосов был... равнодушен. За послед-

ние месяца три такое спокойное безразличие я у него видела впервые. «Он же говорил, что разлюбил! — метнулось в голове. — Неужели правду?»

Почему меня заинтересовало Пашкино состояние? Ну, разлюбил. Бывает. Неужто задело?

— Эй, а как же уроки? — Я сбегала с крыльца, чуть не упав с последней ступеньки. Колосов поддержал и тут же отпустил, словно ему было неприятно меня касаться.

— Беру пример со старших товарищей, буду сдавать все экстерном. — Он ухмыльнулся, но улыбка получилась кривая, жалкая.

Я шагала, чувствуя непреодолимое желание прямо сейчас увидеть Макса и сказать ему, куда мы идем. Пускай знает.

— Пашка! — позвала я.

Он обернулся и полоснул по мне таким взглядом, словно я лично сожгла на костре всех его родственников, включая прабабку и прадеда.

— Что с тобой, Колосов? — удивилась я.

— Да вроде ничего, — пожал плечами Пашка, глядя по сторонам — нам надо было переходить дорогу. — Маркелова говорит, ты уезжаешь?

— Ну да. — Я не могла избавиться от ощущения, что чем-то смертельно обидела приятеля.

— Счастливо, — кивнул Колосов, удобней перехватывая пакет.

— Я обязательно позвоню тебе, когда вернусь! — заторопилась я за ним — длинноногий Колосов далеко ушел вперед.

— Не надо.

— Чего не надо? — не поняла я.

— Не надо звонить. — Пашка выдохнул облачко белесого пара.

Неприятный холодок прошелся по груди. Я остановилась. Вокруг было пасмурно и стыло. Настроение мое стремительно портилось.

— Почему?

Колосов сделал еще несколько шагов и остановился.

— Незачем.

— Ну, вдруг на тренировку соберусь, — попыталась я улыбнуться.

— Лишнее это все. — Пашка смотрел мимо меня. — Ты же сама говорила, что тебе с твоим комаром хорошо. Ну и живите.

— А ты? — Его ответ меня огорошил.

— И я буду жить. Ничего же изменить нельзя. Так зачем мне стараться, когда все решено? Сама говорила, я все порчу. Вот, больше портить не буду.

— Пашка... — Мне хотелось подойти, коснуться его плеча, погладить по голове, но он с таким гордым презрением вздергивал подбородок, что боязно было смотреть, не то что подходить.

— Не реви! Прорвемся! — усмехнулся он незнакомой какой-то взрослой улыбкой. — На свадьбу не зови, не приду. Ну чего, пойдем дальше?

Я растерянно посмотрела вокруг. Почему-то все вдруг стало неприятным и отчужденным. Стали заметны мелкие и незначительные детали, которые раньше оставались без внимания. Вот проехало подряд три синих машины; на ветке сидит стайка нахохлившихся воробьев; «зеб-

ра» пешеходного перехода стерлась, оставив от себя обглоданные кусочки; на рябине закрипели снегири — неприятно так, противно. И неполная «зебра», и оружие птицы — все вместе рождало тревогу. Свой внутренний голос иногда надо слушать.

— Может, я в следующий раз схожу?

— Когда? — лениво спросил Пашка.

Красный свет. Ждем.

Если тринадцатая машина будет красной, развернусь и уйду.

Зеленая, зеленая, три серых, синяя, черная, белая, черная, подряд две газели, автобус. Но в последний момент между ним и газелью юркнула шустрая «Ока». Значит, последним нужно считать автобус, расписанный рекламой по самые окна. И я не могла отвести взгляда от его заднего стекла, где в подставке красовался номер «113».

— Не замирай! — подогнал меня Колосов.

Нехотя, через силу, заставила себя идти вперед. Что говорил Макс? Надо быть внимательной к деталям? Пешеходный переход закончился, впереди была дорожка, вся испещренная трещинами. В детстве у нас была игра — пройти по такой дорожке, не наступая на трещинки, иначе... Иначе пропадешь.

— Чего ты все время останавливаешься?

— Не ори на меня! — не выдержала я.

— Да кому ты нужна! — не остался в долгу Колосов. — Сходить, сказать человеку спасибо и то нормально не можешь!

Я ступила на решетку трещинок, поборов в

себе чувство, что вот-вот провалюсь в преисподнюю.

— Да иду уже... — Ладно, забыли про трешинки. Вечером все будет по-другому. — Слушай, а с чего Маркелова тебе вообще про этого Мельника рассказала?

— Так, к слову пришлось. Лерка заговорила про демонов ночи да про упырей и сказала, что в городе точно вампиры есть. Спрашиваю, откуда сведения, а она мне про Мельника и выдала. Потом я решил к нему сходить. Ну, когда... — Пашка замялся.

Помню, помню, там еще приворотное зелье было, которое не успели сделать, потому что начали спасать меня.

— А откуда Лерка знает Мельника?

— Его все готы знают. Он им как-то устроил знакомство с загробным миром.

— А ты, я смотрю, тоже с духами предков ее знакомишь. Дал саблю, чтобы она почувствовала в своих руках смерть?

Пашка заметно передернул плечами. Какое-то время шагал молча, косился на меня, вздыхал.

— Саблю отдашь? — наконец выдавил из себя.

— Она в мастерской. Хочешь, попрошу Макса, чтобы вернул ее обратно в сейф? Сергачева и не заметит ничего.

Колосов остановился так резко, что я испугалась, не достанет ли он сейчас свой мачете и не пойдет ли крушить всех направо и налево.

— Маркелова сказала, что ей на дело надо. Не знал, что она собирается идти к Максиму.

— Ей дал, а мне нет? — вспомнила я Пашкин отказ мне помочь.

— Ей нужнее. — Колосов не заметил моего осуждения. Он сейчас вообще ничего не замечал.

Больше мы ни о чем не говорили. Пересекли небольшой парк под названием «Липки», от дороги взяли влево, стали взбираться на холм. Там начинался музей под открытым небом. Бесконечно длинный язык дороги привел нас наверх.

Когда-то здесь располагалась крепостная стена, и холм был остатком насыпного защитного сооружения. Наверное, чтобы холм в конце концов не срыли и не построили здесь что-нибудь ультрасовременное, на него стали свозить образцы народного зодчества. А потом пошли дальше: начали создавать национальные дворы — русская изба-пятистенка соседствовала с украинской хатой, дальше шел чум удмуртов, потом белорусская хибара, немецкий аккуратенький домик. Венцом праздника архитектуры стала мельница. Старая, посеревшая от времени. На холме она смотрелась как нельзя лучше — здесь всегда был хороший ветродуй.

К мельнице все привыкли, поэтому никто ее уже и не замечал. Я ее помнила как высокое строение с вечно запертой дверью. Однажды скрипом лопастей она меня страшно напугала, поэтому на холм я предпочитала не ходить. Сейчас мельница тоже работала. Длинными руками-крыльями она перемалывала воздух, нещадно рубя его в мелкую лапшу. В голову полезли мои нехитрые знания славянской мифологии и Гоголя: черти и упыри, неизменно крутящиеся

вокруг мельниц, бань и других нежилых помещений. Причем неожиданно вспомнилось, что в бане их было меньше, чем на мельнице, — нечисть вроде не любит раздетых людей, боится их, потому что голому нечего скрывать. А вот мельница или кузня для нечисти — самое место.

Почему-то Мельника я тоже представила кузнецом Вакулой — высоким, дородным и улыбчивым. В худшем случае видела давешнего старика из леса, эдакого потрепанного Деда Мороза. Но около входа нас ждал высокий, худой мужчина лет под пятьдесят с острым тонким лицом, коротко стриженными волосами, без усов и бороды, с небольшими невыразительными глазами. Он часто моргал и смотрел мимо нас, словно там стояло еще человек десять экскурсантов.

— Пришли, значит... пришли... — как-то мелко засуетился мужчина и снова заморгал.

И тут я поняла Пашку, когда тот сказал, что поначалу не поверил Мельнику. Мне тоже показалось, что этот человек мало что может. Для убедительности не хватало антуража — медитативной музыки, горящих свечей, каббалистических знаков на стенах. Из всего был только скрип мельничного колеса.

— Интересно. Очень интересно, — произнес мужчина явно в мой адрес и продолжал изучать что-то за моей спиной.

Мне оставалось только пожать плечами и сказать намеренно громко:

— Спасибо вам за помощь!

Все тело мужчины пришло в движение: он дернул плечами, переступил с ноги на ногу, кач-

нулся в сторону и вдруг посмотрел мне прямо в глаза.

— Здравствуй, Машенька. Вот мы и свиделись.

От его взгляда меня не дернуло током, не пронзил страх. Взгляд у него был вязкий, как кисель, в котором тут же начинаешь захлебываться. Я оглянулась на Пашку. Неужели и на него так действуют его глаза? Но Колосов глядел себе под ноги, мял в руках пакет. Мне так и хотелось ему сказать: «Чего стоишь? Отдавай пакет и пошли!» А он чуть развернулся, пропуская меня вперед, словно мы договорились, что непременно проведем часок на мельнице.

— Пойдемте, пойдемте, — правильно понял Пашкино перемещение Мельник. — Я вам все покажу. Чаю попьем.

— Это надолго? — задержала я Пашку, готового уже перешагнуть порог.

— Из гостей так сразу не уходят, — ответил Колосов словами Винни Пуха и скрылся в темноте мельницы.

Я прислушалась к себе. Вокруг тихо и спокойно. По крайней мере явной угрозы не ощущалось. И я шагнула внутрь.

Сразу за дверью начиналось просторное, на всю площадь мельницы, помещение с земляным полом. По центру стоял деревянный столб, верхним краем исчезающий где-то далеко под крышей. Здесь же стоял деревянный ларь с лоточком. Все было присыпано мукой — с двух сторон от ларя стояли мешки. Уходящий вверх столб медленно вращался, заставляя спрятанные под де-

рево жернова, скрежеща, перемалывать зерно. Я задрала голову. Узкая лестница делала несколько поворотов и останавливалась на площадке под крышей. Верхний механизм мельницы виден не был. Но, судя по звукам, там тоже шла работа по передаче движущего момента с одного вала на другой.

Под ногами пискнуло. Я быстро оглянулась, но дверь уже закрыли, и в темноте ничего толком было не разглядеть.

— Пошли, — потянул меня уже все знающий Пашка.

Где зерно, там мыши — это нормально. Мышь — проводник из царства живых в царство мертвых. Это тоже нормально. Может, прикинуться, что я боюсь братьев наших меньших, и сбежать? Но для натурального испуга я слишком долго размышляла, так что пришлось идти за Пашкой. Пристройки я раньше не видела. Дверь в нее вела из мельницы. Туда-то, в пристройку, и звал нас хозяин. Он прошел первым и теперь жестами показывал, что ждет нас внутри.

Глава XIII

БЕГСТВО

Целую минуту я, наверное, оглядывалась. Сначала мне показалось, что все здесь бутафория. Деревянный некрашенный стол, лавки, беленый бок русской печи, земляной пол, присыпанный песком, в темном дальнем углу сундук, покрытый потертым ковром. Вдоль всех стен

натянуты веревки с пучками трав. Я их в цветущем-то виде не очень различаю, а в засушенном и подавно. Что-то пахучее. Пускай будет чабрец.

— Работает? — спросила я у Колосова, кивая в сторону печки. Очень уж она была сказочно-мультяшной.

— Работает, девонька, работает. — Слух у Мельника оказался отменный. — Здесь все работает.

И он повел рукой почему-то в сторону сундука с ковром. Если раскручивать образ дальше, то в сундуке окажутся сапоги-скороходы, ковер будет самолетом, а печка тогда уж самодвижущейся прабабушкой паровоза.

В комнате было тепло. Печка и правда работала.

— Мельница у вас красивая, — начала я светскую беседу. Помнится, разговор тоже входит в обязательный ритуал — прежде чем что-то просить, надо с колдуном поговорить «за жизнь». Мне ничего не надо было, но побеседовать никогда не вредно.

— Старая она только, старая. — У хозяина была неприятная манера повторять слова. — Скрипит.

— Можно было и не запускать. Сейчас же нет никого. — Я посмотрела на свои ноги, сообщила, что сказала не то, и, покосившись на занятого своими делами хозяина, поправилась: — Экскурсии нет.

— Так ведь молоть надо, молоть. — Мельник ходил вокруг стола, заваленного травами, листьями и кусками ткани.

— Зачем молоть? — Я была убеждена, что работает мельница только для увеселения публики.

— Так ведь разные люди все... просят да просят. — Наконец, уголок стола был освобожден. — Приходят, просят.

Я снова почувствовала себя неловко. Просят. Вот и Колосов попросил. Получив то, что хотят, люди обязаны в ответ выполнить просьбу хозяина. От Колосова он потребовал привести меня. Я пришла. Пока все складно.

— Ну, давай, клади, клади, — Мельник похлопал ладонью по свободному пяточку. — Чего мнешься?

Пашка выложил на стол пакет. Потом спохватился, зашуршал целлофаном, снимая с ножа упаковку.

— Интересно, интересно, — бормотал колдун, глядя на принесенный нож, словно на лезвии для него сейчас прокручивали кино о том, что происходило в парке. — Машенька, ты садись, садись. Чего стоять-то?

Мельник снова похлопал по столу. Не дожидаясь, пока я воспользуюсь разрешением (вообще-то садиться я не хотела), он взял нож и побрел к печке. Все движения у дядьки неспешные. Быстрыми были только глаза, но смотрел он все больше по сторонам.

Колдун постоял около печки, словно решая что-то, приоткрыл дверцу и — бросил нож в огонь. На лице Мельника заиграли отсветы пламени. Выглядело это зловеще.

Я покосилась на Пашку. Тот стоял с таким

отрешенным видом, будто каждый день в его присутствии ножи в печку бросают. А вот я к подобным зрелищам не привыкла и привыкать не собиралась, поэтому шевельнулась, выражая свое намерение побыстрее сбежать.

— Не торопись, не торопись. — Мельник все еще смотрел в печку, в руках у него появилась кочерга. — Сейчас я, сейчас. Надо с ножа прошлые события снять. Да, надо. Огонь хорошо помогает. — И, не делая паузы между предложениями, добавил: — Вещица у тебя интересная.

Я не заметила, когда Мельник выпрямился и глянул на меня, потянула руку к крестiku. Других интересных вещей у меня не имелось. Если не считать аттестата. Но он колдуну вряд ли занятен.

— Это подарок, — пробормотала я.

— Вижу, что подарок, — согласился Мельник. — Ты бы его сняла. Не защитит он тебя.

Я была другого мнения. Один раз крестик мне уже помог.

— Снимай, снимай! — Мельник все так же мелко моргал, клоня голову набок, от чего казалось, что он ждет, когда в дверь войдут.

Вокруг ничего не происходило. Ровным счетом ничего. Но я начала нервничать, расстегнула куртку.

— У меня все хорошо! — зачем-то произнесла я, хотя колдун и без моих заверений все знал.

— Хорошо-то оно хорошо, но... — Хозяин покопал кочергой в горящих дровах. — Тебе ведь уже говорили, что от своей судьбы не убежишь?

Звякнул, выпадая из дверцы, раскаленный нож, распаренный металл зашипел в сыром песке.

— Я и не бегу.

— Интересно, интересно... Может быть, тогда чаю попьем? — неожиданно предложил мельник.

— У меня мало времени. — Говорила я громко, не могла избавиться от чувства, что дядька глуховат. — Мы зашли сказать спасибо и — вот... — Я полезла в карман. Где-то у меня была тысяча рублей — собиралась зайти в магазин, купить что-нибудь в дорогу.

— Времени-то у тебя много, — пробормотал колдун, усаживаясь на лавку. — Много времени, говорю. Да ты сиди, сиди, я ж не кусаюсь. — И он негромко засмеялся.

Я отшатнулась. Широкая ладонь со старческими крапинками, до того безостановочно гладившая стол, вдруг сложилась в кулак и грохнула по столешнице.

— Говорю, сиди! — прикрикнул на меня Мельник. — Не опаздываешь. Дай-ка мне свой крестик-то, дай! — поманил он меня к столу.

— Не могу. — Я пыталась не смотреть в его размытые глаза.

— Жалко? — соорудил обиженное лицо Мельник.

— Это подарок!

— Так и я какое дело сделал! Здесь не такой мелочью откупаться надо!

— Я заплачу. — Деньги в кармане не находились. Или я забыла их взять?

— Заплатишь, заплатишь... — Колдун заулыбался, сладко щурясь, будто ему за работу обещали как минимум банку варенья. — Ох, и в

историю ты ввязалась, ох, в историю! — Мельник придвинул к себе стоящую на лавке кастрюлю. Внутри нее тяжело плеснулась вода. — Павел, сходи посмотри — кто-то там идет.

Колосов хмуро кивнул и вышел в низкую дверь. Колдун тут же поставил перед собой кастрюлю, опустил в воду палец. Лицо его посерьезнело.

— Не уезжай. Оставайся. Все равно где встречать свою судьбу.

— Не надо мне ничего говорить, — сжала я зубы.

— Все равно останешься. — Колдун часто-часто заморгал. — Долг платежом красен.

— С Колосова берите, — начала злиться я.

— Хорошо, что мы встретились, — резко сменил тон Мельник. — Хорошо. Я тебя искал.

— Зачем?

— Физику-то изучала?

— Сила действия равна силе противодействия? — хмыкнула я. Популярный закон среди взрослых. Они любят им страшать неокрепшие юношеские умы. — Или: есть свет, значит, есть и тьма?

Догадаться, к чему клонит колдун, было несложно.

— Уходи, — разрешил вдруг он. — Но ты вернешься.

Наступила тишина. Мельница остановилась. И в полной тишине отчетливо стало слышно, как кто-то прыгнул на кровлю. Простучали быстрые шаги. Колосов надышался веселящего газа и пошел гулять по крыше, изображая из себя

Карлсона? Я перепуганно задрала голову, попятилась к выходу. Дверь за моей спиной хлопнула, как бы сама открывшись и закрывшись.

Мельник отодвинул от себя кастрюлю, встал, зачерпнул горсть воды и широким жестом плеснул на порог. Несколько капель упали на меня. Горячие!

— На море, на океане, на острове Буяне, — быстро забормотал колдун, — лежит бел-горюч камень Алатырь, на том камне Алатыре стоит крест, крестом крест человек родился, крестом водрузился, а Сатана связался, Бог прославился...

Заговор творит? От кого? От лешего? Вряд ли они так топают.

— Дай! — приказал Мельник.

Я не столько почувствовала, сколько по собственным движениям поняла, что сама, своими руками снимаю с себя гранатовый крестик.

Мельница дрогнула, словно кто-то пытался войти в нее сквозь стену.

— Замыкаю свой заговор семьюдесятью семью замками, семьюдесятью семью цепями, бросаю ключи в Океан-море, под бел-горюч камень Алатырь. Кто мудрей меня взыщется, кто перетаскает песок из всего моря, тот освободит тебя.

Крест тускло сверкнул камнями в сухой ладони хозяина. Пальцы сжались. Дверь содрогнулась от нового удара. И я словно пришла в себя. На меня глядели холодные, немигающие кисельные глаза. Засасывающее болото...

Дверь распахнулась. Первым в комнату влетел Колосов. Он головой вперед ушел под лавку,

зарылся в песке. Я отскочила назад, задела стол. Тот тяжело сдвинулся, инерцией сбрасывая со своего дальнего конца траву и лоскутки. Стоящая на краю кастрюля с готовностью съехала со столешницы и опрокинулась на торчащий из-под лавки Пашкин зад. Вопль несчастного обваренного Колосова привел меня в чувство. Чьи-то руки дернули в сторону, вытаскивая из трясины. Долгое мгновение я ничего не чувствовала. Слышала только, как колотится сердце.

Сердце было не моим. Оно глухо стучало за холодной грудью.

— Не надо ничего делать, — медленно произнес Макс, одной рукой обнимая меня за плечи, лишая возможности повернуться. — Извините за беспорядок.

— Здравствуйте! — послышался голосок у Макса за спиной. Его плечо не давало мне возможности взглянуть, кто там. Но мне показалось... Маркелова? Еще только ее не хватало.

— Гости, гости, — обрадовался хозяин.

— Не волнуйся, мы сейчас уйдем, — негромко сказал Макс.

Это он мне? Я приподняла голову. Как всегда спокойное бледное лицо, трепещущие крылышки носа и черные яростные глаза.

— А я слышу, шум, шум, — все еще суетился колдун.

— Маркелова... — зашептала я Макс, как будто он мог ее не заметить.

Лерка стояла в дверях, с любопытством разглядывая мокрого Колосова, со стоном вылезающего из-под лавки.

— Девочки, вам надо поговорить. — Макс толкнул меня навстречу Лерке. Я сбила ее с ног, и мы с ней на пару, вылетев в дверь, оказались в темной мельнице. Белла не удержалась на гладкой коже Леркиного пальто и свалилась с плеча хозяйки.

— И давно ты знаешь Мельника? — разозлилась я.

— Не очень, — прозвучал ответ.

По Леркиным глазам было видно, что она все знает. И эта информация ей очень нравится. Макс может сколько угодно стирать ее память. Есть некто, с удовольствием возвращающий все обратно.

Кажется, я начинала догадываться, откуда у Маркеловой сведения о вампирах. Я-то все удивлялась, как она, единственная, смогла рассмотреть в Максе не-человека. А у нее просто оказался удачный советчик, любитель крыс и скрипучих звуков.

За дверью в пристройке что-то загремело.

Когда же Маркелова додумалась начать наводить справки? Портрет в тетради... Да! Макс с ней разговаривал, вот она и побежала к знакомому колдуну за приворотом. А потом пришла ко мне проверять силу заклятия. Результат оказался обратный, и она примчалась в мастерскую с саблей.

Я вдруг ясно вспомнила нож. От огня его сталь почернела. Он лежит где-то около печки.

— Стой! — Я бросилась наперерез Маркеловой — ее нельзя пускать в каморку.

— Пусти меня! — Лерка рвала ручку двери на себя, но силенок не хватало.

— Ай! — вскрикнула я от боли.

Крыса укусила меня! Вот мерзкое создание! Я затрясла рукой, освободив дверь. Маркелова вбежала в каморку, ее черные волосы взметнулись у меня перед лицом.

— Осторожно! — ворвалась я следом. — У нее нож!

В мою сторону никто не посмотрел. Колдун сидел на лавке, что-то бормотал себе под нос.

— На меня заговоры не действуют, — усмехнулся Макс.

— И на тебя, упыряка, управа найдется, — резким уверенным голосом произнес Мельник.

Макс оказался около него, наотмашь ударил по лицу. Колдун дернулся, откинувшись на острый край стола. Чтобы не упасть, схватился за столешницу. Пальцы сжали пучок травы.

— Сгинь, проклятый! — взвизгнул Мельник, бросая Максу под ноги свой гербарий.

— Остановитесь! — закричала я. Потому что сейчас должно было произойти что-то очень-очень страшное.

Макс собрался, клонясь вперед, готовый к прыжку.

— Максим! — зазвенел Леркин голос. — Смотри!

Я была еще вся там, в противостоянии колдуна и Макса, поэтому слова Маркеловой до меня дошли не сразу. Что она хочет? Разве она все еще здесь?

Нож на мгновение застыл в воздухе, а потом резко опустился вниз. У Маркеловой было тонкое красивое запястье. Мне показалось, что в

последний момент я увидела на нем изгиб синеватой вены. Нож опустился на руку...

Кровь из пореза сначала нехотя, а потом все быстрее и быстрее закапала на пол.

— Она ничего для тебя не сделает, а я сделаю все! — звонко, истерично прокричала Лерка. — Я хочу быть с тобой! Хочу быть, как ты! На, возьми!

Она легко переступила разделяющие их с Максом несколько метров. Кровь текла уже широкой полосой. Меня замутило.

— Как глупо, — выдавил из себя Макс, и его глаза почернели. Он выпрямился, сжимая кулаки.

Серой тенью мелькнул Колосов.

— Не трогай! — заорал он.

Макс перевел на него быстрый взгляд.

— Ты ничего не понял. Мне ничего этого не надо.

Кровь толчками вырывалась из раны. Я схватила со стола первый же лоскут, склонилась над лежащей уже на полу и бьющей ногами в конвульсиях Маркеловой.

— Не смей! — цепкие пальцы Мельника впились мне в запястье. — Не смей!

— Да отстаньте вы! — стряхнула я его руку.

Рядом с Леркой уже сидел Макс, зажимал ее запястье чуть выше пореза, но кровь все равно шла. Маркелова дергалась, пытаясь приподняться, свободной рукой рвала на себе пуговицы блузки. Я подсунула под ее локоть тряпку. Свистнул, завязываясь, узел. Макс два раза резко ударил рыдающую Лерку по щекам.

— Не надо так больше делать, — грозно произнес он. И поцеловал ее в лоб.

Лерка затихла.

Мимо метнулась перепуганная Белла. Макс прервал ее бег, схватив поперек пузика. Затем встал на ноги и шагнул за дверь, позвав меня:

— Идем!

А я никак не могла отвести взгляда от Маркеловой. Она лежала, закатив глаза, и улыбалась. Может быть, сейчас она представляла себя вампиром? Может, ей виделся свадебный танец с Максом?

Тишину нарушил противный скрип мельницы — подул ветер, и лопасти заработали. Я выпрямилась, колдун с Пашкой шарахнулись от меня в сторону. Надо было что-то забрать, но я не могла сообразить что. На глаза попался нож, и, взяв его, я вышла из пристройки.

Внутри мельницы Макс сидел на большом жернове, прислоненном к стене около выхода. Увидев меня, приподнялся, протянул руку. Я замешкалась, потому что его рука была перепачкана кровью. Представилось, что сейчас я увижу несколько трупов, но потом вспомнила — Маркелова, нож, вена, порез.

Бедный! Как же ему было тяжело все это пережить!

— Что там у тебя?

Только сейчас я вспомнила, что сжимаю в кулаке железяку.

— Нож. — Сталь была неприятно липкая от Леркиной крови. — Его надо в огонь...

— Да их всех тут надо в огонь! — заорал

Макс, вырвал у меня нож и, не глядя, швырнул в угол.

Мы выбежали на улицу. Макс шел вперед широкими шагами, я за ним еле поспевала. Маленьким ураганом мы пронеслись через музей, сбегали с холма. Первый же проезжавший мимо автомобиль, голубые «Жигули», резко затормозил, чуть не выскочив на бордюр. Макс впихнул меня на заднее сиденье, сел рядом, с яростью хлопнул дверцей. Водитель, маленький пожилой мужчина в кепке, с такой силой рванул ручку коробки передач, что внутри машины что-то грозно рыкнуло, и она сорвалась с места.

— Куда мы едем? — Я с сомнением прислушивалась к реву двигателя.

— В аэропорт. — Макс платком медленно вытирал руки, губы его презрительно кривились.

— Зачем?

— Мы уезжаем.

— Прямо сейчас? — В панике я оглянулась. — А вещи?

— Какие вещи? — Макс усмехнулся, и его спокойствие показалось мне страшным. — Мы летим в Москву, там пересаживаемся на поезд.

— Я не взяла паспорт.

— Ты много чего не взяла! — В приоткрытое окно Макс выбросил платок.

— Я боюсь!

— Поздно бояться. — Он вытянул из-под куртки манжеты черного свитера, провел рукой по волосам, передернул плечами.

— Где ты был? — Я смотрела на то, как он приводит себя в порядок. Черная кожаная курт-

ка, черные брюки, черная водолазка — никогда не видела его так одетым.

— Готовился к отъезду. А вот куда опять тебя занесло? Неужели так сложно было сходить в школу и вернуться обратно? Почему ты все время ищешь какие-то приключения?

— Никаких приключений не должно было быть. Я думала, мы сходим, поговорим, поблагодарю человека за помощь, и все.

— Думала она... — Его голос пошел по нарастающей. — Сама же утверждала, что с Колосовым вы теперь только друзья! Сколько мне еще его головой двери открывать, чтобы именно так и стало?

— Кто ж знал, что все так получится! — Я тоже начинала злиться.

— А чего тут знать? Тебе ведь говорили: не подходи близко.

— Не надо мной командовать! — крикнула я.

Водитель склонился к рулю, словно испугавшись, что сейчас получит по кепке.

Наступила тишина. Натужно ревел старенький мотор. Я демонстративно отвернулась к окну.

— Если бы ты туда совсем не пошла, было бы лучше, — глухо ответил Макс. — Ведь мог же не успеть.

— А ты в следующий раз не отходи далеко. — Я еще дулась.

— Как ты ухитрилась дожить до семнадцати лет с такой тягой к опасному времяпрепровождению?

— Раньше жила тихо и спокойно, потому что у меня не было тебя!

— Так, значит, все из-за меня? — Его тонкие губы тронула легкая усмешка.

Я испугалась, что он сейчас выйдет из машины. На ходу. И опустила руку ему на колено.

— Не уходи!

— И не подумаю, — накрыл он мою руку своей. — Моя жизнь до встречи с тобой тоже не отличалась особенным разнообразием. До сих пор мне не приходилось все время кого-то спасать, такой экшен могла подарить только ты.

— Разве плохо?

— Замечательно! — Макс привлек меня к себе.

— И все-таки, где ты был? — настаивала я. Где была я, ответить легко. А вот почему его не было весь день и все утро — большой вопрос.

Рука на моем плече замерла.

— Прощался с окрестностями.

— Далекие же у тебя окрестности! Я тебя не чувствовала.

Глаза его чуть сузились. Непонятно было, сердится Макс так или просто думает.

— Ты хочешь за мной следить? — негромко спросил он.

— Мне важно знать, что с тобой происходит. Мне казалось, это очевидная вещь.

Но Макса мои слова заставили переспросить:

— Важно?

— Думаешь, мне хорошо будет, если с тобой случится беда?

Он отвернулся к окну. Пальцы его крепко сжали мою руку.

— Не ходи больше никуда, — тихо попросил Макс.

— Совсем?

— Пообещай мне всегда предупреждать о своих действиях.

— Не могу. — Более искреннего ответа я давно не произносила. — Так же как и ты не можешь рассказывать мне все, что происходит с тобой. Ты постоянно пропадаешь. Я никогда не могу тебя найти!

— Наверное, потому что я сам не всегда знаю, что буду делать в следующую минуту.

— У Лео был твой номер телефона, — напомнила я.

— У меня теперь нет телефона. Лео забрал его с собой.

— Заведи.

— Больше он не понадобится. — Голос Макса звучал более чем убедительно. — Мы теперь всегда будем вместе.

— И неприятности, которые сыпались на нас по отдельности, станут приходить дружными стайками?

Он погладил меня по щеке. Я привычно уткнулась лицом в его ладонь, такую ласковую. Прохладные пальцы закопались в мои волосы. Холод прошел по затылку, спустился на шею, коснулся ключицы.

Мы одновременно посмотрели друг на друга. Я глубоко задышала, но воздуха все равно не хватало — голова начала кружиться. И вдруг я вспомнила, что хотела забрать на лестнице, в пристройке колдуна, и не забрала.

— Где крестик? Ты его потеряла?

— Я его не потеряла.

От ужаса в горле пересохло. Макс выпрямился. Машина вильнула.

— Едем вперед, — приказал Макс, и машина выровнялась. — Чертов колдун!

— Ты хочешь вернуться? — испугалась я.

— Возвращаться плохая примета, мы едем в аэропорт, — покачал головой мой любимый. И вдруг довольно зажмурился. — А я все никак не мог понять, что такого происходит в городе, отчего вокруг него, как в аномальной зоне, постоянно случаются конфликты. Сначала Дракон, потом Смотрители... Лео прав, в Россию нельзя было ехать. Здесь все делят на черное и белое, на врагов и друзей, на людей и не людей. Полутонов нет, только цвет. Этот колдун... Он твердил, видимо, какое-то заклинание. И ведь даже мысли не допускает, что среди нежити есть иные существа. Он, как пограничник, призван охранять. И охраняет. Неважно кого, неважно от чего.

— Но ты говорил, что тебе здесь нравится!

— Что тут может нравиться, когда тебя каждый раз пытаются бросить в костер? Толерантная Европа готова смириться со всем, пока не нарушают чьи-то права, а здесь люди сами подсовывают свои права, чтобы потом шуметь, что их нарушили.

Я с удивлением уставилась на Макса. Он медленно надевал черные перчатки.

Машина затормозила, прыгнула на лежащем полицейском, постояла около шлагбаума, вильнула в крутой поворот. Мы с Максом вышли с разных сторон, одновременно хлопнув дверцами. Я посмотрела на него поверх крыши, но

Макс головы не повернул, сразу пошел к зданию аэропорта.

Ладно, не хочешь говорить, не надо. Каждый остался при своем.

Машина уехала, а я осталась стоять на дороге, борясь с желанием развернуться и отправиться домой.

Ведь нельзя уезжать вот так сразу! Я ничего не успела сделать... не простилась с городом, ничего не сказала родителям, не извинилась перед Пашкой. Осталось столько недоделанных дел! Но надо было идти. Макс опять увлекал меня за собой.

Я оглянулась. Город остался где-то там, далеко. Туда сейчас едет голубая машина с перепуганным водителем в кепке. Но я знала, больше ничего плохого здесь не произойдет.

Низенькое, пустынное здание аэропорта. Как давно я здесь не была...

Макс стоял около стойки регистрации и мило улыбался хмурой женщине в синей форме. Я осторожно подошла сзади, заранее готовая к тому, что нас сейчас отсюда прогонят.

— Дай что-нибудь, — попросил он, не глядя на меня.

Мысленно я перебрала содержимое моего рюкзака. Из «чего-нибудь» там был только аттестат.

— Нам на ближайший самолет до Москвы. — Макс, казалось, улыбался всем телом. Черты его лица смягчились, он чуть согнулся, облокотившись на стойку. Даже я чувствовала, каким добродушием от него веет.

— Посадка уже закончилась. — В глазах сотрудницы в синем костюме ничего не отразилось. Сочувствие работникам аэропортов неведомо.

— Зарегистрируйте нас. — Макс протянул мне руку. Я жестом показала, что у меня ничего нет. Он требовательно щелкнул пальцами.

— Но в самолете нет мест, — операционистка впервые с удивлением посмотрела на нас.

— Сейчас освободятся, — с особенным нажимом произнес Макс и, повернувшись ко мне, спросил: — Любишь сидеть около окна?

— У меня с собой только аттестат, — прошептала я, разводя руками.

— Давай, — потребовал он и вновь повернулся к женщине. — Нам, пожалуйста, около окна. И проверьте по своей системе: у вас с багажом какие-то проблемы.

Женщина уставилась на монитор компьютера, глаза ее расширились. Я неуверенно показала Максиму синюю корочку, он взял ее и положил на стойку.

— Действительно, — пробормотала женщина. — Двенадцатый ряд, места А и В освободились — багаж пассажиров отправлен на проверку.

— Что в Москве делать без чемоданов? — пожал плечами Макс.

— Поторопитесь, пожалуйста. — Женщина положила посадочный талон на мой аттестат.

— Мы не опоздаем, — наградил ее последней улыбкой Макс и повернулся ко мне. — А теперь очень быстро!

Я только руку протянула к аттестату, как ме-

ня уже дернули, и я оказалась стоящей перед проверяющей — за прозрачными дверями виднелся наш одинокий самолет.

— Улыбайся, — прошептал Макс. — Мы успели!

Я могла сейчас делать что угодно, но только не улыбаться.

— Ты же не летаешь на самолетах? — ахнула я, как только мы ступили на трап.

Макс шел впереди, держа меня за руку. На встречу нам спускалась взволнованная парочка.

— А как же... — Я проводила взглядом выходящих. Те громко ругались.

— Мне теперь ясно главное: тебя нельзя оставлять одну. — В салоне Макс пропустил меня вперед, принял рюкзак, устроил его на полке. — А значит, мне придется делать то, что до сих пор казалось абсурдным.

Я упала в кресло. Сердце мое заколотилось, попыталось остановиться и вновь вяло забилося в узком межреберном пространстве.

— Пристегнитесь, — проплыла мимо нас по проходу стюардесса.

Макс откинулся на спинку и закрыл глаза, задумавшись.

— Да, это будет правильно, — согласился он со своими мыслями.

Самолет дрогнул, начиная движение.

Я приросла к месту. Все стало понятно. Конечно, зачем мне вещи, если Макс собрался делать из меня вампира. Ведь до недавних пор только это для него было абсурдным.

Глава XIV

ПОЛЕТ ВАЛЬКИРИИ

Самолет оторвался от земли, а сердце мое провалилось в черноту.

— Музыку слушать будете? — застыла около нашего ряда стюардесса.

Я шевельнулась, в мою руку вложили пакетик с наушниками.

«Помогите!» — металась в моей голове перепуганная мысль.

Макс сидел, закрыв глаза. Почему он на меня не смотрит? Почему не успокаивает?

Я дернула запаянную упаковку, путаясь в проводе, достала наушники, сунула штекер в гнездо. Вспомнились неприятные глаза Мельника, как он постоянно отводил взгляд, как забрал крестик. Хотелось выть от отчаяния! Еще и это... Как будто специально сошлось!

Я раздраженно покрутила колесико настройки, и в меня ворвался голос Эдмунда Шклярского.

Видно, дьявол тебя целовал
В красный рот, тихо плаваясь от зноя.
И лица беспокойный овал
Гладил бархатной темной рукою...

Я снова покосилась на застывшее рядом со мной изваяние. Вредно, когда твои желания так быстро материализуются. Я и без подсказок свыше все давно поняла.

Если можешь, беги, рассекая круги,
Только чувствуй себя обреченной...¹

¹ Песня «Фиолетово-черный» группы «Пикник».

Я сорвала наушники. Меня как будто специально все время заманивали в ловко расставленные сети. Ловушки следовали одна за другой. И вот я прямым ходом летела в пропасть.

Кресло из мягкого стало неудобным, я заерзала на месте. А рядом со мной в совершенно другой плоскости летел, как сейчас оказалось, некто, совсем мне не знакомый. Что нас связывало? Непрочный узелок, который минуту назад развязался...

— Макс, — коснулась я его плеча. — Макс! — Голос сорвался.

Он медленно повернул ко мне голову. В распахнутых глазах по глыбе льда. Мне показалось, что я падаю. Самолет летит дальше, а я проваливаюсь, как будто подо мной открылся люк, и я вместе с креслом ухаю вниз с ускорением девять целых восемь десятых «g».

— Ты что? — Макс склонился ко мне, и его огромные глаза заполнили собой весь мир. — Что с тобой? Тебе плохо?

Голова кружилась. Я моргала, пытаюсь удержаться за реальность. Холодные пальцы трогают меня, обжигают горячие щеки... Воздух раскаленный, не хочет входить в мои легкие...

— Мне страшно.

— Не надо! Все хорошо.

Макс сжимал руку, касался лица, шеи. Моя голова упала на его плечо. Я хватала его за локоть, но гладкая кожа куртки выскальзывала из пальцев. Попыталась встать, однако ремень безопасности меня не пустил, и я упала обратно.

— Маша! Успокойся! — Его слова доходили

до меня, как сквозь воду. — Машенька, дорогая, скоро все закончится.

Я рванула пряжку ремня, приподнялась. Быстрый недовольный взгляд обжег меня, и я упала обратно. Проседь в волосах, резкие стрелы морщин, тонкий прямой нос...

— Макс, ты видел?

Мне хотелось еще раз приподняться, чтобы убедиться, что я ошиблась. В самолете не может быть Бориса!

Макс откинул подлокотник, притянул меня к себе.

— Тише, тише... Не обращай внимания...

Я прижалась к нему, пытаюсь раствориться, исчезнуть.

— Что все это значит?

— Тише, тише...

Воздух вокруг наполнился шуршанием. Так шуршит камыш, шуршит летняя высокая трава, шуршат листочки на березе. Мирно, спокойно...

— Ну что ты взвилась? — Макс гладил меня по голове, по лицу, замораживая в моих глазах слезинки. — Ты же хотела уехать, вот мы и уезжаем.

— Зачем? — дернулась я. — Чтобы сделать меня вампиром? Чтобы меня уже никто не нашел?

Макс посмотрел прозрачно-голубыми глазами, и словно само небо обрушилось на меня.

— Не делай из меня монстра, не надо, — прошептал он мне, и воздух ширился от его голоса. — Во мне и так достаточно мрака.

— Но ты сказал, что собираешься что-то

сделать. — Я смотрела в иллюминатор. Страх бился в каждой моей жилке.

— Милая! Единственная! Невероятная! — Он разворачивал меня к себе, а я сопротивлялась, прятала от него лицо. — Неужели ты могла подумать, что я убью тебя? Ты добрая, умная, замечательная. Ты самый храбрый на земле человек! И как я был слеп, что еще в чем-то сомневался и размышлял! Я не хотел, чтобы ты во все это ввязывалась. И чем больше пытался оградить тебя, тем больше ты оказывалась замешана.

— Мне хочется быть с тобой, хочется, чтобы у тебя все было хорошо, а выходит, что я все время мешаю... — Мы уже говорили, не слушая друг друга. — Но ведь, став вампиром, я изменюсь. А я не хочу меняться. Хочу остаться такой, какая есть. С моей любовью к тебе.

— Глупенькая... — погладил меня Макс по голове. И это обращение, и эта неожиданная ласка от всегда сдержанного Макса заставили меня прижаться к нему. — С чего ты взяла, что из хорошего человека вдруг превратишься в жуткого убийцу? Вампиризм не наделяет человека новыми талантами, он только углубляет то, что уже есть. Годам к пяти все уже сформировано: умение любить и ненавидеть, любопытство и стремление познавать окружающий мир. Темперамент, характер — все заложено изначально. Я вижу, что ты за человек, поэтому мне не хотелось втягивать тебя в свои дела. Я сам буду и дальше пытаться жить среди людей. Зачем вести тебя к вампирам? Это страшный мир. Тут уж впору мне бояться потерять твою любовь.

— Что ты! — Мне захотелось обнять его крепко-крепко, удержать в своих руках как можно дольше, чтобы он почувствовал, понял: никакие беды не разлучат нас. — Я очень люблю тебя. И никогда никого так больше не буду любить. Что бы ни произошло, ты для меня остаешься собой.

— Мы будем ехать долго-долго... — Макс говорил, как будто сказку мне рассказывал. — Сначала на самолете, потом на поезде, потом на машине и приедем к побережью. Там будет гордое холодное море. Оно отличается от южных морей своей строгостью. На его берегах никто не резвится, не бросается в воду с разбега. На него смотрят с уважением, его испытывают на прочность. И оно всегда побеждает.

По проходу пробежала белая тень и остановилась около нашего ряда. Я выпрямилась, прямо посмотрев в красные глазки-бусинки.

— Извини, пожалуйста, — прошептала я, касаясь его щеки. Надо было, чтобы он тоже увидел это. — Но я вижу крысу.

Макс быстро оглянулся, потом с такой же скоростью взял мое лицо в ладони. Его зрачок запульсировал.

Вновь вспомнился кисельный взгляд Мельника, и как я тонула во взгляде колдуна.

— Lump!¹

— Что такое? — Я вырвалась, оглянувшись на иллюминатор, словно могла разглядеть там свое отражение. Нечеткий силуэт, глаз не видно.

— Заклинатель чертов! — прорычал Макс.

¹ Мерзавец! (нем.)

— Мельник?

— Балаганный шут! — Макс опустил кулак на подлокотник, непрочный пластик хрустнул.

— Осторожно!

— Пойдем! — Он выскользнул из кресла, схватил меня за руку.

— Куда ты?

Я попыталась уцепиться за что-нибудь, но против мощи Макса мне было не устоять. Как пушинку, он выдернул меня в проход. Стюардесса, выкатившая тележку с напитками, стремительно ретировалась с дороги. Макс ураганом пронесся в хвост самолета, втолкнул меня в узкий закуток туалета.

— Смотри!

Чтобы долго не объяснять, он приподнял меня под локти и развернул к зеркалу.

— А что такое? — Я попыталась улыбнуться, потому что сразу не увидела ничего особенного. Может быть, волосы слегка растрепаны, воротник на свитере нужно бы поправить, губы обветрены, глаза...

Я шарахнулась прочь от того ужаса, что увидела, но бежать было некуда — за моей спиной стоял Макс.

— Что это? — ткнула я пальцем в зеркало, как будто мое отражение все еще болталось там. Мое отражение с разными зрачками. В одном глазу он был маленький, каким всегда бывает при резком свете. А во втором... во втором зрачок был широк, словно свет ему был не помеха. Кажется, такое бывает при расстройстве мозговой деятельности.

— Я умираю? — других версий не рождалось.
 — Увижу идиота, башку откручу. — Макс прислонился к дверце. — Это Мельник. Он пытается зацепиться за тебя.

— Как зацепиться? — Хорошо, что здесь есть вода. Она мне сейчас поможет... Я набрала полную горсть, плеснула в лицо.

— Твой Колосов дурак!

— Не оригинальное заявление. — Остается надеяться, что воды на самолете много — я брызгала и брызгала ее себе на лицо, и мне все казалось мало.

— Колосов даже не догадывается, что от него нужно было Мельнику! Колдуну требовалось, чтобы ты пришла, и он добился своего. Теперь его, конечно, на мельнице уже нет.

— Совсем? — Мне захотелось пить, и я облизала мокрые губы.

— Он пошел умирать.

— В смысле? Ты его...

Макс усмехнулся, и я не закончила вопроса. Он был лишним. Ничего Макс делать не собирался.

— Он сам по себе умирает и ищет, кому передать свое проклятье. Все правильно рассчитал — начал искать замену среди готов. И наш хороший друг Дима Сторожев, вероятно, был первым кандидатом. Но Дракон поторопился, не стал ждать, когда колдун умрет, сделав его преемником, помчался за бессмертием к вампирам. А я-то все никак не мог понять, почему он был так уверен, что я вампир. Мельник нашептал! Чертов сын, наверняка тоже нас чувствует.

Что же у вас за страна такая, где все завязано друг на друге?

— Зачем ты встречался с Маркеловой? И почему не стер у нее из памяти вашу встречу?

— Я искал причину твоей болезни, искал связи, пытался выяснить, может, я что-то не заметил в тот проклятый вечер пятницы тринадцатого. И она не должна была помнить о нашем разговоре. Но сильные эмоции тяжело заглушить. Так произошло с Колосовым, который из-за своей любви обречен помнить. Валерии же, видимо, помог все вспомнить Мельник. Она рассказала ему о тебе. А уж подстроить так, чтобы Колосов пришел на мельницу, было несложно. Маркелова же и насоветовала ему обратиться к колдуну за приворотом.

— Но ведь Мельник меня спас, — напомнила я.

— Спас, — легко согласился Макс, — для себя. Ты ему нужна живая и здоровая.

— Значит, тот древний старик в лесу — его настоящее лицо?

— Цирк шапито! С тем же успехом он мог прийти в образе кота. Вещь-то немудреная.

— А что мне с этим делать? — я показала на свой глаз.

— Когда заговор закончится, все должно прийти в норму. Пока...

— Пока? — Я вцепилась в руку любимого.

— Пока не наступит день его смерти. Он передаст тебе свою силу.

— Что я буду делать с его силой? — Казалось, поражаться мне уже некуда, но я все глуб-

же и глубже погружалась в шоковое состояние. Новость выглядела нереальной, такого не должно было со мной происходить.

— Умение колдовать дарит человеку некоторые преимущества. — Макс мотнул головой, прогоняя какие-то свои мысли, притянул меня к себе. — Например... он может умереть, когда захочет.

— А Мельник захотел умереть?

— Да. Он старый, ему надоело жить. Хотя с его талантами вечность нормальный срок для жизни. — Макс выдернул салфетку и вытер мне лицо. Придирчиво осмотрел, все ли в порядке. — Я уже говорил, что ваш век не самый легкий для владения магией. Она здесь почти никому не нужна. Магию превратили в шоу, в развлечение.

— Знаешь, мне магия тоже не нужна. Даже с фантастическим бонусом умереть по желанию.

— Ты боишься меняться? — Макс пальцами коснулся моей щеки. — Но ты уже изменилась. Та девочка, что встретила меня возле подъезда, и ты сейчас — два разных человека. Тянешь на себя старое одеяло привычек, привязанностей, но они — лишнее. Будь собой! А потом, в ведовстве есть и еще одно преимущество — ты не только умираешь, когда захочешь, но и живешь, сколько захочешь, причем оставаясь такой, например, как ты сейчас, то есть всегда молодой.

— Не вампир, так ведьма — хорошая перспективка!

Слова Макса меня не радовали. Надо было с этим свыкнуться, переспать ночь, прожить неделю. Мы уже столько вместе, а я никак не сми-

рюсь с мыслью, что нормальная жизнь, та жизнь, которой живут все, для меня закончилась. Что у меня все по-другому, и мечтать о том, чтобы было как у всех, для меня заказано. Дверь, из которой я вышла, исчезла, и остается только идти вперед.

Макс провел пальцами по моему лицу, прогоняя последние сомнения. И я подумала: ладно, хоть ведьмой, хоть вампиром, только бы всегда с любимым.

— Быть ведьмой тебе не грозит!

— Откуда такая уверенность? — пыталась я улыбнуться.

— Чаще всего ведьмами становятся брошенные девушки — первым делом они мстят неверным кавалерам.

— Ты меня не бросишь?

Макс обнял меня за плечи.

— И не мечтай! Мне и самому интересно, чем все это закончится.

Я прижалась к его груди, чувствуя, как холодное спокойствие занимает свое привычное место у меня под сердцем.

— Значит, я теперь буду летать на метле?

— Неплохое средство передвижения. Понадежней самолета. Я себя здесь чувствую, как в гробу.

— Не смешно, — подняла я к нему лицо.

За дверью слышались недовольные голоса. Дернули ручку. Кто-то пытался попасть в туалет.

— Посмотрим, как еще все получится. — Шума в коридоре Макс не замечал. — Передача

дара происходит, только если ты находишься рядом с умирающим, а этого, я думаю, можно будет легко избежать. Мы уедем так далеко, что Мельник тебя никогда не найдет. И возможно, после возвращения крестика все закончится.

Макс снова повернул меня к зеркалу. Оно было залито водой — в отчаянии я пару раз плеснула на свое отражение, — но все равно отчетливо показало, что теперь с моими глазами полный порядок. И крысы шуршать перестали.

— Это же ничего не значит? — робко обратилась я к Макс. — Ты ведь меня любишь?

Он бы, наверное, расхохотался, но, в отличие от меня, хорошо помнил, где находится.

— Я еще больше тебя люблю, — заверил Макс.

— И никогда-никогда не бросишь? — проворкотала я, краснея. Да, да, я спрашивала глупость, но мне все равно хотелось услышать ответ.

— Никогда!

— Даже если стану ведьмой? — Хотелось по-детски шмыгнуть носом и спрятать лицо в ладони.

— Если ты станешь ведьмой, то ряды нашего черного братства пополнятся. — Макс снова притянул меня к себе. — Не переживай! Нет таких проблем, которые мы не решим с тобой вдвоем.

— Ага, — глухо отозвалась я ему в куртку. — Мы сначала эти проблемы создадим, а потом будем решать. Ты на меня не сердишься? — Вопрос тоже был для меня очень важен. — За то, что я сегодня пошла с Пашкой?

Макс замер, словно пытался вспомнить, что такое — сердиться, но только покачал головой.

— Ты такая, какая есть. И пошла туда, пото-

му что не могла не пойти. Не переживай, — повторил он и, притянув мою голову, чмокнул в макушку.

По телу прошла волна приятных воспоминаний — так в детстве делал мой папа. Может, конечно, измениться все, что угодно, но куда запрятать нашу память?

— Ничего, мы проблему легко решим! — заверил любимый.

— Правда? — Я потянулась вверх, чтобы получить последнее подтверждение его слов.

— Абсолютно!

Поцелуй. Горячий, долгожданный. Я не хотела прерывать объятия, но в дверь опять застучали.

Первым вышел Макс. Женщина, стоявшая в коридоре, восторженно вздохнула — красота моего любимого вызывала неизменное восхищение. Когда же следом вышла я, пассажирка наградила меня таким взглядом, что обладай он хоть какой-то силой, меня бы пригвоздило к двери.

— Безобразие! — фыркнула женщина, проходя в кабинку.

Что, она решила, мы там делали?

Залившись краской, я устремилась к своему ряду. И только усевшись, подумала: «А почему бы и нет?» Мы теперь с Максом можем делать что угодно и где угодно. Мы вместе! Навсегда вместе!

Когда до нас добралась стюардесса с тележкой, я уверенно посмотрела на нее, довольно хмыкнула, наблюдая, как она пытается хоть чем-то угодить Макс. После долгих выборов он попросил воду. Стюардесса удивленно подняла бровь.

— А барышне томатный сок, пожалуйста. — Игра взглядов его не волновала.

Я победно улыбнулась. Ни у кого никогда ничего не получится. Он только мой.

Взяв из его рук стаканчик с соком, потянулась и снова нацепила наушники. Теперь я могла слушать какую угодно музыку.

Макс тоже освободил из пакетика свои наушники. Я залюбовалась, как легко двигаются его длинные тонкие пальцы.

— Что ты слушаешь? — Если у меня музыка подстроилась под настроение, то что происходит у Макса?

— Вагнер. — Он чуть отвел один наушник, чтобы я тоже услышала. Оркестр играл что-то масштабное и патетическое. — «Полет валькирии».

— Валькирия? — уцепилась я за знакомое слово.

— Да. Вагнер был немецким романтиком и мистиком, оказал большое влияние на культурную жизнь Европы. Ницше, Бодлер, Дебюсси — все они творили под влиянием Вагнера.

— Но почему именно валькирии? — Я могла понять интерес Макса к немецкому композитору, допускала, что тот своей музыкой заразил пол-Европы. Но эти посланницы небес! С чего он вдруг про них заговорил?

— Мы сейчас балансируем на грани. Либо все закончится, либо придется немного повоевать. И вот тогда-то появятся валькирии. Они придут убирать лишних игроков с поля.

— Нас? — Что-то я ударилась в пессимизм. Пора менять жизненную установку.

— Мы — главные действующие лица. А герои, как известно, не погибают. Кстати, ты что будешь есть — картошку с курицей или рыбу с рисом? — Он дернул крылышками носа, приносясь. — Лучше возьми рыбу, картошка несвежая.

По проходу гремела тележкой стюардесса. Горячий обед.

Я отвернулась к иллюминатору. Белесая завеса облаков скрыла землю. Меняться... Было понятно, что это надо делать, но так не хотелось. Все, что было раньше, виделось простым и легким, а то, что впереди...

— А что мы будем делать потом? Потом, когда все закончится.

— В девятнадцатом веке, когда я жил, — медленно растягивая слова, заговорил Макс, — прежде чем вступить во взрослую жизнь, молодые люди путешествовали. Я не успел. Хочу восполнить пробел в образовании.

— Ты еще не напутешествовался?

— Нет. — Макс склонил голову к моему плечу. — Если помнишь курс истории, в то время постоянно шли войны — Японские, Турецкие, Балканские, Мировые. А потом, Лео не самый веселый спутник, много ворчит.

— Куда же мы поедem? — Перспектива была заманчивой: четыре стороны света и круглая Земля...

— Куда угодно, — пожал плечами Макс, вновь беря в руки наушники. — Возьмем глобус, закроем глаза и ткнем пальцем.

— На самолете? — Не верилось, что Макс второй раз повторит подвиг полета на железной птице.

— С тобой хоть на верблюде. Но передвигаться придется ночью.

Макс снова углубился в своего Вагнера. Я рассеянно перебирала нижнюю кромку свитера. Наверное, я просто еще не привыкла, что будущее настолько туманно и неопределенно. Но я обязательно привыкну.

Принесли обед. Макс прикинулся спящим. А может, он и правда уснул? Если я меняюсь, то и он может нахватать от меня вредных привычек — например, начнет спать. Какой бы вечный организм ни был, ему надо давать отдых, иначе нервные окончания перегорят.

Рыба оказалась вкусной.

Не успели убрать лотки, как я уловила в двигателе новый звук. Голос из микрофонов сообщил, что мы идем на посадку. Я покосилась на Макса. Глаза его были плотно закрыты, дыхание медленное, на руках перчатки. Любой другой не сомневался бы, что он спит, но мне мелкое подрагивание его пальцев говорило, что мой любимый бодрствует и в любую секунду готов вскочить.

Валькирии летали на крылатых лошадях и забирала с поля боя воинов. Мы тоже летим. Уж не нам ли поручена миссия кого-то где-то забрать?

Из самолета мы выскочили первые. Макс крепко держал меня за руку, не давая возможности оглянуться. Приемный терминал, бесконечные лестницы. Сердце бухнуло в груди и неожи-

данно забило тревожную дробь. Вспотевшая ладонь выскользнула из холодной руки.

— Не останавливайся! Schneller!¹

Но взгляд уже невольно цеплялся за детали. Со звоном у женщины выпали из руки ключи, она присела их поднять... Мать ругает ребенка... Мужчина отчитывает парнишку в синей униформе... Сквозняк шевелит страницами журналов на прилавке... Мужчина пробует свой кофе и морщится... Зачеркнутый человечек в красном круге. Табличка над дверью «ХОДА НЕТ»... «Пах!» — Лопаются под потолком лампочка...

Знакомый взгляд. Мне кажется, я слышу шуршащий звук, с каким сталь выходит из ножен.

— Na los doch!² — Макс крепко сжимает мою ладонь, требуя, чтобы я шла за ним.

А я все пытаюсь увидеть опасность. Она где-то рядом.

Макс обнимает меня за плечи и влечет через зал. Ноги заплетаются. Я пытаюсь вырваться. Но он приподнимает меня и уже бежит сквозь толпу.

Шшах! — со свистом клинок разрезает воздух.

Оглянуться мне не дают, хотя я уверена, что здесь кто-то есть.

Двери разъезжаются, испугавшись, что мы в них врежемся. Несколько шагов по замороженному асфальту. Автобус, уже тронувшийся с мес-

¹ Быстрее! (нем.)

² Ну же! (нем.)

та, дергается, открывает заднюю дверь. С хрустом съезжаются створки. Мотор натужно рычит, прорываясь сквозь морозный воздух.

Макс опускает меня на сиденье. Встает рядом с треугольником поручней.

— Не люблю замкнутые пространства, — улыбнулся он, словно ничего не произошло.

На мгновение я пожалела, что не умею быть такой спокойной. Может, опять действует колдун, поэтому я вижу не то, что есть на самом деле? Темное стекло окна продемонстрировало только крупинки застаревшей грязи, я ничего в нем не увидела.

— Все аэропорты построены так, что в них сходится много знаков. Я нервничаю, когда попадаю в зону действия примет.

Не убедительно.

— Мне показалось, нас встречали.

Макс тоже посмотрел в окно. Интересно, что он там увидел?

— Встречали не нас. Мы доберемся сами. Ты же будешь не против, если мы навестим старого приятеля.

Тонкие черты его лица были скупо освещены желтым светом лампочки под потолком. От этого под глазами, под носом, на подбородке появились глубокие тени, словно мой светлый ангел превратился в демона ночи.

— Я не могу точно ответить на твой вопрос. — Он шевельнулся, загораживая спиной лампочку, так что все лицо оказалось в тени.

— Я его еще не задала, — покачала я головой.

— Задала. Отвечу так: думаю это никогда не закончится. В конце концов мы просто научимся жить с тем, что нам будет предлагать судьба.

— Долго и счастливо? — не удержалась я от комментария.

— До глубокой старости, — кивнул Макс.

Кажется, мы стали понимать друг друга с полуслова.

Я вздохнула, заставляя пустившееся в бег сердце стучать потише. Нас обогнала машина, забрав с собой мою тревогу. Я закрыла глаза. Нужно было перевести дух, потому что будущее мне готовило полную неизвестность.

Оказалось, Макс неплохо ориентируется в большом мрачном городе. Выйдя из автобуса, он тут же пересел на другой, потом на третий.

— Автобус — самый безопасный вид транспорта, — объяснил он очередную пересадку. — Метро страдает большой скученностью, а толпа непредсказуема. Машина слишком хрупка. Поезд чересчур быстр. Автобус большой и неспешный, особенно в городе.

— А мы никуда не спешим?

— Теперь нет. Мы почти у цели.

Белая двенадцатиэтажка, около которой мы остановились, не вызвала у меня никаких ассоциаций, кроме вернувшейся глухой тревоги.

— Ирина здесь? — Я стояла, задрав голову, по привычке отыскивая окно на двенадцатом этаже.

— Третий этаж.

Я вопросительно поглядела на него.

— Для этого существуют двери, — покачал он головой.

Домофон оказался сломанным, так что нам даже не пришлось ждать, когда кто-нибудь войдет или выйдет.

В подъезде неприятно пахло кошками, но ни одного зверька не было видно.

— Смешно! — Макс мыском ботинка стер какой-то рисунок на полу. — У тебя есть платок?

— Есть, — пошарила я по карманам.

— Если увидишь слишком много знаков, положи его на видном месте и скажи волшебное слово: «Дарю».

— Дарить платки плохая примета, — напомнила я.

— Вот именно. Она хорошо перебивает другие знаки. — Макс толкнул дверь в коридорчик перед квартирами. — Но я так, на всякий случай. Кто их, Смотрителей, знает. Если что-то произойдет...

— Не произойдет! — не дала я ему договорить. Это тоже действует — сбывается то, чего больше всего боишься. — Там кто-то есть, — прочитала я знаки своей тревоги.

— Вот и хорошо, — согласился Макс.

Он скользнул вдоль стены, постоял около входа в угловую квартиру, коснулся пальцами ручки двери — и та покорно распахнулась.

Темная прихожая. Две комнаты. Дверь в одну плотно закрыта, за второй видна узкая комната, кровать, на пороге вскрытый короб про-

цессора. Все это я уже видела в одном из своих снов, поэтому эта комната меня не так волновала, как другая. Там кто-то был. Кто-то опасный. Кто-то, кого мне не хотелось видеть.

Из-за приоткрытой двери слышалось утомленное чихание. Антон почувствовал наше появление.

— Заяц! — позвал он.

Я удивленно покосилась на Макса. К кому он так обращается?

Макс шевельнул рукой, давая понять, что мне надо остаться в прихожей, и начал медленно снимать перчатки.

Я ожидала, что пойдет он в комнату к Антону, но Макс шагнул к закрытой двери. Все, что произошло дальше, я увидела, но осознать смогла потом, уже сидя на полу в комнате Антона под его натужное мучительное чихание. В голове вертелось одно. Ирина! Я видела Ирину.

Глава XV

ПРИЮТ СПОКОЙСТВИЯ

— Какой ужас! — Я еще вздрагивала от пережитого страха, но сердце постепенно принаравливалось к новым обстоятельствам и колотилось не так сильно.

— Теперь уже не ужас, — еле прошептал Антон, заходясь в новом приступе.

Его узкая скрипучая кушетка была застелена сбитой простыней, плед наполовину сполз на пол, подушка с продавленным углублением от

головы напирала на придвинутый впритык шкаф. Дышал Антон с трудом, но внешне изменился не сильно — разве только румянец сошел с его припухлых щек. На столе мерцал экраном знакомый ноутбук. Узкое пространство комнаты было заставлено коробками, стопками стояли диски, на ручках висели провода, распотрошенный процессор бесстыдно выставлял напоказ свои внутренности.

— Хорошо, что тогда никто не погиб.

Антон приподнялся, глянул на экран компьютера, где в иконке ползли красные и зеленые графики, и на мои слова откликнулся странно:

— В какой-то мере мы все тогда умерли.

Затем знакомо усмехнулся, откидываясь обратно на жесткую подушку.

Я зачем-то подошла к ноутбуку — тот притягивал к себе мерцанием экрана, прыгающей лентой графика...

«Грегор, Грегор!» — вспомнила я негромкий зов Макса.

«Ирка!» — ворвался в мои уши крик Антона. Темный двор.

«Приготовились!»

Ирина проводит перед собой оружием, словно очерчивая круг. В свете редких вспышек пептард я вижу лежащего на земле Грегора. Он пытается встать, но стоящий рядом Борис что-то делает с ним. Нет, он редкими взмахами бросает на него какой-то песок. Землю.

Эдгар возникает перед Ириной неожиданно.

Ничего не говоря, дергает ее к себе. Падает из ослабевшей руки катана.

«Ира!»

«Дальше вы разберетесь сами!»

Эдгар скользит мимо Грегора и исчезает в темноте.

«Надо уходить!» — голос Олега. Он бежит через площадку.

«Забирайте Ирину!»

«Нет! — Антон отталкивает Бориса. — Она не умерла!»

«Она умерла!»

«Ира, ты слышишь? Я их сейчас всех здесь убью!»

«Александр, надо что-то делать! Убираем вампира и уходим».

Александр медленно поднимает катану.

«Мы можем попробовать».

«Нельзя! — кричит Борис, и я впервые вижу на его лице растерянность. — Она всех уничтожит».

«Мы ее удержим. Антон! Времени мало».

Антон поднимает Ирину. Ее тонкая рука свисает и некрасиво болтается. Электрический свет окрашивает ее лицо безжизненным пластиком.

«Если хочешь жить...» — начинает говорить Александр, не глядя на Грегора.

Крик. От него становится больно ушам. Мне кажется, что кричит Антон...

Оглушенная, я сидела на полу. На экране монитора все еще прыгали разноцветные графиче-

ки. Антон тяжело чихал. Вытянув из-под пледа уголок простыни, вытер выступившие слезы.

— Это была идея Александра. — Антон схватился за нос, пытаясь остановить накатывающий чих, но снова спрятал лицо в одеяло. — Жизнь за жизнь. Борис сказал, что найдет противоядие. Надо только потянуть время.

— Грегор сделал из Ирины вампира? — Я прислушалась к тому, что происходит в соседней комнате.

Когда Макс подошел к двери, створка распахнулась, и Ирина кинулась на него. В своей ярости она была страшна. Одним движением Макс забросил меня в комнату к Антону, и больше я ничего не видела. Только слышала жуткий грохот. Но сейчас за стеной стояла странная тишина.

— Но процесс же необратим. — Ирину я видела всего секунду, но мне хватило. Бледная кожа, горящие большие глаза, алый рот. Все было бы красиво, если бы не несло с собой разрушение и смерть.

— Борис уже начал проводить исследования, выделил какой-то элемент в крови, который отвечает за состояние организма.

— Как же вы ее держите? Вампиры ведь очень сильные.

— Аркан. Ирина сама построила его когда-то. Вампир не войдет. Вампир не выйдет.

— Она не может отсюда выйти?

— Может, но ненадолго. — Антон выпил ка-

кое-то лекарство и откинулся на подушку. — Быстро возвращается назад.

— И? — Я боялась задать вопрос. — Она хочет тебя убить?

— Она хочет убить себя, а поэтому готова разрушить все вокруг. Пусть твой вурдалак научит ее жить с этим!

На «вурдалака» я решила пока не отвлекаться. Меня больше волновала стоящая за стеной тишина.

— Она всегда такая?

— В ней осталась ненависть. — Антон вытер глаза и, приподнявшись, снова глянул на экран монитора. — Мы не можем ничего сделать, она хочет убивать. Если Ирина начнет массовую охоту, ее никто не остановит.

— А как же ты?

Антон усмехнулся. В его улыбке было столько обреченности, что мне стало его жалко.

— Кто придумал нашу с тобой связь? — Я задавила в себе жалость, вспомнив все то, что мне пришлось пережить.

— Нам нужно было, чтобы ты привезла сюда Макса. По-другому ты бы не приехала.

— А Грегор?

— Он не обладает способностью жить с людьми, поэтому не мог нам помочь. Мог только сдерживать Ирину, но не помочь ей.

— Макс мне говорил, что если в человеке была любовь, то она остается в нем и после превращения. — Я растерянно потерла лоб.

Выходит, Ирина не любила? Или ненависть к вампирам была в ней сильнее, чем любовь?

— Если ничего не удастся сделать, я уйду с ней. — Программист тяжело задышал. — Но, может, твой упырь что-нибудь скажет.

Я дернулась от очередного резкого определения, но Антон только устало махнул рукой, падая лицом в подушку. Он был до того несчастен, что мне не захотелось с ним спорить. Пускай говорит, что хочет.

Я опустила глаза, поправила на мизинчике колечко с бирюзой, невольно заметила обереги по стенам комнаты, символы и знаки на листах бумаги, развешанных по книжным полкам, фигурки божеств на столе. Интересная получается история — Смотрители сами себя загнали в ловушку, пришли к собственному отрицанию. Или это новая стадия отношений? Не убивать вампиров, а лечить от вампиризма. О чем-то таком однажды говорил мне Олег.

В душе шевельнулось неприятное волнение, и я подвинулась ближе к стене, чтобы хоть что-нибудь расслышать, — не нравилась мне затянувшаяся тишина в закрытой комнате. Может, кто-то кого-то там уже ест, не отвлекаясь на диалог? Подожду немного, а потом пойду проверю.

Я удобней устроилась на грязном паласе, обхватила колени руками, чтобы прогнать тревогу, передернула плечами.

— Как же вы теперь будете? Вы не сможете

все время скрывать у себя вампира. Другие Смотрители в конце концов узнают.

— Узнают — не узнают... Какая разница? — утомленно откликнулся Антон. — Наша группа больше не существует. Считай, ты нас победила. Даже если удастся Ирку вытащить... — Он махнул рукой.

Как все странно... Я совсем по-другому себе это представляла. Все боялась, что Смотрители хотят убить Макса, а он им, оказывается, действительно нужен. Я всё не подходила к телефону, когда звонил Олег, и они были вынуждены приехать. А тут я с саблей. Выглядела, наверное, круглой идиоткой. Еще эта конная милиция! Все подстроили, думали, я испугаюсь, и придет Макс. Красиво. Скажи они мне все честно до случившегося в лесу, я бы не поверила. По-другому и быть не могло. Да, еще Маркелова вмешалась, а Пашка... Надо уезжать. Клубок не распутать.

Щелкнула, открываясь, дверь. Я сорвалась с места.

— Я тебя не ушиб? — Макс мило мне улыбнулся.

Антон разразился новой порцией чихания. Макс оказался около кровати, положил ладонь на его лоб, чуть толкнул, и Антон, закатив глаза, упал на подушку.

— Пускай отдохнет. — Он посмотрел на ноутбук. — Интересная игрушка. Но качает какую-то ерунду.

— Что с Ириной? — Хотелось его обнять, прижаться к нему. Переволновалась я за него.

— Люди любят драматизировать.

— Но она вампир! Ужасно!

— Ее *сделали* вампиром. — Макс обнял меня, положил подбородок на макушку. Мне даже показалось, что он вздохнул.

— А можно... все исправить?

— Они боятся, что Ирина их всех убьет. Ну и конечно, не хотят, чтобы приехавшие сюда другие Смотрители убили ее. Влюбленный еще этот...

Макс выпустил меня и снова подошел к кровати. Взял руку Антона, словно пульс щупал. В лице его появилось что-то хищное, как будто он собирался вцепиться в запястье зубами. Верхняя губа у него чуть дергалась.

Я присела рядом с Антоном на кровать, посмотрела на него. Рука сама потянулась к влажному лбу, пальцы легли на виски.

— Все закончилось! — четко произнесла я.

— Что ты делаешь?

— Я подумала, что если мы с Антоном были завязаны друг на друге, то мы должны не рвать эту связь, а закрыть.

Я вспомнила про платок. Подарить платок — завершить отношения. У нас с Антоном больше нет долгов. Вложила платок ему в руку.

— Что с Ириной?

— Рыдает твоя Ирина, — глухо ответил Макс. — Прощается с прошлой жизнью.

Я снова прислушалась к звукам в другой комнате. Всё было тихо.

— Ты им поможешь?

— Нет. — Макс выпрямился. — Здесь нечему помогать. Самое трудное — свыкнуться с мыслью, что ты уже не человек. А тело приспособляется быстро. Появляются совершенно новые ощущения, от которых никто уже не захочет отказаться — сила, мощь, вседозволенность. И никаких лишних мыслей, угрызений совести, ненужных эмоций. Их идея с лечением неосуществима.

— Ты бы не хотел снова быть человеком?

Макс посмотрел на меня странным долгим взглядом.

— Я не помню, что такое быть человеком.

— Чего тут помнить? — Для меня ответ был очевиден. — Ты и есть человек.

— Если бы я был один, я бы еще остался здесь на день. — Макс пропустил мои слова мимо ушей. Или просто решил не отвечать. — Ирина сейчас требует внимания. Но я с тобой, поэтому сегодня же ночью мы уедем. Здесь могут быть ловушки. Я не хочу больше тобой рисковать.

Макс прошелся по комнате, поддел пальцем рисунок с пентаграммой. Вновь остановился рядом со столом, разглядывая бегущую строчку на мониторе компьютера. Что-то мне захотелось у него спросить. Что-то мне показалось странным. Но пока я поворачивалась, мысли улетучились, поэтому я просто пошла за Максом. По-

стояла около рисунка, коснулась его рукой, и у меня по пальцам словно ток прошел.

— Уходим! — попятилась я, глядя на свою кисть, — пальцы слегка дрожали.

Наткнулась на прикроватную тумбочку, со звоном посыпались пузырьки. Тумбочка накренилась, но я удержала ее за бортик, к моим пальцам свалилась фигурка божества — то ли Вишну, то ли Кришну. Новый разряд, сильнее и болезненнее, заставил меня вскрикнуть. Нечеткая картинка пронеслась перед глазами: кто-то здесь что-то делал, медленно кружась по комнате. Я стала машинально считать рисунки и статуэтки, хотя могла этого и не делать. Их наверняка тринадцать.

Никто не говорил, что игра будет идти честно. Они честно нас позвали. И честно не собирались выпускать.

— Смотрители нас не выпустят! — воскликнула я, бросаясь к двери. Запуталась в халатах, висевших на ее внутренней стороне.

— Тише. — Холодная рука Макса привела меня в чувство. — Используем метод Марии Гурьевой и ее фирменный выход в окно. — Он взлетел на подоконник, изучил углы, выдернул булавки, вставленные в рамы, ногой смахнул с подоконника пепел. — Идем! — Макс протянул руку, словно предлагал мне просто перешагнуть порог.

— Третий этаж! — напомнила я на тот случай, если любимый от долгого общения со мной забыл, что я пока не научилась летать.

— Вот и хорошо!

Я еще пыталась упираться, но он притянул меня к себе, и не успело окно распахнуться, как мы выпрыгнули. «Простудится», — мелькнула у меня последняя мысль об Антоне, и больше он меня не волновал. Макс мягко приземлился на ноги, удерживая меня на весу, поднес палец к губам — как раз вовремя, потому что я хотела уже высказать ему весь свой испуг.

Сверкнула фарами подъехавшая машина. Остановилась. Из нее вышел Борис, следом Олег. В руках последнего был бумажный пакет, из которого торчал длинный багет. Он откусывал прямо от батона. Еще несколько лет такой нервной работы, и Олег растолстеет хуже Марлона Брандо в старости.

В панике я вцепилась в Макса. Он развернулся, прикрывая меня, и я увидела Ирину. Та появилась из-за деревьев и встала перед нами. При желании могла бы и броситься, но нет, просто стояла.

— Мы уходим. — Макс говорил с ней как с равной. Кивнул в сторону открытого окна: — Он защитит тебя.

— Я не нуждаюсь ни в чьей защите! — Певучий плавный голос поражал своей глубиной. Всего несколько дней прошло, а Ирина уже совершенно преобразилась.

Я жалась к Максиму, понимая, что не смогу уследить за движениями новоявленной вампириши. Ей достаточно будет одного удара, что-

бы избавиться от одного из противников — от меня.

— Возьми меня с собой! — потребовала Ирина.

— Дай ему шанс, — отказал ей Макс. — У него получится.

— Антон слаб!

Еще когда Ирина была человеком, она не показалась мне красивой. Слишком тонкое и узкое лицо, слишком острые черты лица, во взгляде постоянная настороженность — боец, не женщина. Сейчас сквозь нее словно шел постоянный ток привлекательности. Белое лицо светилось, черты лица стали мягче, глаза притягивали взгляд. Узкая костлявая ладонь приобрела изящество, как у фарфоровой статуэтки. Волосы, которые она раньше собирала в тугий хвост, теперь были распущены — темно-русые, прямые, подстриженные рваными прядками, что подчеркивало ее худое лицо. Но все вместе ничего, кроме паники, во мне не рождало.

— Он защитит тебя, — не согласился Макс. — Если ты ему поверишь.

Ирина метнулась к дому, прижалась к его белой грязной стене.

— Они меня здесь держат!

Макс кивнул, не отводя от нее глаз.

— Оставайся. С тобой ничего не произойдет.

— Я вас ненавижу! — процедила Ирина сквозь сведенные зубы. — Я ненавижу себя!

Я уничтожу мир, я разорву его на части! Он погибнет вместе со мной!

— У тебя не получится.

Как спокойно звучал голос Макса. И как мне сейчас не хватало его уверенности.

— Сделай выбор — вот единственное, что тебе остается, — продолжал Макс. — Ты вампир, и тут уже ничего не поделаешь. Если захочешь меня найти, то легко сможешь. Здесь есть кое-кто из наших, можешь обратиться к ним. Мы уходим.

Сильные руки приподняли меня.

— А долго мне еще будет больно? — Ирина все еще стояла около дома.

— В тебе умирает человек. Скоро пройдет. От тебя зависит, захочешь ли ты оставить в себе что-то человеческое.

— Мы встретимся? — спросила она, когда мы уже отделились на приличное расстояние.

— Земля круглая! — буркнул Макс. Но я не сомневалась, что Ирина его услышала.

Мы прошли вдоль дома и оказались около подъездной двери. Олег стоял, прислонившись к щитку домофона с кнопками цифр, и доедал багет. Увидев нас, он застыл с открытым ртом.

— Пока сделать ничего нельзя. Отпустите Ирину к вампирам и продолжайте жить дальше. Сообщил Макс и коротко поклонился Смотрителю:

— Зачем тебе Маша? Оставь ее. Ты же уходишь!

— Мы уходим. «До свидания» не скажу. Мы не встретимся.

— Земля круглая. — Олег зашуршал пакетом, доставая остатки хлеба из упаковки.

— Но не для всех, охотник! Ваша погоня завершилась.

— Еще увидим!

Макс отступил.

— Передавай привет Борису. Он придумал хорошую ловушку, но мне некогда сейчас решать его проблемы.

Олег перевел взгляд на меня.

— Если что-то изменится, Маша...

— Не изменится! — Я пошла прочь и потянула за собой любимого. Нам больше нечего было здесь делать.

Макс уходил дворами, пробирался за вереницей деревьев, скрывался за машинами. Был уже вечер, но улицы оказались полны людей. И если в моем городе пешеходы чаще выбирали освещенные дорожки, то здесь компании собирались в темных переулках, на грязных лавочках. Поэтому Макс приходилось вдвойне больше петлять. Казалось, наше бегство будет длиться бесконечно.

Наконец мы остановились. По запаху и характерному перестуку я догадалась, что где-то поблизости проходит железная дорога. Однако стоящие рядом два высоких красивых здания никак не походили на знакомые мне городские вокзалы — вместо невыразительных приземистых домиков передо мной высились дворцы.

— Мы сядем на поезд. Калевала, Кемь, Беломорск, Кандалакша — там скоро начнется полярная ночь.

От незнакомых слов у меня закружилась голова.

— Все озера Карелии и Белое море станут твоими.

Макс шептал мне, и я уже была там, во владениях Снежной Королевы, где вечные льды и холодный ветер, где бродят северные олени, сгибая рогатые головы под вьюжными порывами, где тюлени резво перебегают по берегу, чтобы снова свалиться в студеную воду, где небо затянуто вечными тучами.

— Канин Нос, Варзуга, Умба, Пялище, Вяртсиля...

Незнакомые названия городов и поселков Макс выговаривал легко.

— Деревня, в которую мы поедем, называется Сёмжа. Там за три часа прилив поднимает море на восемь метров, берег стремительно затопляется, вода сметает все на своем пути. В том краю много ветров и соли — и мало солнца. Нас там никто не найдет.

Его слова уже слились со стуком колес. Мягкий вагон СВ, приглушенный бордовый бархат диванов. Я не очень хорошо помнила, как мы здесь оказались. Я только чувствовала, как меня крепко сжимают холодные руки, как прохладные слова вливаются в уши. Он обнимал и целовал меня, и я словно проваливалась в ледяное

забыть. Ненужная одежда валялась на соседнем диване.

За дверью купе было тихо, словно жизнь остановилась. Остались только мы вдвоем. Эти руки, глаза, когда-то полыхавшие черным бешенством, а сейчас такие ласковые, такие любящие... Темная линия бровей, белая кожа, тонкая, как будто под слоем льда, венка, длинные застывшие ресницы, словно верные оруженосцы на часах, чуть подрагивающие зрачки... Макс не закрывал глаз, но взгляд его становился слегка рассеянным, словно он уже не видел меня. Хотелось постоянно смеяться. Я зажмуривалась, терлась щекой о его плечо, а он все бормотал и бормотал мне бесконечные названия городов, деревень и поселков. Потом замолкал, и мерно вздрагивающий вагон исчезал. Оставались только мы, только его крепкие объятия, уверенные движения.

— Маша-а-а! — пробивался сквозь его шепот вкрадчивый голос. Я снова смеялась. Казалось, от меня остался только смех, больше ничего, и Макс, шепчущий мне названия карельских местечек, и мягко покачивающийся вагонный диван. То ли поезд тянул нас вперед, то ли планета сама осторожно подставляла нам свой бок и поворачивалась, чтобы мы быстрее могли добраться.

— Маша-а-а, — гудело за окном. Но я уже не слушала. Я все выбросила из головы. Макс сказал, что все закончилось, и я отпустила от себя лодку прошлого. Школа, родители, мелкие

обиды и ссоры, чье-то недовольство, претензии — ничего больше не было. Макс сказал родителям, что я уехала с ним в путешествие, и они согласились. Школу он для меня закрыл. Для мира я больше не существовала. Но кто-то продолжал настойчиво звать:

— Маша-а-а!

И мне казалось, что это Колосов бежит за нами следом, грозит кулаком и требует, чтобы я осталась. Но я не хотела оглядываться и смотреть, кто там бежит. Я смотрела вперед. И почему мы раньше так не сделали? Ведь очень просто — сбежать, забыть про всех.

— Маша-а-а!

Макс внезапно навалился на меня так, что стало нечем дышать. Я оттолкнулась от него, и вдруг что-то упало с тяжелым тупым звуком. Я испуганно приподнялась.

В купе никого не было, покачивалась белая крахмальная штора, редкий свет мелькал за окном. Но вот свет остановился, начал набухать, словно какой-то светлячок пытался догнать наш вагон. Я осторожно отодвинула краешек занавески, чтобы с внешней стороны не было заметно, что я подглядываю.

За окном — ночь. Сплошная черная пустыня, освещенная одиноким фонарем. И в свете его видно, как параллельно с поездом летит стая больших темных птиц. Они не спеша одновременно поднимали и опускали крылья, клювы их время от времени беззвучно открывались.

Я поправила занавеску, борясь с неприят-

ным сердцебиением. И замерла. На столике передо мной сидела крыса. Белая. Заметив, что я на нее смотрю, крыса пискнула, спрыгнула со стола и устремилась к двери, нетерпеливо дернулась туда-сюда, требовательно пискнула. Холодная ручка была неприятна. Панель двери со щелчком отъехала в сторону. Крыса устремилась налево по длинному узкому коридору. Я побежала за ней, и вот уже передо мной не быстрое белое тельце и подрагивающий в такт движению хвост — я уже вижу мелькающие каблук ботинок и боюсь поднять глаза, потому что знаю, кто идет впереди. Мужчина оборачивается, его одежда на глазах дряхлеет. Черное пальто превращается в светло-коричневый тулуп, вместо пояса грязно-белое полотенце, засаленный мех воротника, спутанная борода.

— Эх, девонька... — вздыхает старик и протягивает руку.

Я знаю, что на него ни в коем случае нельзя смотреть, но какое-то странное любопытство заставляет меня поднять голову.

Тяжелый взгляд пронзает меня насквозь, и мне кажется, что я умираю.

Я вскакиваю. Мягкий диван вагона СВ. За окном проносятся редкие огни, подрагивает крахмальная штора. В купе я одна, соседний диван пуст.

Страшно! В темноте я начала искать свою одежду. Как я раздевалась, когда? Натянула на себя простыню, прислушалась к мерному стуку колес. Сон уходил, можно было вздохнуть спо-

койно. Но — не получилось. Вышел истеричный всхлип, и я заплакала. Слезы полились ручьем, и я никак не могла ни остановить себя, ни объяснить, что со мной происходит. Я рыдала, и вагон словно кивал мне, поддерживая мое отчаяние. Потому что в какую-то минуту мне показалось, что ничего не выйдет, что наш бег заключен в круг и мы обречены на постоянное повторение одного и того же.

Но вот я последний раз всхлипнула и успокоилась.

— Все хорошо? — В дверном проеме возник Макс.

— Все отлично! — кивнула я, пряча лицо в простыню, хотя можно было этого и не делать, Макс все видел и слышал. — Для полного счастья не хватает малого — не могу найти свою одежду.

— И поэтому ты плакала? — Голос любимого полон смеха.

— Тебя рядом не было.

— Хороший повод, — согласился Макс, сел рядом, обдавая меня знакомой прохладой.

— Макс, расскажи, пожалуйста, — попросила я, — как все будет потом?

— Мы будем ехать...

— А потом? — недавние слезы неприятной тяжестью давили на голову.

— Будет так, как захочется тебе. — Макс положил ладонь мне на лоб, и мне стало легко. — Если захочешь, чтобы было все хорошо — так и

будет. Начнешь беспокоиться и надумывать проблемы — они придут. Что выбираешь?

Я выпрямилась, чтобы посмотреть на любимого. Оказывается, я не могу выбрать, не могу понять, что такое хорошо в нашем с Максом случае.

— Но как же может быть хорошо, когда меня ищет Мельник? — решила я уйти от ответа, задав волнующий меня вопрос.

— Ладно, Мельник. Что еще?

— Ирина.

— Ирина — проблема Антона, и тот с ней как-нибудь справится.

— Катрин.

— Вряд ли она будет нам помехой.

— Маринка.

— Не придавай значения детским амбициям.

— Колосов.

— Ты сама знаешь, что твой друг уже пережил свою любовь. Он справился.

— Смотрители. — Мне не хотелось уточнять, кого конкретно я считаю своей главной проблемой.

— Со Смотрителями подписан пакт о ненападении. Я обещал помочь, если с Ириной станет совсем трудно. Но, думаю, они решат проблему без меня.

— Как?

— Любое превращение имеет свои последствия. Скорее всего, Ирина останется вампиром. Не верю я ни в какие лекарства. Если ее не убе-

рут другие Смотрители, она сможет найти себя. — Макс заглянул мне в глаза. — Ну, что? Мы все тревоги разрешили?

— Послушай, а тебе со мной... — прошептала я, потому что в темноте на мгновение потеряла его темную фигуру. Покраснела. Запнулась. Да говори же ты! Сколько можно стесняться! — Тебе хорошо?

— Мне?

Вопрос заставил меня забыть, как дышать.

— Ты самое беспокойное существо, которое я когда-либо встречал. — Макс предпочел не заметить мою панику. — Ухитряешься притягивать к себе все мыслимые и немыслимые неприятности. Но это и прекрасно. Можно сказать, я потратил сто пятьдесят лет, чтобы найти тебя. И только с тобой мне не просто хорошо... — Он пошевелил пальцами, подбирая правильную фразу. — Наверное, такого слова нет ни в русском, ни в немецком языке. Я чувствую тебя... как себя.

— Это любовь?

— Слова не имеют значения.

Да, наверное, поэтому я и заплакала. Что-то заканчивалось, уходило, и я боялась, что на его место придет пустота. Что может быть за словом «КОНЕЦ» в сказке?

— В некотором царстве, в некотором государстве... — чуть нараспев начал Макс.

— Жил-был Король, — буркнула я. Куда же подевалось мое белье?

— И вот жилал он, пережёвывал, — усмех-

нулся Макс, заметивший мое замешательство, — и была у него жена.

— Но сплыла. То есть умерла. И остался у него сын. Принц.

— Прекрасный, — легко подхватил мою игру Макс.

— Это Елена была Прекрасная, — напомнила я историю из мифов и легенд Древней Греции. — А Принц был обыкновенный.

— Хорошо, обыкновенный.

Макс рукой показал на соседний диван, где аккуратной стопкой лежали мои вещи. Задача осталась одна — надо было до них дотянуться. Вернее, перегнуться через Макса, опереться рукой о диван, потеряв простыню, взять вещи... Неосуществимая штука, тем более что Макс помогать мне явно не собирался.

— И влюбился Принц в таинственную Незнакомку, — продолжал он нашу сказку.

Я недовольно поджала губы. История поворачивалась в сторону Золушки, но эта сказка мне не нравилась.

— А потом они поженились, — резко сократила я всем известный сюжет.

— И началось самое интересное. — Макс прищурился. — Они стали жить вместе.

— И Незнакомку принялись возить по городам.

— Почему по городам? — сбился со сказочного тона Макс.

— Надо же было показать людям ту самую

девушку, ради которой Принц объездил все королевство с туфелькой под мышкой.

— Оригинальный поворот сюжета. — Макс выдал мне футболку. — А что Король?

— Король радовался. Вместе с Незнакомкой в путешествие отправился Принц, и он смог отдохнуть от этого зануды.

— Надо проверить, как сильно Королю удалось отдохнуть от Принца.

— Почему? — опешила я. С ходу метод проверки в голову не приходил.

Макс победно улыбнулся.

— Потому что Принц с женой в конце концов вернулись.

— И жили долго и счастливо, — согласилась я. — До глубокой старости.

— Посмотри, как за окном красиво. — Он приподнялся, отводя в сторону шторку.

Там было темно. Я ничего не увидела.

Макс отобрал у меня футболку.

— Потом оденешься, — пообещал он.

Глава XVI

ЧАС ВОЛКА

Никогда не представляла, как может выглядеть край света. Где-то я читала, что это стеклянная граница, перейти за которую нельзя. Еще там был бесконечный водопад, но вода падала не сверху вниз, а снизу вверх. А вообще-то край света — горизонт, далекий-далекий, не дойти до него ногами, рукой не достать.

Для меня край света это снег. Бесконечный снег. Если море является ярким примером того, что земля круглая, то снег дает обратное ощущение — земля плоская и вся покрыта льдом.

Ощущение родилось во мне сразу же, как только автобус высадил нас на том нескончаемом пятачке земли. Море было. И действительно являло собой пример холодности и отчуждения. В таком не купаешься, с визгом головой в воду не прыгнешь. Вернее, нырнуть-то можно, и визга потом будет много. Но что-то не хочется. Совсем. Холодно.

В последнем городе Макс раздобыл мне очень теплую куртку, очень теплые сапоги и необъятную шапку, которая делала мою голову в два раза больше.

Так вот, автобус высадил нас на пустой трассе и укатил, фырча и буксуя на заснеженной дороге.

Наверное, дальше надо было ехать на вездеходе. Но такого транспорта не оказалось, поэтому какое-то время мы шли. А когда Максу надоело, что я все время проваливаюсь в снег, он взял меня на руки и побежал. От летящего в лицо снега захватывало дух, ледяной воздух не хотел вдыхаться. Макс бежал, а я все представляла, сколько же снега набилось в его ботинки. Так и виделось, как он проходит в комнату, садится около пылающего камина, стягивает с ног ботинки — а носки мокрые от растаявшего снега...

Нет, все будет не так. Он снимет ботинок,

вытряхнет снег и наденет его обратно, и ничего у него при этом не растает и не замерзнет.

Когда испытание холодом и ветром закончилось, мы оказались стоящими около небольшого домика. В таких, наверное, живут рыбаки. Деревянная хатка-пятистенка, аккуратно засыпанная снегом по самую крышу. И никаких следов на снежной равнине.

Первое, что я увидела, был снеговик. Невысокая фигурка из трех идеально ровных снежных шаров, с черными угольками на месте обычных в моем городе пуговичек, с пламенеющей морковкой вместо носа, а на голове красовалась красная перчатка с растопыренными пальцами. Свеженький такой снеговик, недавно сделанный. И если бы меня стали уверять, что его сделал взрослый сам для себя, я бы долго громко хохотала.

Но сейчас мне смеяться не хотелось. Сердце подпрыгнуло, словно снеговик достал из-за пояса пистолет и направил на меня. Но снеговик не шевелился. Из-за него навстречу мне шагнула Маринка в ослепительно белом пальто. Горло сдавило, и я прижалась к Макссу.

— Привет, мелкая, — кивнул ей Макс, оставляя меня себе за спину. — Где Лео?

— Здравствуй, мой мальчик! — Лео шел от моря. Его бледное лицо казалось еще белее от окружающего снега. Взгляд равнодушно мазнул по мне. — Ты не прислал открытку, что приезжаешь.

— Мы торопились. — Макс слегка поклонился.

Я пыталась схватить его за руку, но он ускользнул от меня и широкими шагами пошел к Лео. Высокий, в черных брюках и куртке, он казался хрупким на фоне белоснежной пустыни. Я вздохнула, заставляя себя успокоиться. Вот мы и встретились с папой Королем... Тьфу, глупая сказка!

— Ты всегда торопишься. — Лео не шевелился. Трое вампиров застыли, словно решали, броситься друг на друга или просто пожать руки.

Лео одернул на себе бежевое пальто и мимо Макса пошел ко мне. Если он что-то и решил для себя, то по нему видно не было.

— Добрый день, Мария. — Вампир протянул мне тонкую руку, развернув ее ладонью вверх.

Я с удивлением заметила, как моя собственная рука выныривает из варежки и ложится поверх его ладони.

Очень добрый день!

Изящный поклон, пальцы чувствуют холод склонившегося лица. Мне захотелось поклониться в ответ или сделать короткий реверанс, но я заставила себя остановиться — Лео легко пробивал мою защиту, и я чувствовала себя перед ним как кролик перед удавом.

— Как добрались?

Под теплую куртку стал закрадываться холод. Сделав вокруг нас широкий полукруг, Маринка подошла ближе. Черты ее лица стали тонкими, взгляд потяжелел. Пушистые, всегда расчесанные волосы сейчас были спутаны, словно она позволила веселому ветру взбить их.

— Пусть она уйдет. — Маринка глянула на меня колючим взглядом. — Иначе я ее убью.

— Ну что ты, Марина, нельзя так поступать с гостями. — Лео взял мою руку и положил себе на локоть. Сделал приглашающий жест в сторону дома: — Проходите, Маша.

Мне хотелось оправдаться, сказать, что я не знала, куда меня везет Макс. Если бы он предупредил, я бы ни за что не села в поезд. Воспоминание о поезде заставило меня глубоко вздохнуть. Потому что всю дорогу мы не расставались. Макс держал меня в своих объятиях, целовал, рассказывал о том, как мы будем жить дальше. Прижимаясь к его груди, я слышала медленно бьющееся сердце. Его стук смешивался со стуком колес, и мне казалось, что не поезд несет меня, а я плыву по реке с названием Нежность.

— Извините, что так получилось... — В присутствии Лео я теряла не только волю, но и способность внятно говорить.

— Пусть она уйдет! — крикнула нам в спину Маринка. — Иначе уйду я!

Лео продолжал вести меня к дому.

Сзади послышалось недовольное рычание. Я обернулась. Маринка стояла, сжав кулаки, глаза ее потемнели. Сейчас она в два прыжка догонит нас и вопьется клыками мне в шею...

— Идемте, идемте! — подогнал меня Лео.

Краем глаза я заметила, как Макс черной молнией проносится между нами и Маринкой, и вот уже белая фигурка стремительно удаляется прочь.

Заметно стемнело, короткий невзрачный день заканчивался, но белый снег еще давал свой отсвет, поэтому сумерки задержались, и Маринка какое-то время еще была видна.

— У тебя новая игрушка, Лео? — Макс возвращался.

— Поговорим об этом позже, — холодно ответил тот и снова повернулся ко мне. — Маша, вы, вероятно, устали?

Только сейчас я поняла, что бесконечное бегство действительно вымотало меня. Не привыкла я к таким перегонам. Для меня одна поездка на самолете уже была целым событием. Бежать без остановки, непонятно куда, непонятно зачем мне надоело.

— Устала. — Рядом с Лео можно было не врать и не прикидываться железной.

— Сейчас мы вас согреем. — Обещание из уст холоднокровного существа звучало зловеще.

За порогом дома начиналась небольшая чистая кухня. Ни крошки, ни соринки, ни забытой чашки, ни повешенного на стул полотенца. Здесь не ели, не пили. Озноб пробежал по спине, шевельнул волосы, холодной рукой забрался за шиворот, сжал сердце.

— Еды у вас с собой, конечно же, нет. — Лео развернул в мою сторону стул.

Я упала на него, обнялась с рюкзаком. Макс похлопал себя по карманам, словно из них, как из волшебной сумки Мэри Поппинс, можно было достать все, что угодно, включая пианино.

— Я сейчас... — Макс пошел к двери.

— Вряд ли Маше будет приятно остаться одной.

Лео изучал содержимое шкафов.

— Кофе у нас есть. — Жестяная банка со стуком опустилась на стол. — Возьмите.

Передо мной положили знакомую плитку шоколада в фольге без обертки. Я хорошо помню вкус этого шоколада. Сколько прошло с того вечера в мастерской? Два месяца? Один?

— Он придаст вам сил.

И такие слова тоже тогда были произнесены.

— Я не думал... — начал Макс, но Лео резко перебил его:

— Ты вообще не думал! — И совсем другим голосом обратился ко мне: — Подождите немного, сейчас станет теплее.

Из нижнего шкафа появилась турка. Ручная деревянная кофемолка с явным нежеланием вспомнила, зачем ее придумали. Вскоре по кухне разнесся знакомый запах. Я спрятала глаза. В первую очередь запах напомнил мне то утро с Максом, на кухне, у меня дома. У меня дома... Вдох подавить не удалось. Я провела пальцем по шуршащей фольге. Макс неслышно подошел сзади, положил мне руку на плечо.

— Я помню этот шоколад, — пробормотала я, чтобы вырвать себя из потока воспоминаний. — Он вкусный.

— Армейский, — уточнил Макс. — Такой давали во время войны. У Лео до сих пор есть его тайный поставщик.

Я кивнула, соглашаясь. Конечно, во вре-

мя войны давали шоколад... Подождите, какой войны?

— Второй мировой, — хмыкнул у меня над головой Макс. — Лео был летчиком.

Я нахмурилась, потому что никак не могла уложить в своей голове разные даты. Вторая мировая война была семьдесят лет назад. Франция воевала с Германией...

Лео колдовал над огнем с туркой, поднимая и обратно опуская ее.

— Не всем же было читать Шопенгауэра и Ницше в сельской глуши, — мягко произнес он, но в его голосе чувствовался металл. — И рассуждать о роли личности в истории.

— Но подождите, ведь французы воевали против немцев, — начала я и смутилась. Что-то я не о том говорю.

— Против националистов, — уточнил Макс, повернул стул спинкой вперед и сел на него верхом. — Лео гуманист, он пошел спасать нацию.

— Вы были в Сопротивлении? — начала догадываться я... Одно время книга «Планета людей» была моей самой любимой.

— Ваш кофе!

Лео ворчит? Неужели?

Вампир поставил передо мной фарфоровую чашку с блюдцем и изящной чайной ложечкой. А кухня оказалась не такой запущенной, как представлялась на первый взгляд. Вот только молока не было. И сыра. Зато был шоколад. Я зашуршала фольгой.

— Стоит сказать «Франция» и «летчик», как все вспоминают только Экзюпери, будто он

один летал во время войны. — Лео бросил турку в мойку. Вряд ли ее кто-нибудь когда-нибудь возьмется мыть. Надо будет за этим проследить. — Кстати, летчиком он был средним, и все удивлялись, когда он возвращался. По здоровью он вообще не должен был подниматься в воздух.

— А как же комиссии? — встрепелась я. У меня были слабые представления о том, как брали в армию, но что я знала точно — надо было проходить медицинскую комиссию и сдавать кровь... О чем я? С талантами Лео ему никакая комиссия не нужна.

— Зато кто-то в то время отсиживался в деревне! — К счастью, Лео пропустил мое замечание мимо ушей.

— Не все же воины, — фыркнул Макс. Видимо, разговор этот у них шел не первый раз. — Я тоже спасал свою нацию. Никого не убивая. А вот наша милая Катрин резвилась вовсю — работала певичкой в одной кабачке Котбуса, и у нее довольно часто менялись поклонники, которые исчезали бесследно.

— Ладно, ты тоже не святым духом питался! — Лео рубанул воздух ладонью. — Ну и как твоя теория личности в истории поживает сейчас? Кажется, она дает крен?

— Сейчас не героическое время.

— Зачем ты сюда пришел?

— Маше нужна помощь. — Макс продолжал сидеть, но в лицо Лео не смотрел, изучал свои руки.

— Это тебе нужна помощь! Мальчишки! Ты здесь не первый!

— Разве Грегор не сразу отправился к себе домой? — невинно спросил Макс, и я предпочла углубиться в тонкости вкусовых оттенков кофе, потому что мне показалось, Лео сейчас Макса прибьет.

— Тебя я точно домой отправлю, — негромко произнес Лео, но так, что я сжалась. — После фокуса с телефоном тебя надо было давно на солнце выставить! Чего ты еще от меня хочешь? Или тебе тоже кофе сварить?

Я подавилась шоколадкой и закашлялась.

— В городе начались неприятности...

— В городе давно начались неприятности, — снова перебил его Лео. — И главная неприятность в нем — ты!

— Я выяснил, что произошло. — Макс продолжал спокойно изучать свои руки. Его как-то мало трогало то, что на него шумели? Или у него уже иммунитет выработался?

— Самая распространенная версия — инопланетяне, — съязвил Лео. — Пронеслась стая летающих тарелок? Маша, а вы, я смотрю, стали мизантропом, не против того, чтобы убивали людей.

Я медленно пила кофе, опустив глаза в чашку. Жижи на дне было немного — Лео ухитрился налить так, что все осталось в турке. Но мне и этого хватит. Я резко перевернула чашку на блюдце, накрыла донышко ладонью.

— Колосов меня привел к колдуну, и он что-то такое сделал, что теперь я стала его наследницей. — Я тоже старалась говорить спокойно, но

голос срывался. Ничего, я еще научусь. — Умирая, он передаст мне свою силу.

— И в чем проблема? — Лео сложил руки на груди. Поза говорила о крайнем недовольстве.

— Мы поэтому и уехали так далеко. Может быть, здесь Мельник ее не достанет. Маша боится, не знает, что с ней будет потом. — Для полного пренебрежения к ситуации Максиму не хватало только начать раскачиваться на стуле.

— У него остался мой гранатовый крестик, — поспешно добавила я.

— Гранатовый? — с нажимом переспросил Лео и посмотрел на Макса. — Хороший подарок.

— Я его верну, — заверил Макс. Наверное, таким тоном партизаны обещали сходить на территорию врага и привести «языка». — А ты пока побудь с Машей. Ее нельзя оставлять одну.

Я осторожно подняла чашку. На блюдце остался рваный полумесяц с подтеками-буграми. Было похоже на холм или изогнутую дорогу с перекрестьями, как шпалы на рельсах. В прошлом у меня была дорога. А что в будущем? Я повернула чашку к свету. Там был только тонкий ручеек, по которому кофе стекало в блюдце, да грязноватое донышко. След был похож на свернувшуюся змею, выставившую вперед голову. Змея — появление врага.

Провела пальцем, смазывая рисунок, отставила чашку. Что-то здесь свет слишком яркий. Так резанул по глазам, что я зажмурилась и какое-то время сидела, пытаюсь проморгаться, а передо мной в воздухе все носились и прыгали

разноцветные круги. В голове словно ветер завыл. Я склонила ее к плечу, прогоняя неприятный звук.

— Поздно уже, — будничным тоном произнес Лео. — Ночь. Пора спать. Будет немного холодно. Но к утру, я думаю, печь прогреется. Ма-ша, вы потерпите? — Он прошелся по кухне, постоял за моей спиной. — Жаль, что вы теперь с Максом, пропала вся прелесть отношений.

И Лео ушел во вторую комнату.

— Что он имел в виду? — повернулась я к Максиму.

— Считается, что вампиры предпочитают пить кровь девственниц. А ты теперь в этом отношении не представляешь интереса. Но в том-то вся и прелесть — никакой вампир на тебя больше не посягнет. По крайней мере, по этой причине...

Я потупилась. Последнее заявление меня окончательно сбilo с толку. Станный прием, непонятные слова.

— А про утро он хорошо пошутил, — добавил Макс. — Утро здесь наступит не скоро.

— Макс, — жалобно позвала я, — зачем мы сюда приехали?

Рядом с Лео я чувствовала себя неуютно, а от мысли, что нужно провести ночь под одной с ним крышей, и подавно становилось нехорошо. Или вампиры по ночам дома не сидят? Находят себе занятие по вкусу? А ведь есть еще Маринка. Вряд ли она убежала далеко. Вернется.

— Не переживай. — Макс обнял меня за

плечи. — Если тебе кто и сможет помочь, то только Лео.

— Да, причем поможет мне так, что больше уже ничего не надо будет делать.

— Не наговаривай! — Макс потрепал меня по волосам. — Просто по заведенному обычаю Лео пытается выглядеть плохим. Пойдем спать.

Во второй комнате, маленькой и темной, стояло две кровати. Все одеяла Лео сложил на одну, ближе к постели придвинул обогреватель.

— Теоретически он должен работать, но насколько горячий — сказать не смогу. — Лео оценивающе глянул на прибор, словно на глаз мог определить температуру.

— Горячий, — я провела рукой над обогревателем. Не сказать, чтобы он был обжигающий, но пара одеял и чудо-агрегат спасут меня от замерзания.

— Спокойной ночи. — Лео чуть поклонился, мелькнула быстрая тень — вампир не был склонен вести со мной длинные беседы.

— Раздевайся до футболки, — посоветовал Макс. — В свитере ты больше замерзнешь, чем без него.

Он взял у меня рюкзак — я все еще никак не могла с ним расстаться, — помог снять куртку.

— Ты уйдешь? — испугалась я и тут же начала мерзнуть. Не так я представляла нашу совместную жизнь. Хотя как я ее представляла? Никак!

— Вряд ли мое присутствие поднимет температуру в комнате. Я буду на кухне. — Макс поцеловал меня в щеку.

И вышел, прикрыв за собой дверь. Я стала снимать свитер. Прохлада комнаты обхватила, заставив сжаться. Холодное нутро постели приняло меня неласково. Я свернулась калачиком, сжалась, спрятав голову под одеяло. Хотела ли я в тот момент вернуться домой? Нет, не хотела. Назад мне дороги не было. За родителей можно не волноваться, они убеждены в моей безопасности. Я как-нибудь позвоню им, и в конце концов мама с папой привыкнут, что дочь у них уже взрослая. Город? Город подождет. Когда-нибудь я в него вернусь.

Заставила себя выпрямить ноги и неожиданно почувствовала, как приятное тепло распространяется по телу. А вместе с тем сердце в моей груди глухо стукнуло. Явно Маринка возвращалась.

Я чувствовала себя немного странно. Раньше все мои желания были расписаны кем-то, я постоянно зависела от чужих желаний. А теперь... Теперь мои желания становились главными в жизни. Желание быть с Максом, желание решить наши проблемы мирно, желание спокойно спать и просыпаться, желание сгорать в объятиях любимого человека. Все было так просто. Наверное, в этом и было мое взросление.

В сон я провалилась неожиданно. Вот я еще лежу, пытаюсь как можно меньшей площадью кожи касаться пока холодной простыни, а вот мне уже тепло. Я даже высунула из-под одеяла руку. Печка и правда раскочегарилась, и теперь

с лихвой отдавала щедрое тепло, так что одно одеяло оказалось определенно лишним.

Еще больше вылезла из-под цепких ватных вериг, блаженно откинулась на подушку, пытаюсь вспомнить, что мне снилось. Все-таки сон на новом месте... Хорошо бы, чтобы в нем был Макс. Но длинная дорога до этого места до такой степени смешала сон и явь, что мое сознание уже отказывалось выдавать мне милый образ во вне рабочее время.

Я еще немного полежала без движения, не позволяя ускользающему сну исчезнуть за горизонтом без хорошего воспоминания. Даже дыхание задержала. Но ничего не помогло. Восстанавливать в памяти было нечего. Ну и ладно. Сон без сновидений тоже хорошая вещь. Сны последнее время здорово меня выматывают. Увидишь какую-нибудь бяку, а потом ломаешь над ней голову весь день, придумывая, что бы это значило.

Я зашевелилась свободней, пытаюсь по своему состоянию определить — утро наступило или еще ночь. Темное окно мне было не помощник — за ним теперь не скоро станет хотя бы немного светлей. Организм был бодр и вполне допускал, что сейчас около восьми утра. Мой содовый телефон был в куртке, а куртка где-то там, в темноте. Я могла рассмотреть только стоящий около кровати стул, на спинке которого висели вещи (я так понимаю, мои), а на подносе стакан воды и два кубика шоколада. Хорошее сочетание. Настоящие аристократы всегда начинают свой день с порции шоколада.

Мне почему-то было очень хорошо — ни страха, ни тревоги. Ни-че-го.

В доме и вокруг него стояла странная тишина. Я попыталась почувствовать хотя бы одного вампира, но у меня не получилось. Что-то такое висело на мне. Крестик!

В темноте невозможно было рассмотреть, вставлены ли в него гранатовые камешки, но судя по весу, по тому, как привычно он ложился в ладонь, это был он. Значит, пока я спала, Макс или Лео вернули его мне. Неудивительно, что их нет рядом. Отдыхают...

Вода на вкус показалась приятной, немного сладковатой. Я оделась, нашла на соседней кровати куртку, а рядом с нею сапоги. Сотовый телефон молчал. Новая трубка, я забыла ее зарядить. Где бы мне теперь раздобыть зарядку?

Проверив, все ли на мне хорошо застегнуто и запахнуто, вышла на кухню. Здесь еще стоял еле уловимый запах кофе. Он смешался с морозным воздухом, добавив в свой терпкий аромат привкус льда. За окнами было так темно, будто кто нарочно поставил со стороны улицы непроницаемую ширму. Вдруг представлялось: вот выйду за дверь — и увижу солнце.

Но его не было. Для уверенности я похлопала себя по бокам, чувствуя, как со сна по телу еще прохаживается легкий озноб.

Давно я не слышала такой тишины. Звук не было вообще. Даже море не шумело. Влажный холодный воздух пробрал меня до костей. Двигаться не хотелось. Хотелось стоять и слушать тишину. Смотреть на черноту горизонта.

Наверное, впервые вокруг меня все так спокойно. Однако полезно все бросать и уезжать. В никуда. И обязательно выключать сотовый телефон. Хотя здесь он может вовсе не брать. Людей нет, вышки никто не строит.

Я зашла за угол дома, и мне стали слышны голоса. Сердце стукнуло, предупреждая об опасности.

— Нет, ты посмотри, как у тебя все хорошо получается!

Я так и представила, как Лео недовольно взмахивает рукой, белая кисть взлетает вверх. Макс стоит напротив, упрямо качает головой. Они всегда спорят. Но за сто пятьдесят лет ни разу ни до чего не договорились.

— Я должен по первому твоему сигналу срываться и куда-то бежать! Сделай из нее вампира, и все успокоятся. Сам увидишь, до какой степени легко вам станет жить!

— Не хочу. Нам это не надо. — Макс говорит легко, уже давно все решив.

Говорили по-русски. Рядом с ними кто-то третий? Маринка? Они хотят, чтобы она их понимала?

— Ну, тогда что же ты со своим решением приходишь ко мне? Ты мое мнение знаешь: она не может жить с нами, она другая. Именно поэтому несет для тебя и для меня одни неприятности.

— Я люблю ее!

— Любовь — эмоция. Кому как не тебе знать, что без эмоций жить гораздо легче. Маша может обладать какими угодно качествами, и они оста-

нутся при ней после трансформации. Все равно ты к этому придешь. Теряешь время, наживаешь проблемы — и только. Сделай ее вампиром!

— И сам не сделаю, и никому не позволю!

Сердце мое взволнованно забилося. Если спор с моей мамой решался одним простым движением — вышел за порог и закрыл за собой дверь, то сейчас встать и уйти нельзя. Я не могу болтаться между небом и землей. Нам с Максом надо с кем-то быть. И если с людьми Макс не может жить из-за Смотрителей, то меня, выходит, вампиры и не думают принимать.

— Врешь ты все! — зазвенел возмущенный голосок Маринки. Вот и третий собеседник. — Если ты это не сделаешь, то сделаю я. И только попробуй меня потом тронуть.

— Макс, ты можешь сколько угодно убежать, — продолжал увещевать Лео, — но тебе все равно придется остановиться.

Да, Лео умеет уговаривать, его мягкий голос ненавязчиво вплетается в мысли, и начинаешь невольно думать его словами, подчиняешься ему.

— Человек так устроен, — говорил вампир осторожно, — в конце концов ему нужен покой, нужен отдых. Любовь не может строиться на борьбе, на постоянных сражениях. Любви нужны праздники. А в ваших отношениях праздников не предвидится.

Как это нет праздников? Да у нас каждая минута, проведенная вместе, праздник!

— Оставь ее сейчас, — требовал Лео, — пока

не утащил бедную девочку в тундру, откуда пешком не дойдешь.

Неужели Макс согласится? Неужели он от меня откажется?

— Мы. Будем. Вместе. — Макс сказал, как отрезал.

— С кем вы будете вместе? Где вы будете вместе? Пока ты один, то абсолютно защищен, вдвоем ты не защитишь ни себя, ни ее! Вы болтаетесь над бездной, ни туда, ни сюда. Ты не сможешь жить среди людей, а среди вампиров ее станет терпеть разве что Эдгар. Вы уже натворили достаточно дел! В Москву со дня на день придут Смотрители со всего света. И тебе уже не какого-то там новообращенного вампира придется спасать, а самому бежать без оглядки! Макс, мальчик мой, сделай правильный выбор. Не хочешь превращать ее в вампира, отпусти. Ты это сможешь сделать. Девочка еще будет счастлива. Вспомни Хелен и ее милых детей. Ты сам ходил смотреть на них и убеждался, что все сделано правильно. От тоски и горя никто не умирает. Это сейчас не модно. Да и никогда не было модным. Подумай хорошенько.

— Я уже подумал, — глухо отозвался Макс.

Краска на бревне облупилась, и я стала в волнении отколупывать ее ногтем. Только бы Макс не передумал! Только бы Лео не смог его уговорить!

— Ты — вампир. Это тебе не веру поменять, не из партии в партию перейти. Лисы с цыплятами не живут. Если тебе себя не жалко, пожалей ее. Марина девочка настойчивая, добьется

своего. Да и я в следующий раз торопиться не буду, дам возможность Катрин осуществить задуманное. И мне все равно, что будет потом. Музеи Прованса работают весь год с десяти до семи, мне будет чем заняться. Не издевайся над собой. Прими правильное решение.

Наступила тишина. Страшная тишина. Я попятилась, прижалась спиной к углу.

Почему Макс не отвечает? Почему молчит?

Страх заставил меня вернуться к крыльцу. За домом все еще было тихо. Макс не отвечал! Или для ответа ему понадобилось всего лишь кивнуть?

Нет, что я такое выдумываю? Никаких кивков! Лео может говорить что угодно. Он умеет и любит говорить. Ему лишь бы спокойно было, чтобы никто не отвлекал от любимых музеев, чтобы сидеть и бесконечно смотреть на течение реки Луары. Зачем задавать бесконечные вопросы, когда решение принято? Все, что произошло за последнее время, нельзя перечеркнуть одним кивком, горстью произнесенных слов.

Мне захотелось пойти туда и сказать все это Лео. Если раньше граница между людьми и вампирами была непроходима, то теперь самое время ее преодолеть. Выбора у них нет: время изменилось, пора и им тоже меняться.

Но вместо того, чтобы пойти за дом, я побежала прочь от него. Подальше от тех страшных слов, что могла услышать. Я бежала и бежала, пока не начала задыхаться, пока темный снег не стал путать мне ноги.

Зачем я ухожу? Может быть, Макс молчал,

потому что ответа и не требовалось. Конечно! Все так очевидно.

Я остановилась. Далекий дом горбился далекой серой громадиной. А за ним было что-то странно-знакомое. Далекий горизонт вздымался, и вверх, в небо, от него шли хребты, как шпалы у рельсов.

В книге по гаданию я читала, что на кофейной гуще нельзя гадать одному. Нужен помощник, который будет трактовать получившийся узор. Сам человек в кофейных разводах может что угодно высмотреть, а помощник увидит то, что там есть на самом деле. Уставшая с дороги, я в кофейной гуще смогла узнать только все ту же дорогу. А на самом деле придумала ее. Ведь это был всего-навсего холм за домом. Я его наверняка видела, когда мы подходили, но не запомнила. Выходит, все основные события будут происходить здесь. Я подняла глаза к темному, беззвездному небу.

Смутное волнение заставило меня вглядеться в темноту. Рядом со мной был какой-то зверь. Кто у нас тут на Беломорье бывает? Тюлени, белые медведи, олени.

Сидящий неподалеку от меня зверек был крысой. Серенькая крыса на сереньком снегу.

— А мне казалось, что это я должна к вам прийти.

Человек стоял беззвучным столбиком, я не слышала, как он здесь появился.

— Зачем же? — усмехнулся колдун. — Я сам к тебе пришел. Да и что лишний раз утруждать тело? Мы и так можем поговорить.

Вот в чем дело. Если бы пришел настоящий Мельник, передо мной бы стоял худой мужчина лет пятидесяти, а я видела старика в древнем тулупе.

Крестик на моей шее начал отчаянно давить.

— Он привел меня, — Мельник шевельнулся. Кажется, поднял руку.

Я не видела, но могла догадаться, как сухой старческий палец показал в мою сторону.

Ах, как ловко придумано! Макс думает, что именно крестик связывает меня с колдуном, и возвращает его. А следом, как на маячок, приходит Мельник...

Я сунула руки в карманы.

— Не нужен мне ваш дар. Отдайте другому! — Надо было бежать отсюда, а ноги словно приросли к земле.

— Э, деточка... Кто ж такое выбирает? — неприятно засмеялся-закашлял старик. Затем поднял голову, покачнулся, и я сама не заметила, как оказалась рядом с ним. — Устал я что-то, устал... Кто ж это выбирает? — повторил-прошептал колдун, и я вновь начала тонуть в его кисельных глазах.

Взгляд у него был ясный, чистый, как у ребенка. Он пронзил меня насквозь, и я вдруг перестала видеть. Стало нестерпимо больно. Я отшатнулась, закрывая лицо руками, и закричала. Голову изнутри взорвала бешеная боль. Колени подогнулись, я упала, ткнувшись лбом в снег, загребла его в охапку. Быстрые капли талой воды побежали в рукав куртки, неприятно защекотали

руку. Отползла подальше, встряхнула мгновенно замерзшими руками.

— А мне пора на покой, — раздался надо мной вздох. — Ничего, ничего, освоишься.

— Забери обратно! — выдохнула я.

— Живи, живи. Зато бояться больше ничего не будешь.

Темная фигура проплыла мимо меня. Мне хотелось услышать хруст снега под ногами, но она двигалась беззвучно. Тени следов не оставляют.

То, что подошел Макс, я тоже не услышала, а почувствовала — сердце радостно трепыхнулось, щекам стало жарко.

— Он успел? — Макс осторожно отвел мои ладони от лица.

— Убей меня, пожалуйста, — прошептал кто-то, отдельный от моего сознания.

— Ну, что ты! — Макс поднял меня, и я тут же спряталась у него на груди.

— Больно... — Сжала руками голову, но тут же поняла, что ничего уже не болит.

— Сейчас все пройдет.

— Мельник! Он пришел! — Я попыталась приподняться, но вокруг никого не было.

— Тише, тише!

— Я умираю? — Неприятный взгляд старика все еще стоял у меня перед глазами. И помнилась боль, сильная боль, от одной мысли о которой начинало мутить.

Макс молчал, глядя в сторону моря.

Ну почему я не осталась около дома? Почему не вышла из-за угла?

— Скажи, что ты ответил Лео?

— Когда? — Макс приподнял меня, усаживая к себе на колени, и я погрузилась в знакомый холод.

— Про выбор! Лео сказал, что у тебя его нет!

— Лео ворчит одно и то же без остановки. И я давно не отвечаю на его замечания. Моя жизнь там, где есть ты. Это и без ответов понятно.

Какая же я была дура, что усомнилась в нем! Ну, конечно, отвечать было нечего.

— Не думал, что ты поднимешься так рано.

— А разве уже не утро? — Я посмотрела на небо. С восточного края его подернула легкая дымка, как бывает перед скорым восходом солнца.

— Утро. Раннее. Час волка.

— Пять?

— Половина четвертого. В это время сон обычно глубок, я хорошо помню. Когда человек крепко спит, господство над миром захватывают призраки и демоны, они оживляют кошмары.

— Значит, я сплю?

— Тебе надо отдохнуть. Утро будет не скоро.

— Но мне холодно.

— Скоро согреешься.

Даль стала более четкой, я разглядела дом, берег, холмы. И вдруг поняла, сейчас пойдет снег.

— Дует юго-западный ветер. Завтра будет

пасмурно, — как всегда «не прочитал» мои мысли Макс.

— Что же мне теперь делать? — Я взяла руку Макса, прильнула щекой к его ладони.

— Жить. Идти вперед.

Макс притянул меня к себе, закопался лицом в волосах, глубоко вдохнул.

— Ничего не изменилось, — услышала я его легкий шепот.

— Наверное, от этого можно как-то вылечиться? — На меня напало сонное безразличие.

— А надо?

Он провел носом по моей щеке, поднял голову вверх. С неба падал снег.

У меня имелось только одно желание — навсегда остаться с Максом. И оно было обязано сбыться.

Оглавление

Глава I. Призрак белой мыши	6
Глава II. Закон изменения	27
Глава III. Трудности перевода	50
Глава IV. Разговор с самим собой	71
Глава V. «...Ибо крепка, как смерть, любовь»	89
Глава VI. Сборы в дорогу, которой не будет . .	108
Глава VII. Выбор	128
Глава VIII. Гадание на ромашке	155
Глава IX. Меч в камне	177
Глава X. Площадь круга	201
Глава XI. «Большие воды не могут потушить любви...»	222
Глава XII. Не смотри в глаза незнакомцу . .	245
Глава XIII. Бегство	264
Глава XIV. Полет валькирии	284
Глава XV. Приют спокойствия	303
Глава XVI. Час волка	325

Литературно-художественное издание

ПЛЕННИКИ СУМЕРЕК

Усачева Елена Александровна

ЖЕЛАНИЕ

Ответственный редактор Т. Кузнецова
Художественный редактор А. Стариков
Технический редактор О. Куликова
Компьютерная верстка О. Шувалова
Корректор Н. Самойлова

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 27.01.2010.
Формат 84×108 1/32. Печать офсетная. Бумага офс.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 30 100 экз. Заказ № 1681.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ISBN 978-5-699-39942-0

9 785699 399420 >